

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ТОМСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

**ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА В ТРАНЗИТИВНОМ МИРЕ:
ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ И РЕСУРСЫ
ЖИЗНЕОСУЩЕСТВЛЕНИЯ**

**МАТЕРИАЛЫ IX СИБИРСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
ФОРУМА**

25–26 октября 2024 г., Томск, Россия

Томск
Издательство Томского государственного университета
2025

УДК 159.9
ББК 88
П86

Редколлегия:

И.В. Атаманова, М.И. Кирилюк, И.А. Филенко (отв. ред.)

Психология человека в транзитивном мире: вызовы времени и ресурсы жизнеосуществления : материалы IX Сибирского психологического форума, 25–26 октября 2024 г. / отв. ред. И.А. Филенко. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2025. – 154 с.

ISBN 978-5-907890-52-7

В сборнике представлены материалы IX Сибирского психологического форума (Всероссийской научной конференции с международным участием) «Психология человека в транзитивном мире: вызовы времени и ресурсы жизнеосуществления», проходившего 25–26 октября 2024 г. в Национальном исследовательском Томском государственном университете.

Целью форума является осмысление тенденций и личностных ресурсов развития современного человека в динамике социальных трансформаций в связи с новыми социально-политическими вызовами. Научная проблематика конференции включает такие области психологической науки, как когнитивная психология, клиническая и медицинская психология, психология здоровья, общая психология, организационная психология, экономическая психология, психология личности, психология развития, педагогическая психология, социальная психология.

Книга адресована специалистам в области психологии, а также представителям смежных наук – педагогам, социологам, лингвистам, медикам.

**УДК 159.9
ББК 88**

ISBN 978-5-907890-52-7

© Томский государственный университет, 2025
© Авторы статей, 2025

От редакторов издания

В этом сборнике представлены материалы IX Сибирского психологического форума «Психология человека в транзитивном мире: вызовы времени и ресурсы жизнеосуществления», проводившегося в формате Всероссийской научной конференции с международным участием 25–26 октября 2024 года на факультете психологии Национального исследовательского Томского государственного университета.

Форум, проходивший в смешанном формате, собрал в общей сложности более 100 представителей психологической науки. Среди них – психологи-исследователи и практические психологи, специалисты в области нейронаук, социальные педагоги, педагогические работники образовательных организаций, научно-исследовательские коллективы российских и зарубежных университетов и институтов и т.д.

В рамках форума проведена работа шести секций. На секции «Психология личности в изменяющемся обществе в условиях формирования новых рисков» были представлены доклады, посвященные исследованиям когнитивных и регуляторных ресурсов жизнеосуществления современного человека, психологических факторов инновационного поведения и эффективных социальных взаимодействий, новых психологических феноменов, возникающих в современных образовательных системах. Участники секции «Когнитивная психология и нейронауки: фундаментальные и прикладные исследования» представили доклады, в которых изучаются когнитивные процессы субъекта в связи с особенностями онтогенеза, а также в контекстах реализации различных видов деятельности – учебной, профессиональной, игровой. В рамках работы секции «Психология здоровья в современном мире: Психические состояния и психологическое здоровье человека» участники рассмотрели особенности формирования неблагоприятных психических состояний и поведенческих расстройств представителей различных социальных групп, обсудили теоретические концепции и технологии развития ресурсов саморегуляции личности, охарактеризовали специфику психологического сопровождения людей с нарушениями психического здоровья.

На секции «Современные исследования детства: теоретические концепции и практики работы» были представлены доклады, посвященные изучению психологии детско-родительских отношений, особенностям онтогенеза ребенка в дошкольном и младшем школьном возрасте, технологиям психологического сопровождения семей с детьми, характеризующимися нарушениями когнитивного развития, функциональными и органическими патологиями. Секция «Современные проблемы психологии профессиональной деятельности, экономической психологии и психологии управления» включала доклады, посвященные проблемам профессиональной ориентации и профессионального обучения современной молодежи, изучению технологий адаптации профессионала в современных профессиях, выявлению дисфункциональных состояний работников (стресс, выгорание, утомление и др.) и разработке средств для их преодоления. Участники секции «Информационно-коммуникативное противостояние в транзитивном обществе» обсудили проблемы, связанные с ценностно-смысловыми аспектами коммуникативных взаимодействий в современном цифровом пространстве, а также с особенностями информационно-психологической безопасности личности в сетевых взаимодействиях.

Участники IX Сибирского психологического форума приняли участие в работе шести круглых столов. На круглом столе «Современные исследования человека с позиций психологии и нейронаук» обсуждались современные подходы к изучению новых поведенческих и психологических феноменов жизнедеятельности человека. Круглый стол «Психология и экономика: возможные форматы взаимодействия» был посвящен многостороннему анализу проблемы – «Неосмотрительное финансовое поведение и манипулирование человеческим выбором: взгляд психологов и экономистов». В ходе докладов и дискуссий обсуждались личностные и институциональные ресурсы защиты человека от рисков, связанных с повседневной финансовой актив-

ностью субъекта. Во время работы круглого стола «Понимающая психотерапия: методологические принципы и современные практики» (Томск – Москва) с сотрудниками и студентами НИ ТГУ поделились знаниями и опытом психологи Института понимающей психотерапии имени Ф.Е. Василюка (г. Москва).

На круглом столе «Актуальные вопросы работы диссертационных советов по психологическим наукам» были рассмотрены вопросы специфики подготовки кандидатских и докторских диссертаций для защиты в совете по специальности 5.3.1 «Общая психология, психология личности, история психологии» в Томском государственном университете, а также возможности защиты по двум специальностям – 5.3.1 «Общая психология, психология личности, история психологии» и 5.3.6 «Медицинская психология». Круглый стол «Биопсихосоциодуховная модель в клинической психологии» был посвящен анализу проблем обретения прочных духовных основ жизни, соотнесения ценностного уровня бытия и жизни в целом, развития и упрочения традиционных ценностей в России. Участники круглого стола «Памяти доктора психологических наук, профессора Генриха Владиславовича Залевского, основателя кафедры генетической и клинической психологии ТГУ, приуроченный к 25-летию кафедры» с большим интересом познакомились с историей становления кафедры генетической и клинической психологии в Томском государственном университете, а также с воспоминаниями коллег и близких о ее создателе – докторе психологических наук, профессоре Генрихе Владиславовиче Залевском.

Авторы статей настоящего сборника – специалисты, представляющие различные организации и города России (Москва, Санкт-Петербург, Барнаул, Благовещенск, Воронеж, Донецк, Красноярск, Иркутск, Кемерово, Новосибирск, Омск, Челябинск, Тула, Томск), Болгарии, и Китая.

Тематическое разнообразие работ, включенных в настоящий сборник, дает представление об основных направлениях прикладных исследований отечественных психологов, а также о концептуальных подходах к анализу психологических проблем современного человека в транзитивном мире и возможных средств для их решения.

Редколлегия

УДК 159.9.07

doi: 10.17223/9785907890527/2025/1

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ТРУДОМ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ОКАЗАНИЯ МНОГОПРОФИЛЬНОЙ ПОМОЩИ КАК МАРКЕР АДАПТАЦИИ К ПРОФЕССИИ

Юлия Александровна Абдулина

ФГБУН Институт психологии РАН, Москва, Россия

Профессиональная адаптация предполагает эффективное осуществление профессиональной деятельности субъектом труда при его минимальных энергетических затратах [2]. Оптимальная профессиональная адаптация становится возможной при соответствии психологических и личностных особенностей человека особенностям выбранной им профессии (наличию у него профессиональной пригодности) и предполагает достижение высокого уровня успешности профессиональной деятельности и удовлетворенности трудом (УТ) [1]. Оценка успешности специалистов помогающих профессий, подверженных высокому риску эмоционального выгорания как варианту профессиональной дезадаптации, часто является крайне затруднительной. Соответственно, при этом возрастает роль УТ как критерия адаптации человека к профессии. Однако вопрос о возможности и эмпирической обоснованности оценки профессиональной адаптации индивида по его УТ в отсутствии данных об эффективности труда остается открытым, что и обусловило актуальность настоящего исследования.

Гипотеза исследования – для специалистов помогающих профессий удовлетворенность трудом может быть использована для оценки степени их адаптации к профессии, отражающей профессиональную пригодность и субъективное благополучие.

Исследование проводили на базе ГБУ «Система 112» г. Москвы в феврале 2023 г. В нем приняли участие 239 специалистов по организации оказания многопрофильной помощи (операторов системы-112): 58 мужчин и 181 женщина в возрасте 19–65 лет со стажем работы оператором 0,1–22 года. Оценку общего уровня УТ специалистов проводили по методике «Интегральная удовлетворенность трудом» [4, с. 325–327]. Профессиональную адаптацию оценивали качественно по интенциональной направленности личности профессионала с помощью незаконченных предложений «Метода мотивационных индукторов» (ММИ) Ж. Нюттена [3, с. 534–538]. Ответы операторов на незаконченные предложения подвергались частотному и контент-анализу.

По общему уровню УТ испытуемых разделили на три группы: с низкой, средней и высокой УТ (НУТ, СУТ и ВУТ, соответственно). Сравнение ответов операторов с разным уровнем УТ по методике Ж. Нюттена обнаружило ряд различий между ними по степени заинтересованности в своем профессиональном труде оператора системы-112 и возможности развития в профессии, направленности на себя и на другого. Так, у специалистов с НУТ чаще, чем в других группах проявлена и наиболее выражена в целом направленность на себя. Они чаще других высказывают опасения по поводу своего физического и душевного здоровья (например, «опасаюсь сойти с ума») и ожидают различные виды отдыха и перерывов в работе (например, «стремлюсь в отпуск», «ожидаю окончания смены»), что косвенным образом свидетельствует об утомлении и даже переутомлении при выполнении служебных обязанностей. Операторы с НУТ реже других пишут о желании расширять и углублять свои профессиональные компетенции, но чаще других упоминают о своем стремлении к успеху без уточнения – в чем конкретно он для них выражается. У специалистов с ВУТ направленность на другого преобладает и проявлена в

большой степени, чем в остальных группах. При этом она выражается именно через желание помочь окружающим (например, «стремлюсь сделать работу смены лучше»), что соответствует целям их профессиональной деятельности как помогающего специалиста. Также операторы с ВУТ больше других ориентированы на приобретение новых профессиональных знаний, умений и навыков и стремление к совершенству и идеалу во всем, в том числе и в работе (например, «прилагаю максимум усилий для повышения своего профессионализма / к самообучению / чтобы делать все на отлично»), что косвенно указывает на наличие у них желания и ресурсов для дальнейшего развития в профессии. Респонденты этой группы в своих ответах практически не упоминают проблем, связанных со здоровьем и психологическим комфортом, что свидетельствует о неактуальности этой проблемы для них. Специалисты со СУТ при этом занимают некую промежуточную позицию между специалистами с НУТ и ВУТ по частоте встречаемости ответов, отражающих их направленности на себя и другого, ориентации на успех и карьеру, саморазвитие и самосовершенствование в работе и в жизни в целом.

Суммируя все вышесказанное, сравнение ответов операторов системы-112 с разным уровнем УТ на незаконченные предложения ММИ, отражающих их интенциональную направленность, обнаружило качественные различия между выделенными группами специалистов по степени их актуальной адаптации к профессиональному труду. Для групп с разным уровнем УТ характерны свои особенности, отражающие направленность личности и ее мотивацию к дальнейшему развитию в профессии. Наше исследование показало, что по мере роста общего уровня УТ увеличивается и количество маркеров профессиональной адаптации человека. В результате можно сделать вывод о том, что уровень УТ специалиста по организации оказания многопрофильной помощи взаимосвязан с достигнутым ими уровнем профессиональной адаптации и может быть использован как критерий ее оценки, т.е. выдвинутая нами гипотеза нашла свое подтверждение.

Результаты настоящего исследования будут полезны для оценки актуальной профессиональной пригодности и профессиональной адаптации специалистов помогающих профессий с целью их дальнейшего сопровождения и развития в организации.

Для развития исследований в области профессиональной адаптации специалистов помогающих профессий, подверженным высокому риску эмоционального выгорания, кажется перспективным дальнейший поиск взаимосвязей между маркерами адаптации, УТ и профессиональной идентичностью этих специалистов.

Литература

1. *Бодров В.А.* Удовлетворенность работой как субъективный показатель профессиональной пригодности // *Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики.* 2007. № 3 (40). С. 24–26.
2. *Медведев В.И.* Адаптация человека. СПб. : Институт мозга человека РАН, 2003. 551 с.
3. *Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2004. 608 с.
4. *Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.* Социально-психологическая диагностика личности и малых групп. М. : Изд-во Института психотерапии, 2002. 362 с.

УДК 159.955

doi: 10.17223/9785907890527/2025/2

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ «МАГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ» У ЛИЦ ЗРЕЛОГО ВОЗРАСТА

Екатерина Иннокентьевна Алыджи, Юлия Валерьяновна Живаева

*ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет
имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» Министерства здравоохранения
Российской Федерации, Красноярск, Россия*

Введение. Времена научно-технического прогресса в двадцать первом веке кажутся неуместными для обсуждения магии и магического мышления. В эпоху модерна М. Вебер предсказывал, что человек, освободившись от магии и религиозных суеверий, сможет объективно познавать все явления. Однако сейчас мы наблюдаем обратную тенденцию в обществе. Растет количество шаманов, магов, гадалок и им подобных, а также различных предрассудков и суеверий.

Магическое мышление – это психологическая концепция, связанная с верой в магию и суеверия и охватывающая широкий спектр областей, от примитивных религиозных убеждений до современных представлений о карме и законе притяжения.

Существуют различные аспекты магического мышления, которые выступают как копинг-стратегии, помогающие нам приспособляться к сложной и часто непредсказуемой жизни. Эти стратегии работают на подсознательном уровне, уменьшая страхи и тревоги посредством веры в многообразие значительных символов и обрядов.

Формулировка цели статьи, ее актуальность. Целью данной работы является изучение магического мышления у лиц зрелого возраста. Современные исследования магического мышления включают в себя различные подходы и методы. Одна из областей исследования заключается в изучении эволюционной природы магического мышления. Ученые исследуют, как эта форма мышления может быть связана с нашей биологической природой и какие преимущества она может предоставлять в нашей эволюции.

Другие исследования сосредотачиваются на социокультурных аспектах магического мышления. Ученые изучают, как культурные и социальные факторы могут влиять на формирование и поддержание магических верований.

Известно, что интерес к магии, эзотерике и оккультизму характерен для ситуации кризиса и трансформации социальных институтов, которая оборачивается усилением неопределенности и непредсказуемости, вследствие чего индивиды обращаются к разным, в том числе маргинальным, стратегиям конструирования идентичности и жизненного пути.

Согласно исследованию И.Р. Абитова и Р.Р. Акбировой [1], суеверность у лиц, страдающих невротическими расстройствами, выступает в качестве самостоятельного психического феномена, не связанного с характерологическим преморбидом и выполняющего защитно-компенсаторную функцию.

Современные исследования магического мышления помогают нам лучше понять его природу и механизмы. Они также могут иметь практическую ценность, давая нам представление о том, как магические верования и практики могут влиять на нашу жизнь и общество, и как мы можем использовать эту информацию для улучшения благополучия и принятия рациональных решений.

Изложение основного материала статьи. Данное исследование проводилось с целью изучения магического мышления у лиц зрелого возраста.

Экспериментальной базой для проведения исследования выступило Федеральное казенное учреждение здравоохранения «Медико-санитарная часть № 24 Федеральной службы исполнения наказаний» (ФКУЗ МСЧ-24 ФСИН России) (г. Красноярск).

В исследовании приняли участие пациенты терапевтического отделения и отделения медицинской реабилитации в количестве 30 человек. Из них: 24 женщины, 6 мужчин. В анализе результатов исследования пол респондентов не учитывался. Полученные результаты исследования обсуждаются далее.

Для определения уровня магического мышления респондентам был предложен тест «Шкала веры в паранормальное» (Revised Paranormal Belief Scale, RPBS).

Результаты исследования. Рассмотрим результаты исследования, полученные с помощью вышеупомянутой методики.

После количественной обработки результатов, полученных с помощью методики Magic Ideation Scale (MIS), мы получили следующие показатели уровня магического мышления: в целом данный показатель находится в пределах нормы популяции. При этом 3 измерения показали значения ниже среднего, 24 находятся в пределах средних значений, а 4 – выше среднего уровня.

Исследование веры в паранормальное, проведенное при помощи «Шкалы веры в паранормальное» (Revised Paranormal Belief Scale, RPBS), показало следующие результаты: Традиционная религиозная вера (15,8 среднее значение), Пси-способности (12,1), Колдовство (14), Суеверие (8), Спиритизм (14,5), Экстраординарные формы жизни (10,2), Предсказание (14,2). Как мы можем видеть, наибольшее количество баллов набрано по субшкалам «традиционная религиозная вера», «спиритизм» и «предсказание». При этом разница между показателями субшкал «предсказание» и «колдовство» всего в 0,2 единицы, говорит о том, что данное проявление веры в паранормальное также находится на высоком уровне.

Выводы. Данные результаты свидетельствуют о том, что большинство участников исследования имеют средний уровень магического мышления, что является типичным для данной группы людей. Дальнейшие исследования должны учитывать различные возрастные группы, что позволит разработать более эффективные интервенции и программы для помощи людям с «магическим мышлением» в развитии адаптивных копинг-стратегий и улучшении их психологического благополучия.

Литература

1. *Абитов И.Р., Акбирова Р.Р.* Взаимосвязь суеверности с чертами характера у лиц, страдающих невротическими расстройствами // II Международная конференция по консультативной психологии и психотерапии, посвященная памяти Федора Ефимовича Василюка : сб. материалов. Электронное издание, Москва, 5–7 ноября 2020 г. М. : Психологический институт РАО, 2020. С. 9–12.
2. *Байрамова Э.Э., Ениколопов С.Н.* Магическое мышление и вера в магию в структуре психологических защит и копинг-стратегий // Психология. Психофизиология. 2021. Т. 14. № 4. С. 5–13.
3. *Двойнин А.М.* Природа религиозного сознания в оптике культурно-исторической психологии Л.С. Выготского // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. 2022. № 104. С. 123–143.
4. *Трубицына Л.В.* Феномен «одушевления» вещей, или разговор с вещами // Теоретическая и экспериментальная психология. 2020. Т. 13. № 2. С. 65–78.
5. *Хорошилов Д.А., Машков Д.С.* Исследование магии в современном обществе сквозь призму биографии (на примере нарративного анализа жизненной истории) // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 4. С. 79–90.

УДК 159.955

doi: 10.17223/9785907890527/2025/3

ЧИСЛОВОЕ ЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНОЕ КАЧЕСТВО ПРИ СРАВНЕНИИ МАТЕМАТИКОВ И ФИЛОЛОГОВ

Михаил Михайлович Басимов

*АНО ВО «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского»,
Москва, Россия*

В рамках многочисленных исследований по психологии труда в основном рассматриваются представители только одной какой-либо профессии, а это значит, что в конкретном исследовании изучаются, за редким исключением, в основном очень схожие между собой по психологическим особенностям респонденты, когда внутренние отличия между теми или иными группами, формируемыми тематикой исследования (успешность профессиональной деятельности, успешность обучения в университете, квалификационный разряд и т.д.), значительно меньше, чем отличия их от представителей других специальностей.

Поэтому, когда в исследовании ставятся задачи об изучении отличий по психологическим показателям представителей одной и той же профессии (или родственных профессий, специальностей), но, например, разных квалификационных разрядов, разного стажа работы по профессии, то сравниваются достаточно похожие группы, хотя могут наблюдаться и отдельные достоверные отличия.

Поэтому, чтобы понять общую картину по тому или иному психологическому показателю желательно сравнивать не две или три группы представителей одной и той же профессии, но отличающихся квалификационным разрядом при оценке профессиональной деятельности или суммарными оценками в рамках интегральных направлений учебной деятельности, а одновременно набор таких групп для нескольких, в том числе неродственных, профессий или специальностей.

Такое сравнение относится к многочисленным психологическим качествам (личностные особенности, когнитивные способности и т.д.), которые нельзя отнести к специфическим профессиональным качествам, которые должны быть присущи соответствующим профессиональным группам, и отсутствие которых не может компенсироваться какими-то другими качествами (например, музыкальный слух, быстрота реакции и т.д.).

Поэтому, если это возможно, то для многочисленных специальностей, не требующих наличия отдельных ярко выраженных профессиональных способностей, в исследовании предпочтительнее рассматривать одновременно представителей сразу нескольких специальностей. Это, прежде всего, касается специальностей, требующих высшего образования, когда, например, никакие эксперты при обсуждении психограммы той или иной специальности, не выскажут мнения, что их специальность требует среднего или низкого уровня одновременно как числового, так и вербального логического мышления. Хотя математики превосходят филологов (русский язык) как по числовому, так и по вербальному логическому мышлению, причем для разных по сложности тестов, вне зависимости от успешности обучения в университете.

Для изучения различий между 15 группами в рамках каждой из 12 специальностей (всего 180 сравниваемых групп) по 27 психологическим показателям применяется 1 вариант авторского метода множественного сравнения [2, 3].

Для оценки по тесту «Числовые ряды» 27 групп по уровням успеваемости (3 специальности, 3 уровня успеваемости по 3 направлениям учебной деятельности в рамках специальности) наибольшие значения имеем у 9 групп специальности «Математика и информатика», со значе-

ниями сравнительной весомости от +27 до +136. Несколько ниже располагаются 9 групп специальности «Немецкий язык», со значениями сравнительной весомости от –39 до +36. Значительно ниже результаты по тесту у студентов специальности «Литература и русский язык», для 9 групп этой специальности он характеризуется сравнительными весомостями от –135 до –34. При этом среди 180 групп 12 специальностей это интервал от –145 до +136. Для трех специальностей и трех направлений учебной деятельности результаты по сравнительным весомостям при сравнении 180 групп следующие:

МИ1: +30,+28,+122;

МИ2: +44,+34; +136;

МИ3: +27, +68, +109.

НЕ1: –24, –25, +36;

НЕ2: –32, +10, +10;

НЕ3: –39, –7, +31.

ФИ1: –130, –134, –34;

ФИ2: –117, –135, –39;

ФИ3: –116, –135, –36.

Таким, образом, все группы специальности «Математика и информатика» находятся выше всех групп специальности «Немецкий язык» и значительно выше всех групп специальности «Литература и русский язык».

При этом, если следовать традиционному подходу, когда исследование проводится для одной специальности (см. большое количество диссертаций по психологии труда), следовало бы отметить, как принято в современном психологическом сообществе, три «значимые», но при этом достаточно слабые корреляции.

1. Для специальности «Литература и русский язык», следуя традиционному подходу, для двух направлений учебной деятельности наблюдаются небольшие (выборка $N = 49$), но «значимые» корреляции, хотя они и несколько больше по модулю 0,3, но с учетом поправок на значение коэффициента корреляции [3], когда немногочисленность выборки (менее 100) требует интерпретации коэффициента корреляции по силе, сдвигая интервалы, определяющие силу корреляции, в сторону больших значений, одну нужно трактовать как слабую ($0,28 < r \leq 0,38$), другую как умеренную ($0,38 < r \leq 0,58$):

– направление учебной деятельности «Литература» – это умеренная (в перерасчете на выборку $N = 49$) корреляция, равная 0,44 (критическое значение для выборки объемом $N = 49$ и $p = 0,05$ равно 0,282);

– направление учебной деятельности «Русский язык» – это слабая (в перерасчете на выборку $N = 49$) корреляция, равная 0,33.

2. У специальности «Математика и информатика» для направления учебной деятельности «Математика» – это слабая (в перерасчете на выборку $N = 83$: $0,22 < r \leq 0,32$) корреляция, равная 0,306 (критическое значение для выборки объемом $N = 83$ и $p = 0,05$ равно 0,211).

Таким образом, если изучать отдельную специальность, часто данные по тестовой шкале представляют узкую часть шкалы, не позволяющую получить существенные отличия групп внутри специальности, а, значит, это может натолкнуть на выводы о профессиональной незначимости того или иного качества, несмотря даже на достаточно большие значения, выделяющие изучаемую профессию по сравнению с другими профессиями.

Литература

1. Басимов М.М. Как практически отсутствующая корреляция становится «значимой», а исследование результативным (преобразование коэффициентов корреляции) // Вестник Мининского университета. 2023. Т. 11, № 2 (43). Статья № 10. doi: 10.26795/2307-1281-2023-11-2-10

2. *Басимов М.М.* Изучение статистических связей в психологических исследованиях: монография. М. : Изд-во МПСИ ; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 2008. 432 с.
3. *Basimov M.M.* Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods). Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 185 p.

УДК 159.922.7

doi: 10.17223/9785907890527/2025/4

НЕЛИНЕЙНОСТЬ СТРОГОСТИ КАК ПРИЧИНЫ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ЖИЗНИ, А ПРИНЯТИЯ РЕБЕНКА КАК ПРИЧИНЫ РОДИТЕЛЬСКОЙ ТРЕБОВАТЕЛЬНОСТИ

Михаил Михайлович Басимов

АНО ВО «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского», Москва, Россия

Психология семьи должна была одной из первых отраслей психологии, которая должна принять нелинейный стиль мышления и изучать преимущественно простейшие нелинейные связи между своими специфическими параметрами, не вписывающимися в линейные модели. Но при этом приходится отмечать, что этого не происходит и подавляющее большинство психологов крайне далеки от концепции нелинейности, прежде всего в экспериментальной психологии.

По данным диссертационного исследования Ю.В. Ильиных [2] также можно проследить нелинейные эффекты в семейной психологии. В исследовании использовались три диагностические методики: «Предельных смыслов» (Д.А. Леонтьев); «Смысложизненные ориентации» (Д.А. Леонтьев) [3]; «Взаимодействие ребенок-родитель» (И.М. Марковская) [4]. Параметры двух методик (из трех перечисленных) анализируются в рамках настоящей статьи на предмет причинно-следственных связей с использованием авторского метода [1, 5].

1. Зависимость показателя «Требовательность» (X14) от показателя «Принятие ребенка» (X18). Прежде всего отметим, что линейная связь между рассматриваемыми переменными не зафиксирована (коэффициент корреляции равен $-0,176$). А вот простейшая нелинейная зависимость с максимумом X14(X18) достаточно сильная: коэффициент силы связи равен $0,844$. При этом она, как это часто бывает для зависимостей далеких от линейных, явно односторонняя, так как коэффициент силы связи для обратной зависимости X18(X14) равен всего лишь $0,197$.

Для всей рассматриваемой совокупности из 94 испытуемых для показателя «Требовательность» (X14) среднее значение равно $14,09$, среднее квадратическое отклонение – $2,97$, а для показателя «Принятие ребенка» (X18) среднее значение равно $18,46$, среднее квадратическое отклонение – $2,91$.

Зависимость X14(X18) в модели для квинт независимой переменной, представлена сравнительными весомостями зависимой переменной: $+234$; -122 ; -52 ; $+1301$; -1303 .

В сильной зависимости X14(X18) при переходе независимой переменной «Принятия ребенка» с 1 квинты ($11 \leq X < 17$ балла по шкале теста, 22 человека) на 2 квинту ($17 \leq X < 19$ балла по шкале теста, 27 человек) наблюдается незначительное убывание требовательности от $+234$ до -122 по сравнительной весомости, после чего наблюдается незначительный рост от -122 до -52 при переходе на 3 квинту ($19 \leq X < 21$ балла по шкале теста, 17 человек), а потом сильный рост требовательности с $+52$ до $+1301$ по шкале сравнительной весомости до своих максимальных значений при переходе с 3 на 4 квинту ($21 \leq X < 22$ балла по шкале теста, 13 человек) независимой переменной «Принятие ребенка». После чего наблюдается очень сильный спад требовательности до своих наименьших значений с $+1301$ до -1303 (5 квинта: $22 \leq X \leq 24$ балла по шкале теста, 15 человек). Таким образом, вначале по трем квинтам X18 наблюдаются незначи-

тельные колебания требовательности при переходе с 1 на 3 квинту, но потом на 4 квинте принятия ребенка, которое отражает базовое отношение родителя к ребенку, принятие или отвержение личностных качеств и поведенческих проявлений ребенка, что является важным условием благоприятного развития ребенка, его самооценки, наблюдается резкий рост требовательности родителя, который проявляется во взаимодействии родителя с ребенком, в ожидании высокого уровня ответственности от ребенка. Но вот дальнейший рост принятия ребенка на 5 квинте до своих наибольших значений приводит к очень резкому падению требовательности, до значений значительно меньших, чем на 1–3 квинтах принятия ребенка.

2. Зависимость показателя «Результативность жизни» (X11) от показателя «Строгость» (X15). Прежде всего, отметим, что линейная связь между рассматриваемыми переменными не зафиксирована (коэффициент корреляции равен $-0,146$). А вот простейшая нелинейная зависимость с максимумом X11(X15) также сильная: коэффициент силы связи равен $0,751$. При этом она, как и в первом случае, далека от линейной, явно односторонняя, так как коэффициент силы связи для обратной зависимости X15(X11) равен всего лишь $0,186$.

Для всей рассматриваемой совокупности из 94 испытуемых для показателя «Результативность жизни» (X11) среднее значение равно $25,98$, среднее квадратическое отклонение – $5,03$, а для показателя «Строгость» (X15) среднее значение равно $11,30$, среднее квадратическое отклонение – $2,50$.

Зависимость X11(X15) в модели для квинт независимой переменной представлена сравнительными весомостями зависимой переменной: $+2$; $+1068$; -420 ; $+263$; -398 .

В сильной зависимости переменной X11(X15) при переходе с 1 квинты ($5 \leq X15 < 10$ балла по шкале теста, 17 человек) на 2 квинту ($10 \leq X15 < 11$ балла по шкале теста, 18 человек) строгости наблюдается рост результативности жизни до своих максимальных значений с $+2$ до $+1068$ по сравнительной весомости, а результативность жизни или удовлетворенность самореализацией отражает положительную оценку пройденного отрезка жизни, ощущение того, насколько продуктивна и осмысленна была прожитая ее часть. После чего наблюдается еще более существенное, но падение (неудовлетворенность прожитой частью жизни) показателя «Результативность жизни» с $+1068$ до -420 при переходе на 3 квинту строгости ($11 \leq X < 12$ балла по шкале теста, 17 человек), далее результативность жизни лишь сравнительно незначительно колеблется вблизи своих средних показателей: вначале с -420 до $+263$ по шкале сравнительной весомости при переходе с 3 на 4 квинту ($12 \leq X < 13$ балла по шкале теста, 20 человек) строгости и далее с $+263$ до -398 при переходе с 4 на 5 квинту ($13 \leq X \leq 21$ балла по шкале теста, 22 человека) независимой переменной «Строгость», когда строгость проявляется в наибольшей степени и можно судить о суровости, строгости мер, применяемых к ребенку, о жесткости правил, устанавливаемых во взаимоотношениях между родителями и детьми, о степени принуждения детей к чему-либо.

Таким образом, вначале по 3 квинтам строгости наблюдаются вначале резкий рост результативности жизни, потом ее резкий спад до значений меньше первоначальных, но в дальнейшем лишь сравнительно незначительные колебания показателя результативности жизни при переходе вначале на 4, потом на 5 квинту независимой переменной «Строгость».

Значит, данные исследования при более глубоком анализе дают результаты, непротиворечащие практике семейного воспитания: только аккуратно дозированная строгость приводит к удовлетворенности самореализацией. А принятие ребенка при определенных значениях способствует формированию требовательности, но максимальные значения приводят к потере требовательности, как и при непринятии ребенка.

Литература

1. *Басимов М.М.* Изучение статистических связей в психологических исследованиях. М. : Изд-во МПСИ ; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 2008. 432 с.

2. Ильиных Ю.В. Стиль родительского воспитания как фактор формирования смысловой сферы старшего подростка: дис. ... канд. психолог. наук. М., 2004. 211 с.
3. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентации. М. : Смысл, 1992. 16 с.
4. Марковская И.М. Тренинг взаимодействия родителей с детьми. СПб. : Речь, 2000. 150 с.
5. Vasimov M.M. Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods). Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 192 p.

УДК 159.937

doi: 10.17223/9785907890527/2025/5

ДИНАМИКА ВОСПРИЯТИЯ ТРУДНОЙ СИТУАЦИИ У ЛЮДЕЙ С РАЗНЫМИ ТИПАМИ РЕАГИРОВАНИЯ НА ИЗМЕНЕНИЯ

Екатерина Владиславовна Битюцкая, Анна Алексеевна Херувимова,
Анна Георгиевна Докучаева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–01255.

Вопрос о динамике совладания был введен в психологическую науку базовым определением данного феномена: копинг как меняющийся с развитием ситуации процесс, предполагающий когнитивные и поведенческие усилия для овладения внешними и/или внутренними требованиями [3]. Хотя это определение указывает на важность меняющейся ситуации, большинство исследований направлены на анализ вариативности используемых копинг-стратегий [1, 2]. Воспринимаемые же человеком параметры ситуации редко изучаются. Введенное в российской психологии понятие «трудная жизненная ситуация» (ТЖС) дает возможность сфокусироваться на образе ситуации, тем самым рассмотреть как объективные, так и субъективные параметры. Это позволяет изучать динамику совладания (включая его поведенческий аспект в виде программы действий) через изменения в структуре образа ТЖС [1].

Целью данного исследования стал анализ изменений компонентов образа актуальной ТЖС: оценок, копинг-стратегий, ориентаций (как направленности сознания на анализ трудной задачи или уход от ее решения). При этом мы предположили, что динамика восприятия ТЖС будет отличаться у людей, принимающих и не принимающих жизненные изменения.

Дизайн. Динамика восприятия ТЖС определялась на основе схемы «тест-ретест». Участники описывали ТЖС, актуальную для них в период проведения исследования и дважды (с разницей в один месяц) отвечали в онлайн форме на пункты опросников, направленных на изучение оценок, ориентаций в трудной ситуации и копинг-стратегий. Кроме того, на этапе теста участники исследования заполняли опросник «Типы реагирования на ситуацию изменений», позволяющий определить три типа (принятие перемен, отвержение перемен и амбивалентное отношение) в зависимости от сочетания выраженных стратегий в индивидуальном профиле по опроснику. Анализ полученных данных проводился на основе критериев U Манна–Уитни и Уилкоксона.

В исследовании приняли участие 202 человека в возрасте от 18 до 55 лет ($M = 24,1$; $SD = 5,29$), из них 31 мужчина и 171 женщина, давших информированное согласие.

В первой серии исследования мы определяли динамику показателей восприятия ТЖС для двух типов реагирования на ситуацию изменений: принятия ($n = 46$, Г–ПР) и отвержения перемен ($n = 26$, Г–ОТ), которые могут условно рассматриваться как контрастные группы. Во второй серии мы рассмотрели, какие показатели значимо меняются в двух группах: у людей,

которые сообщили в ретесте об усилении ($n = 87$) и ослаблении ($n = 96$) отрицательных эмоций относительно ТЖС. Группу людей, у которых показатели эмоций не изменились, мы не рассматривали.

Результаты первой серии. Различия в динамике показателей восприятия ТЖС для Г–ПР и Г–ОТ были обнаружены по следующим показателям:

– оценка «трудность прогнозирования» ($p = 0,020$) у Г–ПР со временем снижалась, тогда как у Г–ОТ – возрастала;

– способ копинга «противостояние» ($p = 0,012$) стал менее интенсивно использоваться как Г–ПР, так и Г–ОТ, но в значительной степени выраженность этого способа снизилась у Г–ОТ;

– способ копинга «дистанцирование» как снижение значимости ТЖС ($p = 0,023$) стал более интенсивно использоваться Г–ПР, тогда как участники Г–ОТ сообщили о меньшей интенсивности этого способа.

Результаты второй серии. Рассмотрим показатели, по которым мы получили значимые различия «тест / ретест» для двух групп.

Для группы, чьи эмоции усилились, помимо изменений в уровне негативных эмоций (тест 3,69/ретест 3,96; $p < 0,001$), были найдены повышение выраженности ориентации *бездействие* (0,94/1,02; $p = 0,050$) и частоты использования способа копинга *поиск социальной поддержки* (1,76/1,89; $p = 0,003$). Анализ частот выявил в этой группе 22% представителей Г–ПР, 14% Г–ОТ и 64% людей, амбивалентно относящихся к изменениям.

Для группы, чьи эмоции ослабли, помимо изменений в уровне негативных эмоций (4,36/3,23; $p < 0,001$), были обнаружены:

– снижение выраженности оценок: *общей трудности* (4,83/4,14; $p < 0,001$), *неподконтрольности* (2,29/1,97; $p = 0,007$), *непонятности* (3,08/2,41; $p < 0,001$), *необходимости быстрого реагирования* (3,60/3,36; $p = 0,022$), *трудности принятия решений* (3,54/3,02; $p < 0,001$);

– снижение выраженности следующих ориентаций: *на препятствия* (1,76/1,61; $p = 0,009$), *на угрозу* (1,97/1,82; $p = 0,013$), *избегания* (1,72/1,34; $p < 0,001$), *беспечности* (1,41/1,295; $p = 0,046$);

– снижение частоты использования копинг-стратегий *самоконтроля* (1,73/1,59; $p = 0,038$), *противостояния* (1,37/1,25; $p = 0,016$), *самообвинения* (1,56/1,37; $p = 0,013$) и *пассивного копинга* (1,49/1,35; $p = 0,040$).

– повышение частоты использования копинг-стратегии *положительной переоценки ситуации* (1,88/2,12; $p = 0,009$).

В группе, чьи эмоции ослабли, оказалось 27% представителей Г–ПР, 13% Г–ОТ и 60% людей, с амбивалентным отношением.

Выводы. По результатам первой серии исследования оказалось, что со временем при переживании ТЖС люди, принимающие изменения, испытывают меньше трудностей прогнозирования ТЖС, и способны в большей степени дистанцироваться от проблемы. При этом не принимающие изменения люди со временем сообщают о больших трудностях прогнозирования, снижении сопротивления условиям ТЖС и дистанцирования, что косвенно указывает на то, что ситуация для них становится значимой.

Во второй серии, для группы, чьи отрицательные эмоциональные переживания со временем ослабли, мы получили существенно большее количество изменившихся показателей восприятия ТЖС. Вероятно, это связано с тем, что для этой группы снижение отрицательных эмоций и общей трудности ТЖС, а также ее актуальности определяет изменения большинства показателей воспринимаемой ТЖС. Для другой группы (в которой эмоции усиливались со временем) ТЖС остается актуальной и большинство показателей трудности, ориентаций и копинг-стратегий существенно не меняются. При этом тенденции сочетания типа реагирования на изменения с усилением или ослаблением отрицательных эмоций мы не обнаружили.

Литература

1. Битюцкая Е.В. Структура и динамика образа трудной жизненной ситуации // Вопросы психологии. 2020. № 3. С. 116–131.
2. Kato T. Development of the Coping Flexibility Scale: Evidence for the coping flexibility hypothesis // Journal of Counseling Psychology. 2012. V. 59 (2). P. 262–273.
3. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, Appraisal and Coping. NY : Springer, 1984. 445 p.

УДК 159.9.07

doi: 10.17223/9785907890527/2025/6

МЕТАКОГНИТИВНЫЕ, ЦЕННОСТНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК КАК ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗЛИЧИЙ В ИННОВАТИВНОЙ АКТИВНОСТИ

Сергей Александрович Богомаз, Игорь Александрович Филенко

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

Введение. Наша жизнь насыщена новыми технологиями, изменяющими возможные формы повседневных социальных отношений, а также форматы учебных и профессиональных взаимодействий. В связи с этим, перед каждым человеком стоят задачи быстрого и эффективного освоения инноваций, поскольку компетенции, связанные с их использованием, становятся залогом успешной самореализации в разных сферах деятельности на протяжении жизни. Понятие инновативность, включающее характеристики субъекта, связанные с отношением к новым технологиям, их освоением и имплементацией в свои повседневные практики, раскрывается не только через соответствующие знания, умения и навыки, но и через определенные личностные характеристики, поддерживающие инновативное поведение человека [1, 3]. В связи с этим, целью исследования являлось изучение метакогнитивных, ценностных и личностных характеристик, как предпосылок различий в инновативной активности молодежи в связи с фактором пола.

Методы исследования. В исследовании участвовали 322 респондента, обучающихся в вузах Сибирского региона: 229 девушек (возраст $20,2 \pm 2,13$) и 93 юноши (возраст $21,5 \pm 2,78$). Сбор данных осуществлялся в конце сентября–октябре 2023 г. в ходе онлайн-опроса на электронной площадке 1ka.si, с помощью методик: Опросник метакогнитивных ресурсов регуляции поведения человека в трудных жизненных ситуациях (МиРТЖС) со шкалами Самоконтроль, Управление тревожностью, Эффективность памяти (Память) и Интуитивное познание людей (Интуиция) [5]; Шкала самооценки инновативных качеств личности (СИКЛ) (Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко, 2009) [2]; Шкала открытость опыту и шкала открытость знаниям (культуре) опросника Большая пятерка (G.V. Carraça et al., 1993, адаптация Е.Н. Осин и др., 2015) [3]; Шкала Традиция и шкала Стимуляция, которые входят в Портретный ценностный опросник (PVQ-R; Ш. Шварц и др., 2012); Шкалы Целеустремленность и Планируемость опросника самоорганизации деятельности Е.Ю. Мандриковой.

Статистический анализ, включающий определение первичных статистик, дисперсионный анализ ANOVA, факторный и кластерный анализ проводился в программе Statistica 10.0.

Результаты. В процессе анализа данных были введены индексы: Индекс управляемости (среднеарифметическое показателей Самоконтроль и Управление тревожностью) и Индекс живости (среднеарифметическое показателей Открытость опыту и Стимуляция). Дисперсионный анализ позволил выявить различия в связи с полом по некоторым показателям (в баллах): низкие значения у девушек Индекса управляемости – $3,21 \pm 0,67$ (у юношей – $3,72 \pm 0,76$), значимость различий $p = 0,000$; Памяти – $3,30 \pm 1,05$ ($3,80 \pm 1,02$, юноши), $p = 0,000$; Инновативно-

сти – $3,25 \pm 0,59$ ($3,63 \pm 0,65$, юноши), $p = 0,000$; Открытости знаниям – $3,37 \pm 0,83$ ($3,77 \pm 0,83$, юноши), $p = 0,000$; высокие значения у девушек по показателю Традиции – $3,04 \pm 1,27$ ($2,72 \pm 1,30$, юноши), $p = 0,042$; Планируемости – $3,27 \pm 1,25$ ($2,84 \pm 1,27$, юноши), $p = 0,006$. Близкими по уровням у девушек и юношей были показатели Интуиция, Целеполагания и Индекса живости.

У девушек и у юношей были сходными корреляционные связи изучаемых показателей, но у девушек имелись статистически достоверные корреляции между переменными Традиция и Целеполагание ($r = 0,274$; $p = 0,000$), а у юношей – между Интуицией и Индексом управляемости ($r = 0,251$; $p = 0,000$). Факторный анализ выявил по группам девушек и юношей 4 фактора с долей общей дисперсией, соответственно, 67,7 и 70,8%. При этом оказалось, что у девушек важными переменными являются Традиция (фактор 3), Интуиция и с обратным знаком Планируемость (фактор 4), а у юношей – Интуиция (фактор 1), Открытость знаниям и с обратным знаком Традиция (фактор 4).

Была проведена кластеризация методом К-средних с изучаемыми показателями и выявлены 3 кластера в группе девушек и 3 кластера у юношей. У девушек кластер С-1 (38% респондентов) отличался максимальными значениями большинства показателей, но с низкими значениями Управляемости и Памяти. Кластер С-2 (29,7%) отличался минимальным значением показателя Традиция, средними значениями Живости, Открытости знаниям и Интуиции, все остальные показатели были высокими. Представители кластера С-3 (32,3%) характеризовались минимальными значениями всех показателей. У юношей кластер С-1 (23,7%) отличался максимальными значениями всех показателей, представители кластера С-2 (43%) отличались минимальными значениями Традиция и Интуиция, средними значениями Живости и высокими значениями остальных показателей. Для кластера С-3 (33,3%) были характерны минимальные значения всех показателей.

Вся совокупность результатов показывает, что ключевыми личностными ресурсами у девушек являются Плановность и ценность Традиция, а у юношей – Открытость знаниям и Самоконтроль. Всего 30% девушек (кластер 2) отличаются высокими метакогнитивными ресурсами – Индекс Управляемости и Эффективность памяти, напротив 66,7% юношей (кластеры С-1 и С-2) характеризуются этими ресурсами.

Выводы. Полученные результаты свидетельствуют о различиях в связи с фактором пола в метакогнитивных процессах, выраженности ценностных предпочтений у девушек и юношей. Данные различия могут вести к снижению инновативной активности у девушек по сравнению с юношами в напряженных ситуациях, связанных с освоением современных технологий. В подобных ситуациях от человека становятся востребованными качества открытости, а также регуляторные ресурсы, позволяющие преодолевать внешние сложности, возникающие на пути освоения нового, и собственные негативные эмоциональные состояния (тревожность, нервно-эмоциональная напряженность, усталость, стресс), которыми может сопровождаться инновационная деятельность. Соответствующие факторы и объясняют, по нашему мнению, те достоверные различия в характеристиках Индекса инновативности (существенно меньшие его значения у девушек в сравнении с юношами), которые были обнаружены в данном исследовании.

Литература

1. Буравлева Н.А., Беляев А.А., Богомаз С.А., Галкин Д.В., Корнев В.И. Психологическая готовность к деятельности студентов творческих специальностей в ситуации вынужденной изоляции // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2023. Т. 9, № 2. С. 110–128. doi: 10.18413/2313-8971-2023-9-2-0-9
2. Лебедева Н.М., Татарко Н.М. Методика исследования отношения личности к инновациям // Альманах современной науки и образования. 2009. № 4 (23), ч. II. С. 89–96.

3. Осин Е.Н., Рассказова Е.И., Неякина Ю.Ю., Дорфман Л.Я., Александрова Л.А. Операционализация пятифакторной модели личностных черт на российской выборке // Психологическая диагностика. 2015. № 3. С. 80–104.
4. Филенко И.А., Атаманова И.В., Богомаз С.А. Инновативность, регуляция жизнедеятельности и ценностные ориентации молодых мужчин и женщин: эффект пандемии COVID-19 // Российский психологический журнал. 2022. № 3. С. 178–201.
5. Филенко И.А., Богомаз С.А. Стандартизация опросника метакогнитивных ресурсов регуляции поведения человека в трудных жизненных ситуациях (МиРТЖС) // СибСкрипт. 2024. Т. 26, № 5. С. 685–700.

УДК 159.944.4

doi: 10.17223/9785907890527/2025/7

СТРЕСС В ПОДРОСТКОВОМ И ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ: ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ И СТРАТЕГИИ СОВЛАДАНИЯ

Любовь Алексеевна Бочарова

Тульский государственный университет, Тула, Россия

Стресс является неотъемлемой частью жизни человека и представляет собой естественную реакцию организма на различные внешние и внутренние раздражители. В условиях современных вызовов стресс может принимать разнообразные формы. С развитием технологий и их активным внедрением в повседневную жизнь, возник новый вид стресса – техностресс, который связан с использованием цифровых устройств. Он особенно актуален для лиц подросткового и юношеского возраста, так как они часто проводят время в цифровой среде. В условиях стремительной цифровизации молодые люди часто оказываются под давлением информационного потока, социального сравнения и требований к использованию технологий. Исследование техностресса, его влияния на психическое здоровье молодежи и стратегии совладания этим стрессом становятся актуальной задачей для современной психологической науки.

Целью работы является анализ влияния техностресса на представителей подросткового и юношеского возраста, выявление его основных факторов и рассмотрение стратегий совладания. Особое внимание уделено влиянию техностресса на психологическое благополучие, формирование самооценки и социальные взаимодействия молодых людей. Мы рассматриваем, как техностресс может выступать не только негативным фактором, но и эустрессом, способствующим личностному росту и развитию адаптивных навыков.

Техностресс можно классифицировать по нескольким типам: техноперегрузка (перегрузка информацией), техно-тревожность (страх перед новыми технологиями), техно-навязчивость (чрезмерное использование устройств), техно-сложность (сложности в использовании технологий) и техно-неопределенность (непредсказуемость изменений в цифровой среде) [3]. Каждый из этих типов оказывает различное влияние на формирующуюся личность, создавая как кратковременные, так и долгосрочные эффекты на ее психическое и социальное благополучие.

Использование социальных сетей и цифровых технологий часто приводит к усилению других видов стресса, в том числе учебного. Чрезмерное общение онлайн ослабляет качество реальных социальных взаимодействий, приводя к чувству одиночества и изоляции [1]. Лица подросткового и юношеского возраста сталкиваются с давлением со стороны сверстников, вызванным необходимостью соответствовать определенным стандартам поведения и внешнего вида, а также с риском кибербуллинга [4], что серьезно влияет на их психологическое состоя-

ние. Постоянное сравнение себя с другими в социальных сетях ведет к снижению самооценки и депрессивным состояниям [5]. Большой объем информации из интернета вызывает когнитивную перегрузку, что способствует развитию тревожности и снижению концентрации.

Несмотря на негативные стороны, техностресс также может выступать в роли эустресса, который способствует личностному росту подростков и юношей. Технологические вызовы стимулируют молодых людей к развитию новых навыков, что способствует адаптации. Например, необходимость освоения новых технологий и управления информационным потоком может повысить когнитивные способности и самоорганизацию. В этом контексте техностресс мобилизует ресурсы личности, способствует формированию устойчивости и развитию жизнестойкости [2].

При этом молодежь использует различные стратегии совладания со стрессом, которые включают как конструктивные, так и неконструктивные подходы. К конструктивным стратегиям относятся ограничение времени использования устройств, физическая активность и реальные социальные взаимодействия. Использование социальной поддержки от родителей, друзей, преподавателей также играет важную роль в снижении уровня техностресса. Неконструктивные стратегии, такие как избегание или чрезмерное погружение в виртуальную среду, усиливают негативные последствия и могут привести к ухудшению психического здоровья. Стоит отметить роль раннего опыта и факторов воспитания в определенной устойчивости молодежи к технострессу. Подростки и юноши, которые росли в поддерживающей среде, где их эмоциональные потребности удовлетворялись, где им предоставляли возможность самостоятельно принимать решения, проявлять инициативу и получать поддержку в своих увлечениях, формируют внутреннюю опору, которая помогает им справляться со стрессом.

Исходя из этого, особую роль в формировании устойчивости к технострессу играют социальные системы, в том числе образовательные учреждения. Обучение школьников и студентов управлению своим временем и информационными потоками помогает снизить негативные последствия техностресса. Программы, направленные на развитие критического мышления, формированию гибких навыков – эмпатии, коммуникабельности, работе в команде, также могут уменьшить влияние социального давления и повысить уверенность молодежи в цифровой среде.

Таким образом, стресс, независимо от его формы, продолжает воздействовать на современное общество, особенно в условиях возрастающего влияния цифровых технологий. Техностресс, как особый вид стресса, возникший вследствие стремительного роста цифровизации, оказывает значительное влияние на психологическое и социальное благополучие, усиливая другие виды стресса и создавая уникальные вызовы, особенно для молодежи, при этом выступая стимулом для личностного роста и развития адаптивных навыков. Разработка эффективных стратегий совладания с технострессом и поддержка со стороны образовательной среды могут помочь представителям подросткового и юношеского возраста адаптироваться к требованиям цифрового общества, сохраняя здоровье и психологическое благополучие.

Литература

1. *Власова Н.В.* Взаимосвязь субъективного ощущения одиночества и склонности к интернет-зависимости в подростковом возрасте // *Общение в эпоху конвергенции технологий: сб. науч. тр.* 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-subektivnogo-oschuscheniya-odinochestva-i-sklonnosti-k-internet-zavisimosti-v-podrostkovom-vozzraste> (дата обращения: 09.09.2024).
2. *Волкова Е.Н., Сорокоумова Г.В.* Психологические критерии благополучия современных подростков в контексте изучения цифровой социализации // *Социальная психология и общество.* 2024. Т. 15, № 2. С. 12–27. doi: 10.17759/sps.2024150202

3. Коновалова В.Г. Цифровые технологии как фактор техностресса: проблемы и возможности их решения // УПИРР. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-kak-faktor-tehnostressa-problemy-i-vozmozhnosti-ih-resheniya> (дата обращения: 09.09.2024).
4. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16, № 4. С. 87–97. doi: 10.17759/chp.2020160409
5. Nick E.A. Adolescent digital stress: Frequencies, correlates, and longitudinal association with depressive symptoms // Journal of Adolescent Health. 2022. № 70 (2). P. 336–339. doi: 10.1016/j.jadohealth.2021.08.025.

УДК 159.92

doi: 10.17223/9785907890527/2025/8

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ ОБРАЗА МИРА ЧЕЛОВЕКА

Екатерина Валерьевна Бредун

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM–2020–0040.

Временной фактор, несомненно, выступает значимым источником в моделировании и осознании картины мира, поэтому для того, чтобы иметь возможность эффективно выполнять задачи, адаптироваться и развиваться в динамичной среде, человеку нужно понимать временную структуру события в отношении самого себя. Это связано с тем, что на качество восприятия влияет множество различных характеристик средовых стимулов и контекст события (Ж.В. Горькая [4], Е.В. Лебедева, О.Е. Сурнина [6], М.Г. Барينوва [3], А.Ю. Агафонов [2] и др.), то есть темпоральная структура самого события может влиять на точность определения длительности, целостности и скорости конструкции времени.

В процессе осознания временной структуры и объема события, помимо физических, средовых стимулов, способствующих регистрации длительности, большая роль отводится субъективным темпоральным характеристикам личности. Разницу в переживании конкретного события можно объяснить вариативностью ощущения себя относительно данного события. Повседневные переживания, цели, ценности, прогнозирование соответствуют структуре саморегуляции, где темпоральный компонент самосознания позволяет ощутить динамическую сторону образа мира человека (К.А. Абульханова-Славская [1], А.В. Кирьякова, Т.Н. Козловская [5]). Саморегуляция дает возможность регулировать свое поведение в соответствии с актуальной ситуацией, что позволяет человеку отражать себя как субъекта процесса деятельности. Таким образом, недооценка и переоценка временных компонентов события, способность удерживать внимание на задаче, способность переключаться между задачами могут служить индикаторами производительности в отношении уровня осознанной регуляции деятельности. Темпоральный компонент здесь выступает связующим фактором, позволяющим описать личностные, операциональные и когнитивные характеристики человека, как элементов успешной адаптации к изменяющимся условиям среды.

И хотя в повседневной жизни человек мало задумывается о значимости временных структур, с точки зрения науки, понимание точной природы психологического времени и факторов, оказывающих влияние на способность оценки, имеет важное значение для понимания структур жизнедеятельности человека. Таким образом, можно выделить ряд аспектов, влияющих на

восприятие времени: психофизиологические аспекты, темпоральные характеристики личности и темпоральные характеристики события, определяемые человеком. Это позволяет с одной стороны, описать временную структуру объекта деятельности (события), через восприятие субъекта, а с другой – описать степень ощущения себя субъектом в актуальном событии.

Характеристикой, влияющей на саморегуляцию, может выступать темпоральная разница, которая отражена в чувстве времени, длительности, близости и объеме события. Можно предположить, что ситуативные и личностные детерминанты восприятия времени влияют на когнитивные и мотивационные процессы, поскольку перцептивная информация маркируется различными характеристиками временных данных. Другими словами, с одной стороны, темпоральный компонент может выступать средовым фактором, описывающим событие, а с другой стороны – личностным фактором, характеризующим конкретного индивида, но, кроме того, он может выполнять прогностическую функцию, позволяющую смоделировать поведение человека в конкретной ситуации. Это имеет важное практическое значение для групповой или индивидуальной работы с человеком.

Например, в образовательной среде, в которой можно наблюдать глубокие индивидуальные различия в регуляции собственного поведения, которые отражают включенность в образовательный процесс, а, следовательно, и качество получаемого профессионального образования. Образовательная среда вуза включает в себя множество темпоральных компонентов, таких как образовательные события, творческая и досуговая деятельность, содержание дисциплины, субъекты образования и в конце концов длительность срока обучения и другие. Каждый из указанных компонентов обладает определенными объективными временными характеристиками, которые были заложены в них в соответствии с целями образовательного процесса, но степень их восприятия будет детерминироваться личными характеристиками субъекта образования. Одним из ключевых аспектов саморегуляции в образовательном процессе является соблюдение дисциплины в достижении поставленных целей, что включает в себя задачу контролировать свое поведение в соответствии с заданным временным рамками и последовательностью событий. Недостаточность саморегуляции может привести к проблемам с успеваемостью, мотивацией и целеполаганием.

Кроме того, важным компонентом ощущения времени в образовательной среде является ощущение себя в настоящем событии, т.е. как субъект образования проживает данное событие в контексте своей жизни, является ли он частью события или дистанцируется от него. Настоящее время складывается из множества информационных маркеров, детерминируемых субъективными и личностными характеристиками человека, т.е. перцептивная картина настоящего события включает продукты переработки поступающей информации, оценку и интерпретацию через личный опыт и знания человека.

Отличительной чертой идентификации настоящего времени является регистрация того, какая именно информация будет помечена, как настоящее время, поскольку интегративный образ настоящего отражает темпоральную характеристику личности, включающую когнитивный, экспрессивный и деятельный компоненты. Воспринимаемое настоящее и прошлое время (опыт) выступают не просто пространством хранения перцептивной информации, а являются частью когнитивной модели времени, в точку которого помещен сам человек.

Работа с ментальным моделированием включает в себя семантическую интерпретацию, наряду с оценкой операциональных характеристик деятельности, что позволяет выявить особенности идентификации события в построении образа мира. В свою очередь, семантические маркеры перемены суждения характеризуют изменение валентности события и повышение ценности времени для человека. Понимание и учет этих особенностей помогут создать оптимальные условия для развития каждого индивида в образовательной или профессиональной среде, поскольку, уникальные темпоральные характеристики выступают ресурсом для успешной организации жизнедеятельности.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М. : Наука, 1970. 336 с.
2. Агафонов А.Ю., Золотухина А.А., Крюкова А.П., Бурмистров С.Н. Контекстуальная опосредованность когнитивной деятельности // Экспериментальная психология. 2023. Т. 16, № 3. С. 98–120.
3. Барина М.Г., Корепанова Ю.Н., Зуева Е.Г. Субъективное восприятие времени сотрудниками правоохранительных органов // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 5 (56). С. 121–126.
4. Горькая Ж.В. Социокультурный анализ психологии восприятия времени // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 9 (120). С. 245–250.
5. Кирьякова А.В., Козловская Т.Н. Самоорганизация времени как фактор формирования «Образа будущего» студента университета. Нижний Новгород : ВГИПА. 2006. 142 с.
6. Лебедева Е.В., Сурнина О.Е. Особенности событийной структуры жизненного пути студентов в условиях современности // Педагогическое образование в России. 2014. № 2. С. 109–113.

УДК 159.99

doi: 10.17223/9785907890527/2025/9

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДИКИ ДЛЯ ВЫБОРА ПРОФЕССИЙ БУДУЩЕГО

Наталья Анатольевна Буравлева

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Работа выполнена в рамках гранта QZOY–2024–0013 «Исследование результатов и эффектов практик профориентационной работы с обучающимися и семьями».

Сегодня значительная часть молодежи испытывает затруднения с определением своего профессионального пути [2]. Одна из актуальных задач, стоящих перед педагогами-психологами и профнавигаторами – определить наиболее качественный инструментарий, направленный на выявление профессиональных предпочтений подростков и молодежи. Ведь от эффективной помощи в профориентации зависит успешность самореализации обучающихся в будущей профессиональной деятельности. Важность исследования методик, применяемых в настоящее время для изучения профориентационной направленности старшеклассников, вызвана тем, что многие из них были введены в психологическую практику несколько десятилетий назад. С тех пор поменялись поколения, социум, требования и запросы людей, появились новые профессии, требующие иного подхода к профориентации. Исходя из этого, нами была проанализирована эффективность одного из самых распространенных методов выявления склонностей к профессии – психодиагностические методики профориентации.

Весьма распространенной и широко применяемой в нашей стране и за рубежом является методика профессионального самоопределения Д. Холланда (Голланда), которая была создана в 1970 г. Она позволяет соотнести предпочтения обучающегося с тем или иным видом профессиональной среды, выявить принадлежность к одному из 6 типов: реалистический, интеллектуальный, предприимчивый, социальный, артистический, конвенциональный. В качестве недостатков этой методики следует отметить отсутствие учета современных трендов и новых профессий, поскольку рекомендации методики не учитывают текущую ситуацию на рынке труда и перспективы развития определенных специальностей.

Психологи часто используют в процессе диагностики профессионального самоопределения «Дифференциально-диагностический опросник» Е.А. Климова, основанный на классифицировании различных типов профессий. На основе ответов определяется психотип личности и формулируются рекомендации по наиболее подходящим профессиям для респондента. Однако эта группа включает несколько сотен профессий, поэтому для выбора идеальной профессии необходимо провести дополнительные исследования, как о самом себе, так и о текущем состоянии рынка труда.

Популярна у психологов методика «Якоря карьеры», созданная Э. Шейном в 1976 г. и адаптированная позже В.А. Чикер и В.Э. Винокуровой. Основная цель методики заключается в выявлении таких карьерных ориентаций, как профессиональной компетентности, менеджмента, автономии, стабильности, служения, вызова, интеграции стилей жизни и предпринимательства. Методика действительно способна помочь определить важность различных аспектов работы и расставить их приоритетность, однако следует учитывать, что она не предоставляет конкретных профессиональных рекомендаций.

Стоит отметить методику «Профессиональная готовность», целью которой является определение уровня готовности к адекватному профессиональному выбору. Автор методики А.П. Чернявская выделяет пять значимых компонентов в структуре личности при принятии решений о карьере: автономность, информированность, планирование, эмоциональное отношение и принятие решения.

Значимый вклад в разработку методик в сфере профориентации сделала Г.В. Резапкина. Ею была адаптирована методика «Опросник профессиональных склонностей», созданная Л.А. Йовайши [1], а также подготовлены «Матрица выбора профессии», методика «Профиль». Первая методика направлена на определение предпочтений обучающихся в различных сферах профессиональной деятельности: в работе с людьми, практической, интеллектуальной, планово-экономической, эстетической или экстремальной. «Матрица выбора профессии» отличается тем, что включает в себя игровые элементы, позволяет уточнить выбор профессии и изучить альтернативные варианты на основе ответов о предпочтениях в сферах труда. Методика имеет свой недостаток: она ограничивает учет других характеристик, кроме пожеланий самого тестируемого.

Помимо перечисленных методик психологи используют в работе «Опросник профессиональной готовности» Л.Н. Кабардова, «Опросник выявления мотивов профессионального выбора» Л. Сонди [3], «Методику изучения статусов профессиональной идентичности» А.А. Азбель.

При детальном рассмотрении существующих психодиагностических методик приходит понимание, что они не в полной мере соответствуют требованиям современного общества. При взаимодействии с профориентаторами школ г. Томска выявлено, что существующие практики диагностики профессиональной ориентации подростков и молодежи не всегда отвечают современным стандартам и запросам динамичного рынка труда. В настоящее время многие профессиональные области переплетаются и находятся на стыке, поэтому требуется более современный и дифференцированный подход к выявлению профессиональных ориентаций респондентов. Например, сегодняшнее разностороннее поколение стремится к интеграции различных сфер профессий, таких как, например, инженерия и биология в биоинженерии, а в области гейм-дизайна специалисту необходимо обладать не только техническими навыками, но и творческим мышлением.

Рассмотрение Атласа новых профессий, который позиционируется авторами как инструмент профориентации XXI в., иногда погружает в состояние замешательства, так как многие профессии, представленные в этом Атласе, сегодня не существуют, но будут актуальны в ближайшей перспективе. И тогда возникает большой вопрос: как подходить к выбору многих профессий завтрашнего дня, как готовить молодежь к профессиональному выбору.

На наш взгляд, профориентационные методики, кроме психологических аспектов, должны включать дополнительные показатели, такие, например, как способность к работе с информацией, визуальное и аудиальное восприятие, умение работать в коллективе. Современные дискуссии подчеркивают также, что помимо высокого уровня эмоционального и академического интеллекта, значимой характеристикой личности является способность к обучению. Сегодня необходим психодиагностический инструментарий профориентации, учитывающий современные реалии, потребности молодого поколения и развития общества в ближайшей перспективе.

Литература

1. *Йовайша Л.А.* Проблемы профессиональной ориентации школьников. М. : Педагогика, 1983. 129 с.
2. *Каракулова О.В., Буравлева Н.А.* Профориентация современных подростков: постановка проблемы // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, 2024. Т. 68, № 2. С. 102–114.
3. *Методика Сонди* в практике психологического консультирования: учебные материалы / под ред. И.И. Цыганка. СПб. : ВМедА, 2004. 108 с.

УДК 159.99

doi: 10.17223/9785907890527/2025/10

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНИК АРТ-ТЕРАПИИ ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ СТУДЕНТОВ ВО ВРЕМЯ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Татьяна Анатольевна Ваулина

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

Изменения, происходящие в мире, затрагивают все без исключения сферы деятельности современного человека. Психология, как наука, в данном случае не является исключением и претерпевает серьезные изменения, связанные с усложнением окружающей действительности, в которой приходится жить современному человеку. Речь идет о глобализации, цифровизации, информатизации и, как следствие, появлении цифрового общества, которое предполагает новые способы работы с информацией, новые способы коммуникации и мышления (Т.Д. Марцинковская, 2023) [2]. Изменения, которые происходят с современным человеком, затрагивают абсолютно все сферы его жизнедеятельности: познавательную, эмоциональную, смысловую, мотивационную и др.; меняют его жизненный мир и образ жизни. Несмотря на то, что эти изменения касаются абсолютно всех возрастных групп и сфер деятельности, наиболее уязвимой категорией выступает именно студенческая группа. По данным исследований зарубежных ученых (D.A. Sandmire, S.R. Gorham, N.E. Rankin и D.R. Grimm), студенты в большей степени подвержены высокому уровню стресса, обусловленному высоким темпом развития современного общества, большим потоком информации, высокими требованиями к результатам деятельности и др. [3]. Источниками стрессового состояния для студентов-первокурсников выступает переход к новому уровню учебной деятельности, обусловленных вхождением в новые условия, сопровождающиеся более высокими требованиями к учебной деятельности, новым социальным окружением, необходимостью выстраивания и поддержания социальных контактов в

студенческом и профессиональном сообществе и т.д., с другой стороны, большим объемом данных, быстрой сменой и усложнением информации, необходимостью быстро овладевать новыми компетенциями, готовностью к изменениям. Так, О.В. Гостева отмечает, что современные молодые люди должны уметь постоянно переучиваться, приспосабливаться к обстоятельствам, владеть навыками управления собой в стрессовых ситуациях и т.д. [1]. По результатам опроса, проведенного в 2024 г. со студентами Томского государственного университета, обучающихся по программам бакалавриата разных специальностей, показано, что современные студенты, давая описательные характеристики своего восприятия современного мира, обозначали его как динамичный, тревожный, задающий высокий темп жизни и высокий уровень продуктивности, сопровождающийся культом идеальности во всех сферах жизни, а общение выстраивается и поддерживается в большей степени посредством информационных технологий и цифровых устройств.

В этой связи важным выступает не только организация само учебного процесса с учетом всех изменений, которые происходят с современным человеком, но и мероприятий, направленных на сохранение и поддержание психологического состояния участников образовательного процесса. Возникает необходимость использования в образовательном и воспитательном процессе, методов, которые с одной стороны позволят эффективно снижать уровень стресса, напряжения в процессе учебы, поддерживать студентов в период экзаменационных сессий, с другой стороны, позволяет получить навыки управления своим эмоциональным состоянием в качестве важной компетенции.

С нашей точки зрения, таким уникальным потенциалом обладают некоторые техники арт-терапии, которые могут быть использованы с целью снижения эмоционального напряжения студентов как в университете, так и дома. Достоинство данных техник заключается в том, что они просты в реализации и их выполнение несет возможность безопасного выражения своего эмоционального состояния. Нами было проведено пилотажное исследование, направленное на изучение влияния техник арт-терапии на психологическое состояние студентов во время обучения в вузе. В пилотажном исследовании приняли участие 54 студента 4 курса химического факультета, обучающиеся по направлению программы бакалавриата. В качестве арт-терапевтической техники, которая использовалась в исследовании, выступила работа со структурированной мандалой. Студенты работали в средних по размеру учебных группах от 10 до 15 человек. В начале занятия мы попросили студентов оценить уровень своего стресса, напряжения, который они испытывают в данный момент по шкале от 0 (отсутствие стресса) до 100 (максимальный уровень стресса, напряжения). После этого им было предложено выбрать из нескольких вариантов, распечатанных на листах формата А4, одну структурированную мандалу и раскрасить ее карандашами. Возможно было использование других материалов для раскрашивания, если такое желание было выражено. На работу давалось около 30 минут, при необходимости можно увеличить или сократить временной интервал. После завершения работы мы попросили еще раз оценить уровень своего стресса по аналогичной шкале от 0 до 100. По итогам работы было проведено обсуждение результатов, 92% студентов отметили снижение показателя стресса до и после раскрашивания мандалы, некоторые студенты попросили взять еще одну мандалу и раскрасить ее дома, было отмечено, что в процессе раскрашивания мандалы студенты отвлекались от актуальных проблем и погружались в творческий процесс, кто-то смог спокойно обдумать вопросы, которые требовали дополнительного внимания. В 8% случаев показатели до и после выполнения упражнения либо оставались на том же уровне, либо незначительно возросли, что, по мнению студентов, было связано с неудовлетворенностью результатом своей работы, выбором неудачной цветовой гаммы или рисунка [4].

Таким образом, наше пилотажное исследование показало возможность использования техник арт-терапии для оптимизации психоэмоционального состояния участников образовательного процесса, обучающихся по образовательным программам разных уровней и специ-

альностей в вузе. Данная работа позволит существенно повысить как результативность учебной деятельности, так и психологическое состояние студентов. Особую значимость она также приобретает в контексте работы с иностранными студентами, обучающимися на разных программах вуза и испытывающих трудности в процессе обучения в условиях другой культуры.

Литература

1. *Гостева О.В.* Тренды цифровизации системы профессионального образования // Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции, 23 апреля 2021 г. С. 73–77.
2. *Марцинковская Т.Д.* Цифровая повседневность в хрупком и изменчивом мире // Новые психологические исследования. 2023. Т. 3. № 4. С. 10–28. doi: 10.51217/npsy-research_2023_03_04_01
3. *Sandmire D.A., Gorham S.R., Rankin N.E., Grimm D.R.* The influence of art making on anxiety: A pilot study // *Art Therapy: Journal of the American Art Therapy Association*. 2012. Vol. 29, № 2. P. 68–73.
4. *Vaulina T.A.* Art therapy techniques in reduction of stress and anxiety of university students // Психологическое здоровье человека: жизненный ресурс и жизненный потенциал: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (Красноярск, 23–24 ноября 2023 г.). Красноярск : Версо, 2024. P. 277–283.

УДК 159.923.3

doi: 10.17223/9785907890527/2025/11

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ КОМПЕТЕНТНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Наталья Юрьевна Верхотурова

*ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева», Красноярск, Россия*

Социально-экономические реформы, мировые тенденции в развитии образования, здравоохранения и других областях науки и практики, ускоряющиеся процессы глобализации и темпы роста высокотехнологичных направлений производства – определяют принципиально новые запросы общества в подготовке современного поколения школьников как компетентных и высоко функционально грамотных. Происходящие в мире и в России социально-экономические реформы, а также процессы глобализации, гуманизации и интеграции в образовании привели к изменению взглядов на его направленность, содержание и результаты, соотносимые сегодня с глобальной задачей обеспечения успешности вхождения человека в социальный мир и его продуктивную адаптацию в этом мире.

В качестве одного из основных приоритетных направлений современного образования рассматривается подготовка гармонично-развитого, культурно-компетентного человека, обладающего необходимым набором социально значимых компетенций, позволяющих осуществлять сложные культуросообразные виды деятельности, активно взаимодействовать с социумом и продуктивно выполнять различные социальные роли. Достижение поставленных задач повышения качества образования определяется следующими источниками: создание многовариатив-

ной компетентностно-ориентированной образовательной среды, способной наиболее эффективно поддерживать развитие компетенций обучающихся; формирование и развитие многоаспектной полифункциональной социальной грамотности у подрастающего поколения с целью наилучшей их социализации и интеграции в современном мире.

В перечень ключевых социальных компетентностей, необходимых человеку для его полноценного функционирования в современном обществе и нормальной жизнедеятельности, ученые относят следующие: информационная, коммуникативная, самоорганизация, здоровьесбережение, самообразование и другие. Формирование вышеперечисленных групп компетентностей представляет базовую основу современных Федеральных государственных образовательных стандартов начального и основного общего образования, ориентированных, прежде всего, на развитие социальной, информационной, познавательной и коммуникативной грамотности выпускников, их саморегулирования, самосовершенствования и эффективного социального взаимодействия.

Однако достичь успешной социальной адаптации и социализации в современном мире невозможно без эмоциональной грамотности подрастающего поколения, которая во многом определяет успешность социального взаимодействия с окружающими, продуктивность установления межличностных контактов, регуляции поведения и деятельности в социальном окружении. Сформированность эмоциональной грамотности, в свою очередь, гарантирует определенные интегративные качества (способности), раскрывающиеся в эмоциональной компетентности, наличие которой оказывает существенное влияние на эмоциональное, и в целом, психологическое благополучие личности, развитие процессов саморегуляции поведения и формирование умений управления эмоциональным реагированием в социальном окружении.

Наблюдаемый рост научных исследований и появившихся за последнее десятилетие публикаций и защищенных диссертаций, посвященных разным аспектам единого проблемного поля эмоциональной компетентности: эмоциональной грамотности, эмоционального интеллекта, регуляции и управления эмоциями – свидетельствует о высокой теоретической значимости и практической ценности психологического знания в данной области. Перспективность и обоснованность исследований эмоциональных способностей личности в различных сферах жизнедеятельности показаны во многих работах. При наличии разных исследовательских позиций отечественных и зарубежных ученых, всегда признавались сложные опосредованные отношения между эмоциями и когнитивными процессами, а эмоциональные способности, определяющие эмоциональную компетентность личности в различных сферах жизнедеятельности, исследовались в структуре эмоционального интеллекта.

Несмотря на актуальность, практическую и теоретическую значимость исследования, эмоциональная компетентность до сих пор остается недостаточно разработанной категорией в психологии. Отсутствует точное унифицированное определение эмоциональной компетентности, а также единый концептуальный подход к ее пониманию как самостоятельного психологического явления. В трудах ученых наблюдается тенденция к смешению феномена эмоциональной компетентности со смежными понятиями и категориями, граничащими с ней в одном концептуальном поле исследований, их необоснованном отождествлении или, наоборот, чрезмерной их дифференциации.

Сохраняют сегодня свою актуальность проблемы феноменологического и структурно-функционального содержания эмоциональной компетентности. Специфика современного состояния проблемы эмоциональной компетентности обусловлена отсутствием единой психологической теории и общих представлений об инструментарии исследования данного феномена. Анализ степени разработанности проблемы позволяет говорить, что среди представленных под-

ходов как в отечественной, так и в мировой психологии нет целостной (теории) концепции, многовекторно и многогранно раскрывающей феноменологическую сущность и сложное структурно-компонентное содержание эмоциональной компетентности. Отсутствует научно обоснованная системная модель, многогранно раскрывающая структурно-функциональное содержание эмоциональной компетентности, а также конструкт и технологии оценки ее поступательного оформления в детском возрасте. Только комплексные интегративные исследования позволят раскрыть структуру эмоциональной компетентности как многокомпонентной и полифункциональной системы, развивающейся и усложняющейся в процессе социализации и культурной детерминации личности.

УДК 316.628.2

doi: 10.17223/9785907890527/2025/12

МОТИВЫ К ОБУЧЕНИЮ В ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТЕ. АНКЕТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Златинка Костадинова Георгиева

ВТУ им. Святых Кирилла и Мефодия, Велико-Тырново, Болгария

Современная жизнь дает множество возможностей человеку, несмотря на его возраст, получить образование. Основные формы и модели обучения, которые взрослый человек может использовать, это формальное, неформальное, случайное или инцидентное обучение. Настоящее исследование анализирует, какое количество людей в зрелом возрасте продолжает свое образование, каковы ведущие мотивы, которые толкают их продолжать учиться, и что демотивирует их продолжать образование после получения аттестата зрелости.

Организация и методы исследования. В период с мая 2023 г. по май 2024 г. был опрошен 461 человек на территории Республики Болгарии в возрасте от 25 до 75 лет и старше, из них 60,4% женщин и 39,6% мужчин. Использованные методы: авторский опрос [2], разработанный на основе вопросов, связанных с мотивами и причинами демотивации у взрослых, поставленных В. Гюровой [3], «Шкала контроля за действием» (Pearlin & Schooler, 1978) [1] и «Шкала самооценки» (Rosenberg Self-Esteem Scale, Rosenberg, 1965) [1]. Для проведения количественной и качественной обработки данных, полученных в результате эмпирического исследования, использовался сравнительный, факторный и кластерный анализы.

Результаты. Полученные данные и анализ результатов эмпирического исследования таковы. Респонденты разделены на возрастные группы 25–37 лет – трудоспособный возраст; 38–51 лет – возраст карьерного роста; 52–65 лет – стабильная карьера и старше 65 лет – пенсионный возраст.

В отношении *образования* результаты указывают на то, что процент респондентов с высшим образованием выше. Мужчины со средним и высшим образованием составляют меньшую долю по сравнению с опрошенными женщинами. Опрошенные, которые учатся, составляют 53,5%, остальные 46,5% не обучаются в образовательной институции. Относительно равен процент тех, кто проходит обучение, среди работающих и безработных. В связи с тревожными данными и созданием полного профиля современного человека рассмотрены мотивы к обучению. Это – *личностное развитие; профессиональный рост; совершенствование в работе; решение новых проблем; интерес к обучению или к конкретной проблематике*. Анализ опрошенных сделан по принципу пол, возраст и образование. Мотивы к обучению для мужчин и женщин схожи. Отличие находим у женщин, которые в большей степени указывают на мотив *бегство от опре-*

деленной жизненной ситуации и возможность создать или поддерживать отношения с другими людьми. Для мужчин мотивом является возможность к совершенствованию в работе. Для возрастной группы 52–65 лет самый веский мотив – это совершенствование в работе. Для возрастной группы 25–37 лет – это возможность профессионального роста, для группы 38–51 год – это бегство от определенной жизненной ситуации. Опрошенные со средним образованием обучаются, потому что входят в новую проблематику и имеют возможность уйти от определенной жизненной ситуации. Для людей с высшим образованием мотивами являются: создание или укрепление отношений с другими людьми и интерес к обучению.

Факторами, которые демотивируют обучение, являются жизненные цели, отсутствие внутренних побуждений, отсутствие обратной связи по отношению успехов личности во время обучения, степень зависимости/независимости от других людей, в том числе финансовая зависимость/независимость. Для мужчин демотиваторами выступают: сформированные жизненные цели и внутреннее побуждение, внешнее давление, которому не могут или не хотят противодействовать, они не видят смысла прилагать усилия. Для женщин причинами нежелания учиться являются: жизненные цели и внутренние побуждения, они не получают обратной связи об их успехах в и вовне ситуации обучения, степень самостоятельности/зависимости от других людей, в том числе и финансовая зависимость / независимость.

Для группы 38–51 год мотивы не продолжать образование с самыми высокими процентами являются: невозможность сочетать учебные требования с другими своими обязательствами, они следуют за своими жизненными целями и не видят необходимости учиться дальше. Для этой возрастной группы мы отмечаем самый высокий процент тех, кто не может сочетать обучение с другими обязанностями. Поколение 52–65 лет имеет высокие ожидания по отношению к учебным программам и расхождение с их ожиданиями и установками их демотивирует. Люди старше 65 лет, независимо от их пола, в наибольшей степени демотивированы учиться и заниматься самообразованием, они не находят смысла прилагать усилия, потому что не видят перспективы применить то, чему научились.

Выводы: Взрослый человек остается связанным со своими стремлениями к самоконтролю, со своей способностью преодолевать трудности, осознавать требования. В указанных направлениях и проведенном анализе были обнаружены важные закономерности, связанные с тем, что все меньше людей в зрелом возрасте обучаются. Этот тревожный факт можно объяснить тем, что жизненный путь устроен таким образом, что существуют препятствия, дающие человеку право вернуться к первичным потребностям и проверить свой самоконтроль и стремление к саморазвитию. Анализируя современный облик зрелого человека, мы уверены, что он способен трансформировать негативные мысли в позитивные установки к самосовершенствованию, несмотря на заявления о том, что он не учится.

Литература

1. Ганева З. Български версии на психологически скали: валидизация, приложение, статистически анализ. София: ЕЛЕСТРА ЕООД. София. 2018. С. 531.
2. Георгиева З. Учене праз целия живот – идеи, тенденции, перспективи. Велико Търново : Университетско издателство „Св. св. Кирил и Методий“. 2023. С. 143–146.
3. Гюрова В. Андрагогията в шест въпроса. София : ЕКС–ПРЕС, 2011. С. 213–223.

К МОДЕЛЯМ РУМИНАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ: ВЗАИМОСВЯЗЬ РУМИНАЦИЙ, МОТИВАЦИОННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И САМОРЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ

Елена Алексеевна Дорошева^{1,2}, Алексей Валерьевич Приблуда³

¹ *Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия*

² *Научно-исследовательский институт нейронаук и медицины, Новосибирск, Россия*

³ *МБОУ СОШ № 1, Новосибирск, Россия*

Результаты получены в ходе выполнения госзадания НИИНМ, регистрационный номер ЦИТиС: 122042700001–9.

Руминативное мышление рассматривают как важный фактор хронификации и рецидивов депрессий. Широкая распространенность депрессий в современном мире делает целесообразным изучение причин и последствий возникновения руминаций.

В рамках теории контроля руминирование рассматривается как переход возникающих в проблемной ситуации осознанных размышлений о путях решения проблемы в мысли о невозможности достижения желаемого результата, о препятствиях на пути к нему, изначально направленные на решение проблемы и перерастающие в мысли о недостижении цели или о препятствиях на пути к ней [2]. Выдвигается представление о формировании, в последующем, привычки к руминированию, автоматизирующим ответ на возникновение проблемных ситуаций [3]. Показана взаимосвязь между руминациями, когнитивными и поведенческими стратегиями избегания [1].

Целью настоящего исследования было выявление закономерностей взаимосвязи склонности к руминациям с мотивационными особенностями поведения и саморегуляцией поведения. Мы предположили, что руминации, представляющие уход во внутреннее проживание событий жизни, будут отрицательно связаны с мотивациями действия, направленными как на достижение успеха, так и на избегание неудачи, а также обратно связаны с возможностями саморегуляции, сами представляя собой вариант автоматизированного поведения, когнитивных действий «по привычному кругу».

В исследовании приняли участие 164 человека (43 мужчины и 121 женщина) в возрасте от 17 до 56 лет, средний возраст – 26,1 лет. Испытуемые заполняли методики: опросник диагностики фокуса саморегуляции Е.Г. Хиггинса в адаптации В.А. Грешковиц и др., опросник стиля саморегуляции поведения В.И. Моросановой, шкалу руминаций С. Нолен-Хозксимы и др. в адаптации Е.А. Дорошевой, опросник подавления мыслей (White Bear Suppression Inventory) Д.М. Венгера и С. Занакос в адаптации Е.А. Дорошевой.

Корреляционный анализ по Пирсону показывает ожидаемые значимые слабые и средние отрицательные взаимосвязи всех компонентов руминаций и склонности подавлять нежелательные мысли с их последующим неконтролируемым всплыванием с фокусом продвижения (мотивационной ориентацией на достижение цели, получение вознаграждения), от $r = -0,16$ для рефлексивных руминаций до $r = -0,41$ для руминаций депрессивного характера. Фокус профилактики (мотивационная ориентация на избегание неудачи, неприятных последствий) не показал значимой связи с рефлексивными руминациями, с остальными составляющими руминаций вы-

явлены слабые отрицательные связи с ним (r от $-0,19$ до $-0,25$), с подавлением мыслей – отрицательная связь средней силы ($r = -0,38$).

Все типы руминаций, кроме рефлексивных, отрицательно связаны с общей саморегуляцией поведения (r от $-0,16$ до $-0,28$); в структуре саморегуляции руминации максимально обратно связаны с моделированием поведения (r от $-0,20$ до $-0,46$) и, за исключением рефлексивных руминаций и склонности к подавлению нежелательных мыслей, с оценкой результатов поведения (r от $-0,18$ до $-0,21$). Наиболее интересным результатом, при проведении частных корреляций, представляется опосредование общим уровнем руминаций прямой связи между фокусом продвижения и такими компонентами саморегуляции поведения, как его моделирование, программирование, оценка результатов (например, для фокуса продвижения и моделирования $r = 0,29$; $p < 0,001$; под контролем общего показателя руминаций $r = 0,15$; $p < 0,05$). Таким образом, склонность к навязчивым размышлениям в определенной мере объясняет связь фокуса продвижения и данных компонентов саморегуляции поведения. В случае фокуса профилактики прослеживается та же тенденция, но существенно слабее.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наибольший вклад в формирование руминативного мышления, как и ранее предполагалось, вносит фрустрация в достижении «положительной» цели, получения вознаграждения; некоторый вклад вносится, по всей вероятности, и представлением о своей невозможности избежать отрицательных последствий своих действий. Автоматизированное, привычное руминативное мышление может являться как следствием, так и причиной снижения возможности изменения поведения при смене условий, адекватной оценке того, ведет ли действие к достижению цели. Формирование привычки к руминациям, как мы можем полагать, препятствует как формированию мотивации для достижения цели, так и, при наличии этапа планирования деятельности, возможности гибко варьировать свои действия, что может снижать их результативность и приводить к фрустрации, запуская круг автоматических мыслей о своей неуспешности. Наименьшую связь с уровнем мотивации достижения и избегания неудач, как и с саморегуляцией поведения, обнаруживают нейтрально эмоционально окрашенные рефлексивные руминации; тенденция к возникновению руминаций вследствие подавления неприятных мыслей и утрате контроля над их возникновением наиболее проявляется при снижении мотивации достижения цели.

Терапевтической мишенью для ситуации мыслительных автоматизмов, таким образом, является, прежде всего, работа с учетом условий, оперативной адекватной оценкой промежуточных результатов при организации поведения, повышением его гибкости. В свою очередь, коррекция привычек руминативного мышления может способствовать лучшей ориентации на достижение целей, подразумевающих вознаграждение, при достаточности изначального смыслообразования.

Литература

1. Dickson K.S., Ciesla J.A., Reilly L.C. Rumination, worry, cognitive avoidance, and behavioral avoidance: Examination of temporal effects // Behavior Therapy. 2012. Vol. 43, № 3. P. 629–640.
2. Martin L.L., Tesser A. Some ruminative thoughts // Ruminative thoughts / ed. R.S. Wyer Jr. Mahwah, NJ : Erlbaum, 1996. P. 1–47.
3. Wisco B.E., Harp D.R. Rumination as a mechanism of the association between interpretation bias and depression symptoms: A longitudinal investigation // Journal of Experimental Psychopathology. 2021. Vol. 12, № 2. Article 20438087211015233

УДК 159.99

doi: 10.17223/9785907890527/2025/14

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ОПЫТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
КОГНИТИВНОГО РЕСУРСА
И ДОМИНИРУЮЩИХ СТРАТЕГИЙ РЕШЕНИЯ
СЕНСОМОТОРНЫХ ЗАДАЧ**

Евгения Валерьевна Еремина, Мария Анатольевна Подойницина

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM–2020–0040.

В современном мире стремительное развитие технологий требует от системы высшего образования подготовки специалистов, способных быстро осваивать новые профессиональные компетенции. В связи с этим основной задачей образовательного процесса становится психологическое обеспечение персонализации среды обучения, учитывающее индивидуальные и когнитивные особенности студентов.

Анализ современных источников позволил сделать ряд нескольких фиксаций, позволяющих использовать их в качестве решения вышеобозначенной задачи. В качестве важных компонентов когнитивной составляющей любого вида профессиональной деятельности выделяют: сенсорно-перцептивные процессы [2]; исполнительные функции (включая способность решать задачи в условиях информационных перегрузок) [5]; сенсомоторную активность, которая служит важным показателем когнитивной развитости [1]. Рост интереса исследователей к изучению двигательной активности в процессе выполнения когнитивной деятельности привел к новым методам анализа в областях машинного обучения и искусственного интеллекта [4]: были получены новые исследовательские данные о зависимости между двигательной активностью, динамикой решения задач и выбором стратегий [1].

Для проведения исследования был разработан опросник, позволяющий выявить ключевые психологические маркеры опыта использования когнитивного ресурса. В качестве основного критерия оценки продуктивности учебно-профессиональной деятельности студентов были определены качественные показатели их академической успеваемости. Анализ доминирующих стратегий решения задачи удалось осуществить с помощью такого методического инструментария, как задача «Ханойская башня». Основными критериями стратегий решения выступали продолжительность динамики выполняемых действий, особенность совершаемых ошибок, успешность решения задачи и возврат к изначальному ходу решения, а также эмоциональные «междометия», играющие роль регулирующего элемента в ходе решения. Предложенная задача была интегрирована в специально разработанное диагностическое и развивающее устройство, ранее апробированное на других возрастных группах [1, 3]. Исследование осуществлялось в лаборатории экспериментальной психологии Томского государственного университета. В качестве экспериментальной выборки в данном исследовании выступили 127 студентов первого курса факультета психологии ТГУ.

Опираясь на полученные результаты, полученные с помощью опросника, было выделено 3 основных группы. Первая группа студентов была обозначена как «Позитивный опыт использования собственного когнитивного ресурса»; вторая группа студентов – «Разномодальный

опыт использования собственного когнитивного ресурса»; третья группа студентов условно названа «Дефицитарность опыта использования собственного когнитивного ресурса». Анализ продуктов деятельности позволил определить качественные аспекты академической успеваемости студентов (на основе формальных показателей успешности, таких как академические задолженности и средний балл), включая их способность перерабатывать когнитивную информацию, уровень познавательной активности и удовлетворенность процессом обучения. В результате проведенного исследования были выявлены показатели ключевых критериев стратегий решения сенсомоторной задачи, что позволило выделить преобладание общих стратегических подходов в различных группах, отличающихся по уровню опыта использования собственного когнитивного ресурса. В процессе эксперимента установлено, что решение сенсомоторных задач может служить эффективным диагностическим инструментарием текущего уровня развития когнитивных аспектов, которые являются основой профессионального обучения. Следует подчеркнуть, что выявленная зависимость между модальностью опыта использования когнитивного ресурса студентами, их академической успеваемостью и используемыми стратегиями при решении сенсомоторной задачи открывает возможность для персонализации образовательной среды.

Применение нового методического инструментария в качестве когнитивного тренажера для отработки навыков решения сенсомоторных задач может оказать положительное влияние на психологическую поддержку студентов, способствуя улучшению их когнитивного опыта и минимизации имеющейся дефицитарности.

Литература

1. *Баланев Д.Ю., Смешко Е.В., Кох Д.А.* Диагностические возможности программно-аппаратного комплекса «Двигательные компоненты процесса решения познавательной задачи» // Сибирский психологический журнал. 2022. № 85. С. 99–116. doi: 10.17223/17267080/85/5
2. *Березина Т.Н.* Эмоциональная безопасность образовательной среды и когнитивные процессы // Современное образование. 2019. № 3. С. 29–43. doi: 10.25136/2409–8736.2019.3.29191
3. *Красноярцева О.М., Еремина Е.В., Подойницина М.А., Ваулина Т.А.* Использование когнитивного тренажера: возможности минимизации саморегуляционных дефицитов познавательной активности у младших школьников // Российский психологический журнал. 2023. Т. 20, № 4. С. 135–152. doi: 10.21702/rpj.2023.4.8
4. *Логинов Н.И., Спиридонов В.Ф., Курбанов К.А., Ардисламов В.В., Аммалайнен А.В., Вязовкина В.К.* Устойчивые индивидуальные различия в предпочтениях ментального vs воплощенного режимов решения мыслительных задач // Когнитивная наука в Москве: новые исследования: материалы конференции (Москва, 23–24 июня 2021 г.). М. : Ин-т практ. психологии и психоанализа, 2021. С. 255–260.
5. *Макаров И.Н., Кутузова А.Б.* Влияние моторной тренировки на процесс разделения чанков в инсайтных задачах // Осознаваемая и неосознаваемая переработка информации: Всерос. науч. конф. (Ярославль, 6–8 декабря 2019 г.) Ярославль : Филигрань, 2020. С. 104–107.

УДК 159.9.072

doi: 10.17223/9785907890527/2025/15

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ С ЭЭГ-КОРРЕЛЯТАМИ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ТРЕВОЖНОСТИ У СТУДЕНТОВ

**Елена Александровна Есипенко, Виктор Анатольевич Шамаков,
Дарья Михайловна Мацепуро**

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM–2020–0040.

Математика является неотъемлемой частью культуры и играет важную роль в научном познании. На нее могут оказывать негативное влияние сложности с чувством числа и рабочей памятью, высокий уровень математической тревожности [2], при этом развитые пространственные способности могут вносить положительный эффект в решение математических задач и выступать предиктором выбора дальнейшей траектории обучения в областях STEM (наука, технология, инженерия и математика) [3]. В данной работе внимание будет привлечено к такому фактору, как математическая тревожность (МТ), а именно к ее ЭЭГ-коррелятам и взаимосвязи этих показателей с индивидуальными особенностями студентов. Сама по себе МТ представляет собой негативное переживание и эмоциональную реакцию, вызванную математикой или перспективой выполнения заданий, связанных с ней [5]. Исследование МТ с привлечением надежных электрофизиологических (ЭЭГ) методов позволяет глубже понять данный феномен, который широко изучается на поведенческом уровне и намного меньше на нейрофизиологическом [2].

Ранее нами были получены ЭЭГ-корреляты МТ участников с разным уровнем математической тревожности. С более подробным описанием дизайна исследования можно ознакомиться в публикации [2]. В настоящем исследовании из 75 человек в анализ вошли 35 участника (средний возраст 19,8 лет), у которых были получены все интересующие нас показатели. При этом 19 человек имели высокий уровень математической тревожности (ВМТ), а 16 человек – низкий уровень математической тревожности (НМТ).

ЭЭГ-корреляты были выделены на этапе, когда участники сидели расслаблено в покое и ожидали начало эксперимента. Тест Манна–Уитни показал значимые различия в спектральной мощности в состоянии покоя между участниками ВМТ и НМТ в правой фронтальной зоне (RF) в диапазоне альфа-1 ($p = 0,03$) и правой височной зоне (RT) в диапазоне альфа-2 ($p = 0,03$). Эти результаты свидетельствуют о различии в работе мозга участников с разным уровнем МТ еще до выполнения экспериментальных условий. Для выделенных ЭЭГ-коррелятов МТ был проведен корреляционный анализ с тревожностью (личностной и тестовой), когнитивными показателями (уровнем невербального интеллекта и объемом рабочей памяти), баллам по математическим заданиям, включающим задачи по геометрии, арифметики, алгебре из базы основного государственного экзамена. Задания по математике участники решали дважды: на этапе, когда давалась инструкция, что сейчас будет тест по математике (тест 1), после небольшого перерыва, в ходе которого участники выполняли один из предложенных методов регуляции МТ (тест 2). Для изучения показателей невербального интеллекта и рабочей памяти использовались методики, которые подробно описаны в публикации [1].

Обнаружены достоверные корреляции только для группы участников с высоким уровнем МТ. Эти различия были в альфа-1 диапазоне между RF и невербальным интеллектом ($r = -0,34$; $p < 0,05$), RF и личностной тревожностью ($r = -0,33$; $p < 0,05$), RF и тестом 1 ($r = -0,42$; $p < 0,01$), RF и тестом 2 ($r = -0,46$; $p < 0,001$), а также в альфа-2 диапазоне: RT и уровнем лич-

ностной тревожности ($r = -0,39$; $p < 0,05$), RT и тестом 1 ($r = -0,23$; $p < 0,05$), RT и тестом 2 ($r = -0,34$; $p < 0,001$). Данные результат показали, что увеличение мощности в альфа-1 и альфа-2 диапазонах приводит к снижению результативности по математическим заданиям, что свидетельствует о выявленных негативных эффектах, проходящих на уровне мозга. Связь данных ЭЭГ-коррелятов с личностной тревожностью позволяет ссылаться на работу [4], в которой описываются эффекты в альфа-диапазоне, связанные с личностной тревожностью. Кроме того, по литературным данным альфа-1 и альфа-2 имеют разные функциональные роли и соответствуют разным когнитивным подобластям, связанным с локальной деятельностью, передачей информации или рабочей памятью [3]. Полученные результаты дополняют имеющиеся данные в вопросе изучения феномена математической тревожности. Для более надежных выводов необходимо провести подобное исследование по изучению взаимосвязи ЭЭГ-коррелятов MT и индивидуальных особенностей участников на большей выборке.

Низкая вовлеченность в деятельность, требующая знания математики в школе или университете до нежелания выбора профессиональной карьеры в областях STEM, может тормозить экономическое развитие страны. В настоящее время ведутся поиски причин снижения интереса к STEM, а также способы привлечения абитуриентов на данные направления обучения. С этой точки зрения изучение факторов, влияющих на желание заниматься математикой или избегать ее, может помочь в решении вопроса вовлечения обучающихся, как преподавателям математики, так и руководителям программ по STEM направлениям.

Литература

1. Есипенко Е.А., Белоплотова К.Е., Полякова О.Р. Эмоциональные, когнитивные и социальные факторы, связанные с эффективностью решения пространственных задач // Научно-педагогическое обозрение. 2020. № 3 (31). С. 201–207.
2. Есипенко Е.А., Маценуро Д.М., Шамаков В.А., Яковлев Н.И. Обоснование эффективности краткосрочных методов регуляции математической тревожности на основе ЭЭГ // Научные аспекты. 2023. URL: <https://na-journal.ru/1-2023-psihologiya/4100-obosnovanie-effektivnosti-kratkosrochnyh-metodov-regulyacii-matematicheskoi-trevozhnosti-na-osnove-eeg> (дата обращения 10.10.2024).
3. Klimesch W. EEG alpha and theta oscillations reflect cognitive and memory performance: A review and analysis // Brain Research Reviews. 1999. Vol. 29, № 2-3. P. 169–95.
4. Knyazev G.G., Savostyanov A.N., Levin E.A. Alpha oscillations as a correlate of trait anxiety // Int. J. Psychophysiol. 2004. Vol. 53, № 2. P. 147–160.
5. Malanchini M., Rimfeld K., Shakeshaft N.G., Rodic M., Schofield K., Selzam S., Dale P.S., Petrill S.A., Kovas Y. The genetic and environmental aetiology of spatial, mathematics and general anxiety // Scientific Reports. 2017. Vol. 7, № 1. P. 42218. doi: 10.1038/srep42218

УДК 159.99

doi: 10.17223/9785907890527/2025/16

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТУДЕНТОВ КАК ЭЛЕМЕНТ СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ

Ольга Юрьевна Жангужинова

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», Кемерово, Россия

Безопасность является одной из базовых потребностей каждого человека, определяя то, насколько успешен он будет в реализации тех потребностей, которые стоят выше нее в пирамиде А. Маслоу [4]. В современных исследованиях личную безопасность рассматривают главным

образом в контексте физического состояния человека. Однако психологическая безопасность имеет не менее важное значение для жизнедеятельности человека, хотя и достаточно слабо освещена в научных исследованиях. Наиболее широко данный вопрос раскрывается в работах М.С. Иванова и М.С. Яницкого [3]. Авторы рассматривают специфику не только понимания опасности и безопасности личности, но и исследуют те стратегии, которые индивид использует для обеспечения личной безопасности.

Рассуждая о психологической безопасности личности, отметим, что значимую уязвимость в данном вопросе человек испытывает при поворотных событиях в своей жизни: переезд, смена окружения, включая образовательные учреждения и т.д. При этом неоспоримым фактом является тот аспект, что при переходе из среднего образовательного учреждения в высшее учебное заведение индивид испытывает сразу комплекс тяготящих его перемен: изменение преподавательского состава, изменение требований к уровню образования и к знаниям, транслируемым на занятиях, изменение коллектива сверстников, смена распорядка дня (занятия заканчиваются позже, могут начинаться в разное время, длительность занятия увеличивается в два раза). Кроме того, если студент выбирает для обучения вуз в другом городе, то он также сталкивается с переездом и глобальной сменой всего своего окружения. Если ребенок – единственный в семье, а в процессе обучения переезжает жить в общежитие, то это также достаточно сильно влияет на его психологическое состояние и чувство личной безопасности.

Следовательно, значимость вопроса обеспечения личной безопасности является бесспорной в особенности в контексте приспособления студентов к образовательному процессу в вузе. Важно отметить, что адаптация студентов в вузе включает в себя адаптацию к учебной деятельности и адаптацию к учебной группе [1]. Адаптация к учебной деятельности представляет собой успешное освоение образовательной программы, предлагаемой вузом. К адаптации в данном аспекте также будет относиться заинтересованность студентов в изучаемых предметах, их замотивированность в продолжении обучения в рамках той специальности, которую они выбрали изначально [5]. Студенты, испытывающие трудности в данном виде адаптации, напротив, пропускают занятия, опаздывают на пары, не выполняют домашние задания, имеют низкую успеваемость, а при сильной дезадаптации могут принять решение о смене вуза или прекращении обучения.

Адаптация к учебной группе, или социальная адаптация студентов, состоит в способности индивида выстроить качественные социальные связи с одногруппниками, другими студентами и педагогами [2]. В противном случае можно наблюдать буллинг, как со стороны студентов, так и в их адрес; частые конфликтные ситуации, девиантное поведение, отсутствие для студентов авторитетов в лице педагогов и декана факультета и т.д.

Совершенно очевидно, что при такой ситуации обучение студентов будет затруднено, в связи с чем актуальность вопроса о том, какие аспекты являются препятствием или, напротив, стимулом адаптации студентов, всегда будет объектом научных исследований.

При поступлении в высшее учебное заведение студенты могут столкнуться с самыми разнообразными угрозами:

1. Физическими:

- мошенничество;
- воровство;
- причинение физического вреда;
- вовлечение в противоправные деяния;
- вовлечение в употребление вредных напитков и веществ; и т.д.

2. Психологическими:

- стресс из-за перемен;
- тревога из-за неизвестности;
- депрессивные состояния, связанные с расставанием с близкими, и т.д.

3. Социальные:

- буллинг со стороны других студентов;
- дискриминация по внешним признакам или по состоянию здоровья и др.;
- изоляция; и т.д.

Если студент не имеет при этом четкой стратегии, которая обеспечит ему личную безопасность при возможности столкновения с одной из рассматриваемых угроз, то результатом станет замедление процесса его адаптации как к учебной деятельности, так и к учебной группе, или полная невозможность успешной адаптации.

Важно при этом отметить, что в рамках исследования рассматриваемого вопроса, был проведен опрос среди 250 студентов первого и второго курсов Новосибирского государственного педагогического университета в возрасте от 17 до 19 лет. Опрос показал, что 27% студентов совершенно отрицают необходимость использования в своей жизни какой-либо стратегии личной безопасности. Они полагают, что в случае опасности они просто поступят инстинктивно, и заранее не продумывают свою жизнь таким образом, чтобы обезопасить ее в тех вопросах, которые доступны им для решения. Взаимодействие и работа с этими студентами в дальнейшем показала, что им достаточно сложно было адаптироваться именно к учебной деятельности. Взаимодействие с одноклассниками складывалось у них более успешно, что может быть объяснено их легкостью в отношении к жизни, которая является элементом, притягивающим людей, что может быть объяснено их стремлением отстраниться от постоянных проблем и просто беззаботно проводить время. Однако то, что отсутствие стратегии личной безопасности негативно сказывается на успеваемости студентов, доказывает тот факт, что такая стратегия все-таки оказывает влияние на процесс адаптации студентов.

53% студентов в процессе диалога отметили, что согласны со значимостью наличия плана действия по предотвращению опасностей или их преодолению. Показательно, что успеваемость данных студентов была значительно выше, чем в первой группе. Социально студенты также смогли успешно адаптироваться. Несколько респондентов отметили, что их стратегия безопасности предполагает возможность участия третьих лиц для помощи в преодолении внешних угроз, в частности, они работали с учебным психологом в течении первых месяцев обучения, что позволило им успешнее адаптироваться.

Проведенное исследование показало, что наличие или отсутствие стратегии безопасности играет значимую роль в качестве и скорости адаптации студентов. Нераскрытым остается вопрос влияния разных стратегий личной безопасности на успешность адаптации, что должно стать объектом дальнейших исследований.

Литература

1. Дубовицкая Т.Д., Крылова А.В. Методика «Адаптированность студентов в вузе». URL: <https://cpd-program.ru/methods/asv.htm> (дата обращения: 23.09.2024).
2. Иваненко М.А., Уфимцева О.В. К вопросу о психолого-педагогическом сопровождении социальной адаптации первокурсников в вузе // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66-3. С. 85–88.
3. Иванов М.С., Яницкий М.С. Отношение к личной безопасности: понятие, структура, ценностная вариативность // Психология отношений в постнеклассической парадигме: сб. ст. участников II Междунар. науч.-практ. конф. «Психология отношений в постнеклассической парадигме» (1–7 июня 2015 г.) / Филиал КузГТУ в г. Белово. Белово : Изд-во филиала КузГТУ в г. Белово, Россия ; Изд-во ун-та «Св. Кирилла и Св. Мефодия», Велико-Тырново, Болгария, 2015. С. 54–69.
4. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб. : Евразия, 1999. 400 с.
5. Мукумова Д.И. Процесс адаптации студентов к учебной деятельности // Современное образование (Узбекистан). 2020. № 7 (92). С. 36–41.

УДК 159.99

doi: 10.17223/9785907890527/2025/17

КОНСУЛЬТАЦИОННАЯ ПОМОЩЬ ПСИХОЛОГА РОДИТЕЛЯМ ДЕТЕЙ С ОВЗ

Елена Георгиевна Злобина

*ГБОУ «Областной центр диагностики и консультирования»,
Челябинск, Россия*

В современном мире увеличивается количество детей с ограниченными возможностями здоровья. Родителям бывает сложно принять особенности своего ребенка, может возникнуть страх оказаться некомпетентными при взаимодействии с ребенком, не получить помощи и поддержки. Основной целью консультирования родителей детей с ОВЗ в условиях ПМПК является оказание им помощи в вопросах развития, воспитания, образования и социализации, а также в понимании проблемы своего ребенка и способов ее решения. Одной из основных задач, обеспечивающих эффективность деятельности ПМПК, является результативность консультирования родителей ребенка с ОВЗ, что влияет на степень выполнения всех рекомендаций специалистов и адекватное включение ребенка в образовательную среду.

Клиенты, которые обращаются за консультацией, зачастую находятся в уязвимом положении, в состоянии эмоциональной нестабильности, требуют поддержки. Такая эмоциональная нестабильность родителей связана с незавершенностью процесса принятия ими состояния ребенка. Процесс принятия особенностей ребенка происходит не сразу, а проходит через определенные этапы, на которых родители по-разному воспринимают информацию о ребенке: от полного отрицания и неприятия до проявления заинтересованности, и сотрудничества. Следовательно, необходимо учитывать, на какой стадии находится родитель.

Первая реакция родителей, когда они узнают об особенностях развития своего ребенка – реакция шока, для которой характерно чувство дезориентации и беспомощности. На этом этапе родители не способны к конструктивному взаимодействию. Необходимо дать время, чтобы они смогли «осмыслить» ситуацию, в которой оказались. Только по прошествии шокового состояния, родители способны воспринимать информацию о специфике нарушений, обнаруженных у ребенка, о перспективах его дальнейшего развития и первоочередных задачах ранней помощи. За стадией шока следует стадия отрицания. Идет полное отторжение ситуации. Родителям сложно смириться и поверить в то, что их ребенок «особенный», поэтому они склонны воспринимать заключение специалистов, как ошибочное [1].

При консультировании родителей специалисту необходимо быть очень внимательным и осторожным по отношению к их чувствам. Донести какую-либо информацию на этой стадии крайне сложно. Наиболее успешными будут стратегии активного слушания и аккуратного и ненавязчивого предоставления объективной информации о проблеме ребенка. Частично реакция отрицания присутствует на всех стадиях адаптации, даже когда родители смогли принять особенности ребенка, в их переживаниях все еще присутствуют элементы отрицания [1]. После того, как родители начинают принимать реальную ситуацию, они могут испытывать чувство гнева и озлобления. Это означает переход на следующую стадию адаптации, которая характеризуется тем, что родители начинают искать, «кто виноват» в сложившейся ситуации. Родители не учитывают психофизические особенности ребенка, которые мешают ему справляться с заданием.

Страх за будущее ребенка – еще одна реакция, которую испытывают родители. Консультируя на этой стадии, нужно учитывать, что чувство озлобления и гнева – абсолютно

естественные реакции для большинства родителей. Их порождает ощущение горя и неожиданной потери, которое невозможно объяснить или побороть. Необходимо доносить до родителей объективную информацию о причинах неуспешности ребенка и показывать пути решения проблемы. Не менее важно дать время и возможность родителям выразить свои чувства. Безоценочное принятие специалиста, может помочь родителям быстрее принять и понять проблемы ребенка.

Следующая – стадия торга. На этой стадии родители пытаются договориться со специалистами, но, не находя исцеления, испытывают чувство разочарования [2]. Когда родители осознают, что нет никакой «волшебной таблетки», способной «вылечить» ребенка, наступает стадия депрессии. Родители, не выдержавшие психоэмоциональной нагрузки, могут даже развестись или отказаться от ребенка. Депрессия является неотъемлемой частью адаптационного процесса. Задачи психологической помощи направлены на смещение фокуса внимания с проблемной ситуации на что-то другое, например, на творчество, любимое хобби.

Вслед за переживанием печали и горя родители испытывают чувство отчуждения, опустошения, их собственная жизнь представляется лишенной смысла. Появление этой реакции свидетельствует о том, что родители начинают принимать реальную ситуацию. Данное переживание – поворотная точка в адаптационном процессе. Можно помочь сконцентрировать внимание родителей на личной жизни, с тем, чтобы помочь вновь обрести смысл существования [2]. На смену отчуждению приходит стадия реорганизации. Она характеризуется принятием реальности и надеждами на будущее. На этой стадии родители начинают обращать внимание на достижения своих детей, перестают сравнивать их с другими, начинают проявлять интерес к коррекционно-развивающей работе со своими детьми и стремятся принимать в ней участие. Включение семьи в процесс работы с ребенком по его обучению и развитию, способствует еще большему переосмыслению ситуации и улучшению самочувствия. Постепенно родители приходят к тому состоянию, когда они полностью эмоционально начинают принимать собственного ребенка и сложившуюся ситуацию [1]. В оказании помощи ребенку родители отталкиваются от его возможностей и потребностей. Несмотря на то, что для воспитания и обучения ребенка прикладываются максимальные усилия, он остается одним из членов семьи, не замыкая на себе все семейные проблемы.

Рассматривая вышеизложенные этапы принятия диагноза ребенка семьей, необходимо усвоить, что отношение родителей к особенностям ребенка меняется от полного отрицания до принятия и адаптации. При консультировании родителей детей с ОВЗ следует учитывать, на какой стадии процесса принятия находится родитель.

Литература

1. *Добряков И.В., Защиринская О.В.* Психология семьи и больной ребенок: учеб. пособие: хрестоматия. СПб. : Речь, 2007. 400 с.
2. *Левченко И.Ю., Ткачева В.В.* Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии: метод. пособие. М. : Просвещение, 2008. 239 с.

УДК 159.9.072

doi: 10.17223/9785907890527/2025/18

КОНТИНУУМ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ-ИНТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ» КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ СТРАТЕГИИ ЖИЗНЕОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Марина Владимировна Злобина¹, Ольга Михайловна Краснорядцева²

¹ *Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
Новосибирск, Россия*

² *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM–2020–0040.

Актуальность проблемы неопределенности в современном мире обусловлена нарастающей геополитической, социальной и экономической напряженностью и непредсказуемостью. Ситуации неопределенности могут выступать источником стресса и крайних негативных эмоциональных состояний. С другой стороны, неопределенность может выступать источником роста и создавать новые возможности для развития личности.

Несмотря на интерес к феномену толерантности к неопределенности, до сих пор остаются открытыми такие вопросы, касающиеся природы самого феномена толерантности к неопределенности, как, например, вопрос о том, является ли толерантность к неопределенности устойчивой личностной чертой или динамической характеристикой. Это и другие противоречия в отношении данного феномена снимаются, если мы обращаемся к работам отечественных психологов, развиваемых в русле постнеклассической психологии (В.Е. Ключко, Э.В. Галажинский, О.М. Краснорядцева, О.В. Лукьянов, И.О. Логинова и др.).

С этой точки зрения, толерантность к неопределенности может рассматриваться в контексте жизненного самоосуществления человека, которое понимается как процесс разрешения противоречий между образом мира и образом жизни, как перевод присущих человеку возможностей в действительность, обеспечивающий переход человека как сложной самоорганизующейся системы на новые уровни системности, что и обеспечивает становление многомерного мира человека, делающего его свободным от жесткой зависимости от постоянно меняющейся ситуации [1].

Противоречивость отмечается в качестве одной из существенных характеристик ситуаций неопределенности [2]. Это означает, что ситуации противоречия между образом мира и образом жизни могут рассматриваться как ситуации неопределенности. Исходя из этого, мы предположили, что толерантность к неопределенности может выступать значимым компонентом стратегий жизнеосуществления.

Целью настоящего исследования стало изучение феномена толерантности к неопределенности как компонента стратегий жизнеосуществления.

Выборку составили 109 человек (17 мужчин и 91 женщина (один испытуемый не указал свой пол)), от 17 до 32 лет ($M = 20,8$; $SD = 2,1$).

Методики. Опросники толерантности и интолерантности к неопределенности: НТН (Т.В. Корнилова), МАТ-50 (Р. Нортон), MSTAT (Д. МакЛейн), IUS-12 (Н. Карлтон); опросник Темпоральные модальности жизнеосуществления (Е.В. Бредун); проективная методика для исследования устойчивости жизненного мира И.О. Логиновой.

В результате кластерного анализа данных было выделено 4 стратегии жизнеосуществления, характеризующиеся разным сочетанием толерантности к неопределенности, устойчивости жизненного мира и темпоральных модальностей жизнеосуществления: «устойчивая», «неустойчивая», «парадоксальная (противоречивая)» и «компенсаторная» стратегии.

Показано, что устойчивость жизненного мира (по методике И.О. Логиновой) была положительно связана с толерантностью к неопределенности по опроснику НТН ($\rho = 0,242$; $p < 0,05$), с рационализацией периодов жизнеосуществления ($\rho = 0,273$; $p < 0,05$), с толерантностью к неопределенности в рабочей сфере по опроснику МАТ-50 ($\rho = 0,285$; $p < 0,05$), толерантностью к неопределенности в сфере привычек по опроснику МАТ-50 ($\rho = 0,334$; $p < 0,01$), а также с общим баллом по опроснику МАТ-50 ($\rho = 0,332$; $p < 0,01$).

Толерантность к неопределенности (НТН) была положительно связана с рационализацией периодов жизнеосуществления ($\rho = 0,226$; $p < 0,05$), межличностная интолерантность к неопределенности (НТН) положительно связана с эмоциональной фиксацией на событиях ($\rho = 0,343$; $p < 0,001$). Эмоциональная фиксация на событиях была отрицательно связана с толерантностью к неопределенности в рабочей сфере ($\rho = -0,292$, $p < 0,01$), социальной сфере ($\rho = -0,225$; $p < 0,05$), сфере решения проблем ($\rho = -0,253$, $p < 0,01$) и толерантностью к неопределенности в отношении публичного образа ($\rho = -0,253$, $p < 0,01$) (МАТ-50). Общий показатель толерантности к неопределенности (МАТ-50) был отрицательно связан с показателем эмоциональной фиксации на событиях ($\rho = -0,256$, $p < 0,001$).

Эмоциональная фиксация на событиях была также отрицательно связана с толерантностью к неопределенности ($\rho = -0,383$; $p < 0,01$) и стремлением к сложным задачам ($\rho = -0,297$; $p < 0,05$) (MSTAT) и положительно связана с интолерантностью к неопределенности по шкале IUS-12 ($\rho = 0,347$; $p < 0,05$). Рационализация периодов жизнеосуществления была положительно связана с предпочтением неопределенности (MSTAT) ($\rho = 0,324$; $p < 0,05$). В результате сравнения групп лиц с разной степенью устойчивости жизненного мира, показано, что уровень толерантности к неопределенности и рационализации периодов времени жизнеосуществления был выше в группе с более высокой степенью устойчивости жизненного мира, уровень интолерантности к неопределенности выше в группе с более низкой степенью устойчивости жизненного мира.

Таким образом, результаты данного исследования позволяют сделать вывод о том, что толерантность к неопределенности выступает важным компонентом стратегии жизнеосуществления. Взгляд на проблему толерантности к неопределенности в русле изучения жизненного самоосуществления человека позволяет разрешить существующие противоречия, касающиеся природы данного феномена. Дальнейшие направления изучения толерантности к неопределенности как компонента стратегий жизнеосуществления могут включать лонгитюдные исследования и быть направлены на изучение данного феномена в его динамике.

Литература

1. Логинова И.О. Исследование устойчивости жизненного мира человека: методика и психометрические характеристики // Психологическая наука и образование. 2012. № 3. С. 18–28.
2. McLain D.L. The MSTAT-I: A new measure of an individual's tolerance for ambiguity // Educational and Psychological Measurement. 1993. Vol. 53, № 1. P. 183–189.

УДК 159.99

doi: 10.17223/9785907890527/2025/19

КРЕАТИВНЫЙ КРЕСТ ОБРАЗОВАНИЯ

Валерий Иванович Кабрин

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721–2020–0040.

Живая – а значит многообразно противоречивая феноменология креативности человека – уже очень выразительно представлена классиками гуманистической (К. Роджерс, А. Маслоу), экзистенциальной (В. Франкл, Р. Мэй) и трансперсональной архетипической психологии (К.Г. Юнг, М. фон Франц, З. Луиджи). В современной транскультуральной концепции образования в ситуации информационной избыточности и стремительной обновляемости знаний и технологий необходима ориентация на формирование креативности человека как его универсальной профессиональной компетенции. Крест в данном контексте – это и многогранная метафора, и сложный многомерный разноуровневый концепт, охватывающий всю интенсивную противоречивую холодинамику человеческого бытия. Крест – архетипическая фигура древних поселений, где центр – реальное сердце их жизни; а теперь это – и перекрестье прицела любого смертоносного оружия; и – судьбоносный перекресток выбора пути архетипических героев древних мифов и сказок; и вообще – центр миров в системах мировоззрений разных культур [2, 3] (правое; высшее – и левое низшее – соотносимые основания восточных архетипических и западных типов миров).

В христианской традиции всех ее направлений крест являет собой центральный амбивалентный символ – страдания, совести и спасения в вечной драме человека на пересечении экзистенциальной горизонтали противоречий и трансцендентальной вертикали просветлений. Именно эти смыслообразующие измерения становятся все более актуальными и острыми гранями проблемы креативности современного образования. Сегодня и тем более в перспективе образование не может не быть креативным в контексте экспоненциального роста объема научно-технологических знаний и все более ускоряющихся изменений в стратегиях и технологиях их использования. Традиционные формы и методы обучения в такой ситуации перестают быть эффективными.

Но и их внешние обертки (интерфейсы) в новых электронных ресурсах слабо решают проблему не только своевременных, но и опережающих изменений содержательной инновационности образовательного процесса. Это напрямую связано с тем, что будущие специалисты как трансфессионалы уже не просто накапливают устаревшие знания, а учатся сами открывать, добывать, обретать новые знания и опыт в новых ситуациях неопределенности и риска. Только в таких ситуациях виртуальное знание обретает форму личностного, добытого в личном креативном опыте.

В таком креативном процессе плодотворной Встречи его участников с Новым, образование из просветительского становится преобразующим. Это возможно, когда любая образовательная программа для преподавателя становится авторской, т.е. его знания поднимаются на личностный уровень через соотнесенность с личным креативным опытом. Далее он уже сам в качестве *сталкера* организует реализацию программы в форме путешествия с приключениями, ведущими к новому личностно значимому опыту, в котором все участники образовательной экспедиции обретают знания с потенциалом инновационности и самообновляемости. Новый опыт, формирующийся во встрече с новым противоречием и его освоением (решением), становится концептуальным, т.е. живым и самовозрастающим.

В такой экспедиционной образовательной стратегии имеют шанс актуализироваться все четыре полюса архетипического креста креативности полноценной жизни в виде пиковых переживаний. Вертикаль преобразования высвечивается в следующем порядке: от катарсиса (как потрясения от неожиданного нового) – к инсайту (просветленность новым) – та просветленность, что возвращает катарсису умиротворяющее чувство обновленности. При этом важно, что такое преобразование обязательно проходит сквозь амбивалентную экзистенциальную горизонталь: импрессивность – экспансивность. Заостренность этих переживаний длится от импринтинга (поглощенность, замороженность новыми впечатлениями) к экстазу, когда переполненность впечатлениями рождает стремление выразить невыразимое, превзойти себя в неожиданной импровизации или экспромте.

Наш многолетний опыт управления (во многом интуитивного) последовательностью пиковых переживаний в различных психологических образовательных практиках показывает, что оптимальной преобразующей стратегией сквозь стресс–транс–формацию проблематизирующих приключений, является транзит: катарсис → импринтинг → экстаз → инсайт (с закрепляющим «заземлением» в обновленном катарсисе) [1]. Рискованными и недостаточно изученными остаются как «застревание» в каждом из четырех пиков (полюсов), так и другие последовательности переходов. Исследование этих рисков являются наиболее перспективными в изучении креативной продуктивности образовательного процесса.

Литература

1. *Кабрин В.И.* Интенсивный опыт пиковых переживаний в образовательных практиках // Сибирский психологический журнал. 2024. № 92. С. 157–165.
2. *Мистерии: избранные статьи из конференции «Эранос».* М. : Академический проект, 2020. 345 с.
3. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М. : Канон+, 2023. 336 с.

УДК 159.99

doi: 10.17223/9785907890527/2025/20

ЗНАЧИМОСТЬ РАЗВИТИЯ НЕЙРОНАУК В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

София Сергеевна Канавина

Ассоциация когнитивно-поведенческой психотерапии, Иркутск, Россия

Структуризации когнитивной психологии активно способствует развитие нейронаук, разъясняющих принципы работы головного мозга, локализацию высших психических функций и их возможную декомпенсацию. Высшие психические функции, в западной психологии получившие название когнитивных, отражают не только сохранность всех когнитивных процессов, но и деятельности личности [1, с. 10; 2, с. 94].

К настоящему времени нейронауки (Р. Сапольски, Дж. Порджес, М. Газзанига, К. Прибрам, Ю.И. Александров, Б.С. Гуткин) объясняют многие принципы реализации психических функций, что поспособствовало более качественному пониманию психической деятельности личности. Опираясь на результаты многочисленных исследований западных (как, например, Ю. Галантер, Н. Хомский, Д. Хебб, Г. Уиткин) и советских (в частности, Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, Б.В. Зейгарник, П.К. Анохин, В.Б. Швырков, Б.М. Теплов) ученых и материалы в области когнитивной психологии и нейропсихологии, можно говорить о том, что тенденция

разъяснять психическую деятельность через ее физиологический субстрат была сформирована еще в середине XX в., но в настоящее время не в полной мере отражается в деятельности современных психологов.

Оценка психических функций по-прежнему осуществляется преимущественно с помощью нейропсихологических и патодиагностических проб, с помощью которых можно получить подробное представление о сохранности когнитивных функций личности. К сожалению, данными пробами и методиками в настоящее время пользуются все реже, однако более пристальное внимание уделяется таким методам как ЭЭГ, ПЭТ, фМРТ, ТСМ, ТЭС, ориентированных на исследование активности мозга. Таким образом, методы клинической и когнитивной психологии и методы нейронаук исследуют познавательные процессы с различных сторон: первая группа ориентирована на изучение динамики и характера познавательной деятельности, вторая – на механизм их реализации [3, с. 3].

В психологической практике использование вышеуказанных методов направлено на выявление различных когнитивных нарушений и составление программ коррекции, но подобные данные крайне редко учитываются в оценке таких когнитивных и метакогнитивных процессов, как, например, память и метапамять, рефлексия и метарефлексия и др.

Однако без учета текущего уровня сохранности психических функций невозможно говорить о полноценной работе с когнитивными и метакогнитивными процессами [5, с. 15–17]. Многие методы психотерапии (как, например, когнитивно-поведенческая психотерапия, схематерапия, транзактный анализ, психоаналитическая терапия и т.д.) ориентированы на развитие осознанности у клиента в отношении собственных мыслей, эмоций, поведения, т.е. их задача – научить становиться в мета-позицию в отношении собственных переживаний.

Обретение личностью своей субъектности, т.е. освоение способности быть иницилирующим началом, первопричиной своих взаимодействий с миром, обществом; быть творцом своей жизни; создавать условия своего развития; преодолевать деформации собственной личности и т.п. [5, с. 16] – невозможно без сознательной регуляции собственных когнитивных процессов, что становится возможным лишь при понимании особенностей функционирования своей психики с помощью:

1. Понимания нейробиологических основ психической деятельности, что способствует снижению чувства неконгруэнтности себя по отношению к реальности.
2. Наличия объективных данных об особенностях своих познавательных процессов и возможностях их совершенствования.
3. Формулирования четких целей, как долгосрочных, так и краткосрочных, своего личностного развития.
4. Формирование установки на необходимость и значимость планируемых изменений.

Обычно столь скрупулезный подход встречается в психологической практике не столь часто в силу неготовности как специалистов, так и принимаемых ими клиентов к подобного рода подготовке к работе. Поэтому многие решения в рамках психологического консультирования принимаются в условиях неопределенности, что увеличивает процент риска совершения ошибки [4, с. 56].

Помимо неопределенности, на принятие решений влияют познавательные процессы личности: как человек воспринимает новые данные, на что обращает внимание, что запоминает, обрабатывает и, возможно, формирует гипотезы о будущем. Когнитивный стиль личности – индивидуально-своеобразные способы переработки информации о своем окружении (восприятие, анализ, структурирование, категоризация, оценивание) – обусловлен сохранностью психических функций и опосредует возможность выхода в мета-позицию, способствующую самостоятельной и осознаваемой коррекции когнитивных процессов.

Метапознание предполагает особое состояние «выхода» субъекта за пределы конкретной деятельности с целью ее мониторинга, контроля и коррекции. Значимость метапознания не-

оспорима, поскольку именно через оттачивание когнитивной деятельности личность способна увеличить свой когнитивный ресурс, т.е. количество элементов, используемых в процессе обработки сложной информации [5, с. 20]. С нашей точки зрения, когнитивный ресурс отражает степень выраженности различных когнитивных стилей, которые в той или иной степени задействует личность. Но увеличение когнитивного ресурса может быть важно только в условиях своевременного информирования личности об особенностях ее познавательных процессов как с психологической, так и с нейробиологической точек зрения, что ставит современную науку перед вопросом поиска эффективного способа интеграции методов клинической и когнитивной психологии с методами нейронаук с целью создания качественного наполненного заключения об особенностях сформированности высших психических функций, их возможных нарушениях, прогнозах функционирования и, соответственно, наиболее эффективного использования этих данных для улучшения когнитивной деятельности личности, т.е. для раскрытия новых перспектив проведения когнитивных тренингов.

Безусловно, подобный труд требует плодотворной работы нескольких специалистов в команде, что способствует формированию более реалистичного взгляда на личность, с которой ведется работа, и, соответственно, формированию наиболее адекватных целей под запрос личности, обратившейся за помощью к специалисту.

Как уже было отмечено выше, структуризация знаний когнитивной психологии с помощью данных нейронаук является естественным и значимым направлением развития с научной точки зрения, однако необходимо усилить практическую значимость данных изменений не только в рамках психологического просвещения.

Литература

1. *Верани А.* Роль внутренней речи в высших психических процессах // Культурно-историческая психология. 2010. Т. 6, № 1. С. 7–17.
2. *Выготский Л.С.* Психология развития человека. М. : Смысл ; Эксмо, 2005. 496 с.
3. *Зинченко О.О.* Нейрокогнитивные механизмы принятия решения в игровой задаче (Iowa Gambling Task) // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5, № 4. С. 50–58.
4. *Канеман Д., Санстейн К.Р., Сибони О. Шум.* Несовершенство человеческих суждений. СПб. : АСТ, 2021. 544 с.
5. *Карпов А.А.* Основы современной метакогнитивной психологии: учеб. пособие. Ярославль : ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2017. 152 с.

УДК 159.9.07

doi: 10.17223/9785907890527/2025/21

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ ПРИ АУТЕНТИФИКАЦИИ ТВОРЧЕСКОГО ТЕКСТА

Марк Игоревич Кирилюк

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

Введение. Ни для кого не секрет, что использование цифровых технологий есть неотъемлемая часть жизни современного человека. Это же касается и студента, получающего образование в эпоху цифровизации и использующего новейшие разработки для решения учебных задач. В данном случае речь пойдет о ChatGPT (Chat Generative Pre-trained Transformer), машинном генераторе текстовых ответов, чат-боте с генеративным искусственным интеллектом, способным генерировать тексты на различных языках.

Если ранее подобные технологии были далеки от совершенства, то сегодня мы наблюдаем их расцвет – от написания бизнес-планов, рекламных стратегий, стихов, сказок, сценариев фильмов до генерации дипломов и сдачи экзаменов [3]. Перед нами возникают не просто отдельные фрагменты, написанные с помощью машины, а масштабные полотна сгенерированного текста со сложной структурой и содержанием.

Развитие технологий искусственного интеллекта – вещь, безусловно, интересная, имеющая свои положительные аспекты, которые заключаются в автоматизации работы человека, но если мы попробуем взглянуть на это с другой стороны, то перед нами возникнет совсем не радужная картина.

Известно, что самостоятельное написание текста – одно из важнейших умений, развиваемых в ходе учебной деятельности. Более того, именно на самостоятельный поиск информации (в том числе информации в виде текста) и работу с ней направлен основной вектор современного образования. Причины такого явления очевидны – информация окружает нас повсюду. Весь мир – текст, писал Ж. Деррида. Образование же есть одна из вещей, которая помогает нам ориентироваться в этом мире, не потеряться в нем.

Нам понятно, почему преподаватели делают акцент на данном аспекте – речь идет о развитии когнитивных способностей человека, его мышления, интеллекта. Однако о каком развитии может идти речь, если задание за студента делает нейросеть? И, что не менее важно, как преподавателю понять, что предъявляемая ему работа выполнена человеком, а не машиной?

Исследователи отмечают, что «чрезмерное и недобросовестное использование технологий искусственного интеллекта ослабляет навыки студентов по самостоятельному написанию текста и критическому осмыслению информации, глушит самобытность и оригинальность творческого мышления» [4, с. 362]. Другие говорят о том, что в связи с появлением нейросетей нежелательно давать в качестве домашних заданий написание или перевод текста [1].

Возникает странная ситуация, когда всем очевидно, что развивать определенные навыки необходимо, но заниматься этим становится чрезвычайно сложно: вместо поиска ошибок, педагог должен выяснять, настоящая ли перед ним работа, держа в голове возможный академический подлог. Мы видим, как одни преподаватели просто-напросто отказываются от данного вида работ, другие же прибегают к усложнению заданий, что в свою очередь лишь заставляет студента более тщательно формулировать свой запрос при обращении к нейросети и в целом проблемы не решает [1, 4].

На наш взгляд, стоит обратить внимание не на отказ от выполнения письменных заданий и их изощренные усложнения, а на разработку новых методов оценивания и проверки текста на подлинность. В случае с получением высшего психологического образования, где от студента требуется написать выпускную квалификационную работу, мы никоим образом не можем отказаться от письменных заданий, которыми в том числе являются курсовые работы. В свете сказанного необходимо научиться различать настоящую работу и ее имитацию, причем происходить это должно с помощью специально разработанного инструментария, поскольку даже использование предназначенных для этого программ не всегда позволяет определить, кем был написан тот или иной текст [5].

Несмотря на то, что текст, написанный машиной, зачастую логично выстроен и правдоподобен, а его стилистика похожа на естественный язык [2], это не значит, что в нем нельзя найти брешь. Некоторые из таких уязвимостей уже были найдены: ложные ссылки и некорректные источники, смысловая поверхностность текста, использование в одной работе концептов из различных подходов, отсутствие связи между разными исследованиями и пр. [3].

Цель данного исследования заключалась в выявлении стилистических различий при оценке творческих заданий студентов.

Нами были выдвинуты следующие исследовательские гипотезы:

1. Творческий текст, самостоятельно написанный человеком, пронизывают стилистические особенности, присущие конкретной личности (автору текста).

2. Выявленные стилистические особенности помогают произвести адекватную аутентификацию творческого текста.

Выборку исследования составили студенты первого курса факультета психологии НИ ТГУ.

Методы исследования и анализа полученных данных: сочинение, сравнительный анализ.

Студентам было предложено творческое задание – самостоятельно сочинить текст по заданной теме. После этого сочинения студентов подвергались анализу с целью выявления стилистических особенностей, отличающих произведение человека от работы машины.

Результаты исследования. По результатам анализа сочинений нам удалось выяснить, что основной мишенью, на которую стоит обращать внимание при оценке работ на подлинность, является индивидуальность автора текста, а точнее ее отсутствие. Конечно, когда речь идет о научном тексте, мы учитываем определенную степень объективности, поскольку такова его стилистика. Однако какой бы объективностью не обладал текст, мы так или иначе можем проследить позицию автора, его стиль, логику, т.е. все то, что является достоянием индивида. Когда же текст пишет машина, то всего этого нет. И это особенно заметно, когда речь идет об индивидуальном творчестве. Создавая текст, машина не идентифицирует себя со своей историей, не «чувствует» ее. Машина не выражает своего мнения, поскольку не имеет его, она лишь предлагает точки зрения. Машина не стремится к диалогу, ее «речь» неинтенциональна, монологична. Человек же, пользуясь тем или иным языком, выражает себя, свое мировоззрение и то, к чему он принадлежит [3]. И хотя в нашем исследовании мы имели дело с творческим материалом, что предполагает низкую степень объективности текста, можно предположить, что выявленные особенности так же справедливы и для аутентификации научного текста, поскольку каким бы объективным не был текст, мы неизбежно «встречаем» автора и его намерения, если работу писал человек.

На наш взгляд, само авторство со своей неповторимой стилистикой является краеугольным камнем при оценке работ подобного рода: читая какой-либо текст, мы как бы находим того, кто его создал, чего не происходит в том случае, если текст написан «ником». Такой вот оксюморон нашего времени: текст есть, а автора нет.

Выводы. В ходе проведенного исследования можно заключить, что структура творческого текста, написанного искусственным интеллектом, не аутентична, она не инициативна, в ней нет автора с его творческим «всплеском». В то же время можно сказать, что такие стилистические особенности, как позиция автора, его индивидуальность и логика, пронизывающие творческий текст, определяют наличие психологического измерения самостоятельно написанного текста. Наличие такого измерения, создаваемого человеком с его творческим началом, и есть то, что делает текст аутентичным. При этом обращение внимания на авторство (выделение авторства как явления) с его индивидуальной стилистикой становится ключевым для решения проблемы аутентификации творческого текста.

Литература

1. *Абалян Ж.А., Пивнева С.В.* Потенциал и риски использования искусственного интеллекта в высшей школе при обучении иностранному языку в профессиональной сфере // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 3 (106). С. 5–7.
2. *Гаркуша Н.С., Городова Ю.С.* Педагогические возможности ChatGPT для развития когнитивной активности студентов // Профессиональное образование и рынок труда. 2023. Т. 11, № 1 (52). С. 6–23.
3. *Зашихина И.М.* Подготовка научной статьи: справится ли ChatGPT? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 8–9. С. 24–47.

4. Кондрахина Н.Г., Петрова О.Н. Использование возможностей искусственного интеллекта для преподавания иностранных языков: новая реальность // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 1 (104). С. 360–363.
5. Паскова А.А. Практические аспекты применения ChatGPT в высшем образовании // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Т. 15, № 3. С. 67–74.

УДК 316.64

doi: 10.17223/9785907890527/2025/22

ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ ЛЮДЕЙ С АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

Роза Николаевна Клищенко

ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет»,
Барнаул, Россия

В наше время человечество знакомо с множеством видов зависимостей, которые могут проявляться в различных аспектах повседневной жизни, начиная от пристрастия к еде и напиткам, заканчивая увлечением играми, работой и психоактивными веществами. Человек, подверженный зависимому поведению, часто находится под влиянием многочисленных внешних и внутренних факторов, которые складываются в уникальный набор обстоятельств для каждого индивида. Среди всего многообразия зависимостей особо стоит выделить алкогольную зависимость, представляющую существенную угрозу не только для здоровья индивида, но и вызывающую ряд социальных проблем [3, с. 485].

Алкогольная зависимость часто рассматривается как способ приспособления человека к трудностям окружающей действительности: как попытка избежать сложностей, устремляясь в область заблуждений. Человек теряет контроль над своими мыслями, поступками и чувствами, его существование постепенно скатывается к стадии выживания, и в итоге зависимость обрушивает его жизнь в метафорические руины [2, с. 117].

На путь к аддиктивному поведению могут указывать различные причины, включая биологические предпосылки, эмоциональное состояние и социальное окружение. Специфическая смесь этих факторов играет ключевую роль в определении вероятности развития склонности к зависимости от алкоголя [1, с. 120].

В развитии зависимостей значительную роль играют как общественно-психологические, так и личностные факторы. К первым можно отнести разрывы в социальной ткани и быстрые перемены, к которым индивиды не успевают адаптироваться, травмы, пережитые в детстве, распространение насилия и недостаток внимания и поддержки. Что касается личных предпосылок, то они включают в себя невозможность адекватно реагировать на жизненные трудности, глубоко укоренившееся чувство собственной несостоятельности, склонность обвинять окружающих в своих проблемах, избегание ответственности за принимаемые решения, однообразие в действиях, эмоциональную нестабильность и зависимые поведенческие модели, а также существующие у человека те или иные иррациональные установки [3, с. 486].

Эмпирическое исследование проводилось на базе Барнаульского медицинского центра «Интервал», одним из направлений работы которого является лечение людей с алкогольной зависимостью.

При помощи методики «Тест на иррациональные установки» А. Эллиса были опрошены 30 человек с зависимостью от алкоголя, проходящие лечение в Центре. В качестве контрольной

группы выступили 30 людей в возрасте 37–52 лет, употребляющие алкоголь не чаще 1 раза в неделю и никогда не состоявшие на учете у врача-нарколога.

В результате обработки данных и проведения сравнительного анализа при помощи *t*-критерия Стьюдента были выявлены статистически значимые различия в выраженности ряда иррациональных установок у людей с алкогольной зависимостью и контрольной группой испытуемых.

Так установка «Катастрофизация» на уровне значимости $p = 0,032$ в большей степени выражена у людей с аддикцией ($14,83 \pm 2,03$ у людей с алкогольной зависимостью и $18,04 \pm 4,38$ у контрольной группы).

Также различия были выявлены при выраженности установки «Долженствование в отношении себя» $p = 0,045$ ($15,83 \pm 1,87$ у людей с алкогольной зависимостью и $18,28 \pm 2,52$ у контрольной группы) и «Низкая фрустрационная толерантность» $p = 0,048$ ($17,42 \pm 2,94$ у людей с алкогольной зависимостью и $21 \pm 2,65$ у контрольной группы).

Таким образом, люди, борющиеся с проблемой алкогольной зависимости, зачастую ощущают мир под сильным углублением негативных аспектов жизни, придавая обычным неудачам чрезмерно катастрофические масштабы. Это преувеличение проблем часто сопровождается необычайно высокими ожиданиями от себя, что не всегда соответствует реальности и ведет к еще большим разочарованиям из-за невозможности достичь их. При этом особенностью таких личностей является уменьшенная способность адекватно противодействовать стрессовым ситуациям, что свидетельствует об их сокращенных ресурсах для успешной борьбы с жизненными трудностями.

Этот образец восприятия и реагирования существенно затрудняет процесс их социальной адаптации и восстановления, требуя комплексного и индивидуализированного подхода в лечении. Часто, для достижения стабильной ремиссии, важно разработать стратегии, которые помогли бы справляться с повышенными ожиданиями и научили бы осознавать реалистичный взгляд на жизненные неудачи.

Ключевым моментом в реабилитации является развитие навыков управления стрессом и эмоциями, что позволит лицам, страдающим от алкоголизма, более эффективно справляться с вызовами, минимизировать их гиперболизированные восприятия неудач и увеличить их способность к адаптации в обществе. Учитывая эти аспекты, важно не только помогать им в борьбе с зависимостью, но и поддерживать в процессе социализации и восстановления, что в конечном итоге приведет к более успешному и устойчивому выздоровлению.

Полученные данные могут быть использованы при разработке программ психологической коррекции в рамках когнитивно-поведенческой психотерапии людей с алкогольной зависимостью.

Литература

1. Бабюк И.А., Шульц О.Е., Табачников А.Е., Найдено С.И., Сергеева Г.Е. Коррекция иррациональных установок больных патологическим пристрастием к азартным играм и алкогольной зависимостью методом когнитивно-поведенческой психотерапии // Журнал психиатрии и медицинской психологии. 2009. № 3 (23). С. 119–121.
2. Ли А.А. Исследование психологических особенностей лиц с алкогольной зависимостью // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 11 (39). С. 116–123.
3. Соколова Д.А. Особенности эмоциональной сферы у лиц, склонных к алкогольной зависимости // Молодой ученый. 2024. № 3 (502). С. 485–487.

УДК 159.9.072

doi: 10.17223/9785907890527/2025/23

КОГНИТИВНЫЕ И НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ У ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

Татьяна Альбертовна Кожевникова

*ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева», Красноярск, Россия*

Современные научные исследования как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе указывают на высокий уровень эмоциональной нагрузки и психической напряженности сопровождающий профессиональную деятельность учителей [1, с. 18]. Профессию преподавателей относят сейчас к группе риска по возможному развитию непсихотических психических расстройств [4, с. 60; 5, с. 71]. В связи с чем, цель настоящего исследования посвящена изучению когнитивных и нейрофизиологических особенностей функционирования ЦНС у педагогов.

В исследовании принимали участие 32 женщины, преподаватели школ Красноярского края, находящихся на обучении в Красноярском государственном педагогическом университете им. В.П. Астафьева. Средний возраст группы испытуемых составил ($31,3 \pm 3,7$) лет. Исследование мультимодального психического здоровья у педагогов, проводили с использованием методики многостороннего исследования личности (ММИЛ) по Ф.Б. Березину [2, с. 9]. Для изучения влияния педагогической деятельности на волновую динамику СМФП правого и левого полушарий мозга, был использован метод динамической межполушарной омега метрии мозга с использованием прибора омега-тестер, который позволял фиксировать и переводить величины потенциалов мозга на дисплей прибора. [3, с. 34]. Статистический анализ проводили с использованием *t*-критерия Стьюдента. Различия между показателями считали достоверными при значении $p < 0,05$. Анализ полученных данных по опроснику ММИЛ установил повышение параметров шкал невротической триады в группе учителей, что указывало на высокий уровень эмоциональной напряженности, тревоги, что указывало на риск нарушения психического здоровья педагогов. Умеренное завышение по шкале F (56,2 Тб), свидетельствовало о внутренней напряженности и недовольстве ситуацией. Выявлено завышение значений шкал, расположенных в левой половине профиля ММП, – шкалы 1, 2, 3 (67,4 Тб, 73,2 Тб и 69,4 Тб соответственно), что указывало на возможность невротических реакций, обусловленных недостаточностью психологических ресурсов. Увеличение параметров шкалы «Импульсивность» (67,8 Тб) указывало на неудовлетворенность жизнью, своим положением в социуме, переживанием несправедливости, непонимания со стороны окружающих и эмоциональной неустойчивости. Умеренное повышение профиля по шкале «Мужественность–женственность» (69,5 Тб) отражало снижение идентификации с социальной ролью женщины в обществе. Увеличение параметров по шкале «Ригидность» (72,8 Тб) выявило наличие у педагогов наличие отрицательных эмоций и застревании на них. Увеличение параметров по шкалам «Тревожность» (63,9 Тб) показало предрасположенность к тревожным реакциям, ослабление которых возможно лишь при формировании ограничительного поведения. Повышение значений по шкале «Социальная интроверсия» (63,6 Тб) в профиле ММИЛ у учителей свидетельствовало о затруднениях в осуществлении межличностных контактов.

Результаты динамической омега метрии мозга у педагогов установили, что суммарный омега-потенциала мозга отличаются от нормы ($p < 0,01$) и был ниже его показателей у здоровых лиц. Омега-потенциала правого полушария превышал контрольные значения ($p < 0,01$). Вели-

чины омега-потенциала левого полушария были ниже, чем у здоровых лиц ($p < 0,01$). У педагогов в результате измерения сверхмедленных потенциалов мозга была выявлена межполушарная асимметрия ($33,5 \pm 6,2$) мВ. Выявленный III тип динамики омега-потенциала определяется выраженным доминированием омега-потенциала правого полушария над левым.

Таким образом, полученные результаты динамики сверхмедленных биоэлектрических потенциалов ЦНС выявили у преподавателей аффективную неустойчивость, снижения процессов внимания, функциональное нарушение процессов восприятия, переработки информации, снижение устойчивости их организма к стрессам. Результаты, полученные по опроснику ММИЛ выявили, что психическое состояние педагогов средних школ характеризуется близостью показателей по шкалам невротической триады с невротическими расстройствами. Выраженность и длительность этого состояния у преподавателей является предиктором нарушения психического здоровья.

Литература

1. *Багнетова Е.А.* Профессиональные риски современной педагогической среды // Здоровый образ жизни и охрана здоровья : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Сургут, 3 апреля 2020 года. Сургут : Сургутский гос. пед. ун-т, 2020. С. 18.
2. *Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Соколова Е.Д.* Методика многостороннего исследования личности (структура, основы интерпретации, некоторые области применения). 3-е изд., испр. и доп. М. : Консультант плюс – новые технологии, 2011. 320 с.
3. *Илюхина В.А., Квашина К.В., Крыжановский Э.В.* Психофизиологическое исследование особенностей компенсаторно-приспособительных возможностей организма к учебной нагрузке в вузе у лиц с разной устойчивостью к транзиторной гипоксии // Психология образования в поликультурном пространстве. 2013. Т. 1, № 21. С. 31–38.
4. *Комова Т.Г., Устинова В.С.* Профессиональные заболевания педагогов // Вестник научных конференций. 2018. № 10-4 (38). С. 59–60.
5. *Психология кризисных состояний. Особенности гендерного реагирования / Т.А. Кожевникова, В.В. Костарев, И.Я. Стоянова, А.А. Грешилов.* Красноярск : Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2018. 192 с.

УДК 159.928.23

doi: 10.17223/9785907890527/2025/24

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ЛИЧНОСТИ ТАЛАНТЛИВЫХ ПОДРОСТКОВ

Владислав Владимирович Костарев

ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет», Красноярск, Россия

Актуальность исследования обусловлена стремительным изменением общественного уклада жизни и правильное формирование личности, готовой не только жить в изменяющихся социальных и экономических условиях, но и активно изменять действительность в лучшую сторону [1, с. 94]. Подростковым периодом считается критическим, временем формирования самосознания. Проблема самосознания связана с определением степени важности подростка в условиях современности. Формирование самосознания у одаренного подростка оказывает регулирующее влияние на все процессы его жизнедеятельности [3, с. 237].

Организация исследования и методики. Проведено исследование психологических характеристик самосознания у одаренных подростков. Базой для проведения исследований являлась Краевая общеобразовательная школа-интернат общего образования с углубленным изучением предметов «Школа космонавтики». В исследовании участвовали 37 подростков. У всех подростков определялся уровень интеллекта, креативности и мотивации. В ходе работы были

определены две группы. Первая – основная, в количестве 21 человека, которую составили одаренные подростки. Вторая группа – контрольная, которая состояла из 23 подростков с нормой развития. В работе была использована методика исследования самооотношения (тест-опросник МИС) [2, с. 321].

Результаты. По результатам анализа в основной группе школьников параметры шкалы «Глобальное самооотношение», связанной с внутренними недифференцированными чувствами «за» и «против» себя, были достоверно ($p \leq 0,05$) выше у талантливых подростков ($91,2 \pm 8,4$ балла). Параметры шкалы «Самоуважение» ($76,34 \pm 7,5$ балла ($p \leq 0,01$), «Ожидаемое отношение от других» ($72,6 \pm 9,1$ балла ($p \leq 0,01$), «Самоинтерес» ($77,6 \pm 8,1$ балла ($p \leq 0,05$), «Самоуверенность» ($84,9 \pm 6,4$ балла ($p \leq 0,05$) и «Саморуководство» ($69,4 \pm 6,3$ балла ($p \leq 0,05$) также были достоверно выше в основной группе. Параметры шкал «Аутосимпатия» ($78,3 \pm 7,2$ балла ($p \leq 0,05$) и «Самопрятие» ($76,7 \pm 6,1$ балла ($p \leq 0,05$) были выше у подростков с нормативным развитием. Результаты по шкалам «Самообвинение» и «Самопонимание» не имели достоверных различий по группам сравнения.

Выводы. Таким образом, анализ результатов показал наличие достоверных психологических различий в особенностях личности между одаренными подростками и их сверстниками с нормативным развитием. Эти различия выражались в высокой самоуверенности, проектировании своего будущего, собственном саморуководстве, самоуверенности в достижении результатов деятельности, самоуважении и самоинтересе. Одаренным подросткам интересна их личность и их собственная самореализация. Они имеют более высокий уровень глобального самооотношения. Все это проявляется в наличии веры в собственные силы и свои способности. Интересным является тот факт, что одаренные подростки в меньшей степени, чем их сверстники, испытывают симпатию к собственной личности. По-видимому, это качество характера не позволяет им останавливаться на достигнутом, а способствует продвижению их в плане достижения поставленных целей. Результаты исследования показали, что одаренные подростки имеют достоверные отличия от своих сверстников с нормативным развитием.

Литература

1. Волкова Е.Н., Микляева А.В., Хороших В.В. Субъективные предпосылки психологического благополучия одаренных подростков // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27, № 1. С. 92–103.
2. *Общая психодиагностика* / под. ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. М. : Изд-во МГУ, 1987. 321 с.
3. Попова О.В. К вопросу об особенностях в процессе обучения и воспитания одаренных детей // Неделя науки ВИЭСУ–2023. С. 237.

УДК 159.99

doi: 10.17223/9785907890527/2025/25

КИНОДИСКУРС И ЕГО РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ

Тина Анатольевна Кубрак

ФГБУН Институт психологии РАН, Москва, Россия

Изучение кинодискурса привлекает исследователей различных областей науки – искусствоведов, культурологов, философов, лингвистов, психологов, каждая из которых вносят свой вклад в понимание сложной природы кино как культурного и коммуникативного явления. Пси-

хологи, анализируя кинодискурс, исследуют его влияние на когнитивные процессы, эмоции и поведение человека, рассматривают кино как мощный инструмент формирования представлений о реальности. Кинодискурс отражает существующие установки, ценности, мнения, и в то же время он их меняет, влияя на социальные процессы, происходящие в обществе. Как и анализ любого другого дискурса, изучение кинодискурса предполагает учет влияющих на его создание и восприятие ситуационных, личностных, социокультурных, идеологических и других факторов. В фокусе внимания – взаимодействие фильма со зрителем, процессы формирования смыслов и значений в зависимости от личностных и контекстных особенностей. Дискурсивный подход к изучению кино позволяет глубже понять сложные механизмы воздействия фильма на человека и на общество в целом.

Проводимые нами исследования кинодискурса включают различные направления анализа ([1] и др.). Так, в эпоху транзитивности кинодискурс приобретает особую важность в контексте проблемы информационно-психологической безопасности. Массовая коммуникация и кино как ее важная составляющая формируют картину мира для миллионов людей. Образы, идеи и ценности, передаваемые фильмами, могут оказывать как позитивное, так и негативное воздействие на психику человека, меняя его мировоззрение, стереотипы, убеждения. Кино может транслировать определенные идеологические взгляды или негативные социальные установки, например, пропаганду насилия или ксенофобии. В то же время кино может играть и положительную роль, способствуя формированию толерантности, пониманию других культур, пропаганде гуманистических ценностей и решению актуальных социальных проблем.

Проведенное нами ранее исследование выявило влияние фильма на представление молодежи о пожилых людях [5]. С помощью психосемантической методики респонденты оценивали различные характеристики пожилых людей до и после просмотра фильма. Было определено, что после просмотра фильма, повествующего о пожилых людях, у респондентов изменились представления о мотивационно-регулятивных, когнитивных и эмоциональных особенностях пожилых людей. В то же время было обнаружено, что однократный просмотр фильма не оказал длительного влияния на установки зрителей.

В настоящее время нами проводится исследование влияния фильмов на предрассудки в отношении мигрантов (совместно со А.А. Старостиной). Целью исследования является определение факторов эффективности психологического воздействия фильмов в аспекте нарративного воздействия. Нарративное воздействие является более эффективным, чем риторическое, так как снижает недоверие к получаемой информации, усиливает эмоциональную вовлеченность и личную включенность в представленную историю, которые приводят к большей реалистичности воспринимаемого. Степень погруженности человека в нарратив влияет на выраженность изменения убеждений человека вне зависимости от того, вымышленными или реальными являются представленные в нарративе события (Теория транспортиции [3]). Апробированная нами ранее Шкала нарративной транспортиции [2] позволяет получать новые данные о механизмах психологического воздействия фильмов с учетом состояния нарративной транспортиции в процессе просмотра фильма. В 1 этапе текущего исследования приняли участие 239 человек. Получены предварительные данные о том, что после просмотра фильма о мигрантах предрассудки по отношению к ним снизились по всем пяти показателям (Методика для измерения предрассудков в отношении к мигрантам [4]): предполагаемая экономическая угроза, предполагаемая физическая угроза, избегание тесного контакта, предполагаемые проблемы в адаптации, преувеличение культурных различий. Выраженность изменений связана с уровнем нарративной транспортиции при просмотре фильма. На следующем этапе планируется сравнение особенностей механизмов воздействия кино различных жанров.

Заключение. Обеспечение информационно-психологической безопасности ставит вопросы формирования таких норм и представлений, которые способствовали бы прогрессивному развитию общества, улучшению жизни людей и поддержанию их психического здоровья. Роль

кинодискурса определяется возможностями его позитивного воздействия: формированием ценностей и представлений, изменением норм и установок в отношении актуальных проблем современного общества.

Литература

1. Кубрак Т.А., Латынов В.В. Психология кинодискурса: факторы выбора, восприятие, воздействие. М. : Институт психологии РАН, 2019. 214 с.
2. Кубрак Т.А., Старостина А.А. Апробация русскоязычной версии Шкалы нарративной транспортировки (Transportation Scale, TS) // Психологический журнал. 2023. № 4 (44). С. 83–93. doi: 10.31857/S020595920027087–1
3. Green M.C., Brock T.C. The role of transportation in the persuasiveness of public narratives // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. Vol. 79. P. 701–721. doi: 10.1037/0022-3514.79.5.701
4. Gulevich O., Sarieva I., Prusova I. Ethnic prejudices in Russia: questionnaire adaptation for the measurement of prejudices towards migrants // Psychology. Journal of Higher School of Economics. 2015. № 2 (12). P. 112–132.
5. Kubrak T. Impact of films: Changes in young people's attitudes after watching a movie // Behavioral Sciences. 2020. № 10 (5). P. 86. doi: 10.3390/bs10050086

УДК 159.972

doi: 10.17223/9785907890527/2025/26

О ВЫНУЖДЕННОЙ ДЕФИЦИТАРНОСТИ У ЛИЦ С СОМАТИЧЕСКОЙ ПАТОЛОГИЕЙ

Евгения Александровна Кудашова

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный медицинский университет
имени Н.Н. Бурденко», Воронеж, Россия

Прогрессивный рост числа лиц с соматической патологией, влияние хронического соматического заболевания на психологическое состояние личности, недостаточно изученная содержательная составляющая феноменов «вынужденная дефицитарность» и «вынужденная дефицитарность лиц с соматической патологией» в психологической науке, а также необходимость осуществления сопровождения лечения лиц с соматическими патологиями в системе «врач – пациент – болезнь – клинический психолог», – определяют высокую актуальность для психологии и медицины исследования феномена вынужденной дефицитарности у лиц с соматической патологией, который может рассматриваться как устойчивое состояние, связанное с переживаниями ограниченности, недостаточности внутриличностных ресурсов, необходимых человеку для удовлетворения базовых потребностей, достижения поставленных целей и обеспечения собственного благополучия.

Взрослый человек вступает в новую жизненную ситуацию, ассоциированную с болезнью, с уже сложившимися особенностями психической организации: определенным уровнем познавательных возможностей, мотивационной структуры личности, самооценкой и т.д. Все эти качества могут быть изменены (ослаблены) вследствие болезни.

Болезнь может изменить и перспективу человеческой жизни в целом. Всякое истинное развитие предполагает именно направленность в будущее, открытость перспективы движения. Изменение представлений о будущем – одна из наиболее существенных характеристик новой, складывающейся в условиях болезни социальной ситуации развития.

Новая социальная ситуация развития может стать источником формирования у человека как психологически позитивных для развития его личности новообразований (в виде, например, компенсаторных и приспособительных проявлений), так и негативных черт с тенденцией к переживанию дефицитарности как состояния недостатка чего-либо, необходимого для нормального функционирования и развития.

Анализ отечественной и зарубежной литературы, современных психологических исследований, раскрывающих влияние соматического заболевания на психологическое состояние больных показал, что феномен вынужденной дефицитарности у лиц с соматической патологией содержательно не раскрыт в достаточной степени. Существуют отдельные исследования, посвященные:

- изучению особенности психологического благополучия человека до и во время пандемии COVID-19 [1, с. 96–108];

- изучению психосемантических маркеров дефицитарности компонентов саморегуляции в ситуациях нарастающей неопределенности (пандемия COVID-19) [2, с. 190–204];

- определению взаимосвязи между физической активностью, физической самооценкой, соматическими симптомами и депрессией от подросткового до молодого взрослого возраста [3, с. 121–132];

- определению взаимосвязи непродуктивных мыслей, соматических симптомов и переживания психологического благополучия [4, с. 56–62];

- изучению процесса регуляции эмоций при соматических расстройствах и связанных с ними состояниях [5, с. 30–35];

Несмотря на наличие большого количество исследований, посвященных вопросам влияния соматической патологии на психологическое состояние и личность больного, переживание им благополучия или его отсутствия, в медицинской психологии до сих пор отсутствуют целостные представления о содержании феномена вынужденной дефицитарности лиц при различных соматических заболеваниях.

Комплаенс, приверженность пациента лечению, требует понимания запросов, индивидуально-личностных, психологических особенностей пациентов, а значит – включения работы психологов в общемедицинскую систему. В связи с этим все большее значение приобретает комплексный медико-психологический подход в лечении болезни.

Применение методов психологической помощи позволяет повысить качество жизни пациентов, оптимизировать проведение лечебно-реабилитационного процесса и улучшить их адаптацию к новой социальной ситуации развития.

Таким образом, основные социальные, теоретические и практические аспекты, такие как:

- прогрессивный рост числа лиц с соматической патологией, в том числе, с сердечно-сосудистыми и онкологическими заболеваниями, влияние хронического соматического заболевания на психологическое состояние личности;

- недостаточно изученная содержательная составляющая феноменов «вынужденная дефицитарность» и «вынужденная дефицитарность лиц с соматической патологией» в психологической науке;

- необходимость осуществления сопровождения лечения лиц с соматическими патологиями в системе «врач – пациент – болезнь – клинический психолог»; – определяют высокую актуальность для психологии и медицины исследования феномена вынужденной дефицитарности у лиц с соматической патологией, который может рассматриваться как устойчивое состояние, связанное с переживаниями ограниченности, недостаточности внутриличностных ресурсов, необходимых человеку для удовлетворения базовых потребностей, достижения поставленных целей и обеспечения собственного благополучия.

Литература

1. Вишнякова Н.Н., Логинова И.О. и др. Особенности психологического благополучия студентов с различным соматическим здоровьем до и во время пандемии COVID-19 // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2022. № 3 (61). С. 96–108.
2. Краснорядцева О.М., Найман А.Б. Психосемантические маркеры дефицитарности компонентов саморегуляции в ситуациях нарастающей неопределенности // Сибирский психологический журнал. 2022. № 85. С. 190–204.
3. Ames M.E., Robillard C.L., Ryan J.E.H., Merrin G.J., Turner B.J. Reciprocal associations between physical activity, physical self-concept, somatic symptoms, and depression from adolescence to young adulthood: Disaggregating within- and between-person effects // *Mental Health and Physical Activity*. 2023. Vol. 24, March. P. 121–132.
4. Kocsel N., Horváth Z., Reinhardt M., Szabó E., Kökönyei G. Nonproductive thoughts, somatic symptoms and well-being in adolescence: testing the moderator role of age and gender in a representative study // *Heliyon*. 2022. Vol. 8, is. 6, June. P. 56–62.
5. Schnabel K., Petzke T.M., Witthöft M. The emotion regulation process in somatic symptom disorders and related conditions – A systematic narrative review // *Clinical Psychology Review*. 2022. Vol. 97, November. P. 30–35.

УДК 159.99

doi: 10.17223/9785907890527/2025/27

ВНУТРЕННЯЯ КАРТИНА ЗДОРОВЬЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ВОВЛЕЧЕННОСТИ В РЕАБИЛИТАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС У ПАЦИЕНТОВ С ОНМК

Иван Константинович Кузнецов

*ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет
имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» Министерства здравоохранения
Российской Федерации, Красноярск, Россия*

В современной психологии существует множество трактовок данного понятия как в отечественной, так и в зарубежной психологии. Вместе с ВКБ появляется и противоположная позиция, отражающая понимание здоровья как определенного эталона, цели для совершенствования или поддержания определенного уровня. Согласно определению В.Е. Кагана, ВКЗ (внутренняя картина здоровья) – это особое отношение личности к своему здоровью, которое выражается в осознании его ценности и в стремлении к его совершенству. Данное понятие связывает различные психологические механизмы личности на пути к пониманию себя. Б.Г. Ананьев определяет внутреннюю картину здоровья как комплекс интеллектуальных представлений о здоровье человека, его эмоциональных переживаний, его поведенческих реакций и паттернов.

ВКЗ рассматривается с когнитивной, эмоциональной и поведенческой позиции. Это позволяет учитывать особенности когнитивных и аффективных процессов человека, которые определяют его отношение к собственным ресурсам, к здоровью, а также его поведение в отношении здоровья. Поэтому можно говорить о ВКЗ как показателе готовности к прохождению реабилитационных мероприятий. В рамках реабилитационного процесса важно знать о поведении по отношению к лечению. В психологии вовлеченность в реабилитационный процесс составляют особенности восприятия как болезни, так и собственного здоровья. По мнению О.В. Кремлевой, со ссылкой на зарубежные публикации, отсутствие успеха терапии связывает-

ся с низкой вовлеченностью в процесс лечения [2, с. 1]. Так как пациенты с ОНМК зачастую имеют определенный когнитивный дефицит, выражающийся в разной степени выраженности, и, в ряде случаев, психические расстройства, авторы отмечают высокую степень уклонения от лечения пациентов [2, с. 1]. Анализ ВКЗ у пациентов с ОНМК показывает, что мотивационные потребности определяют успешность лечения пациентов с ОНМК. В литературе отмечается связь мотивации к лечению и ее эффективности [5, с. 7].

Говоря о ВКЗ, необходимо упомянуть о самой ценности здоровья в структуре личности. Ценностно-мотивационный уровень ВКЗ отражает мотивацию по сохранению своего физического и психологического благополучия. Часто у пациентов с ОНМК наблюдается чувствительный, эргопатический, тревожный, ипохондрический типы отношения к болезни, что говорит о возможном снижении качества реабилитационного процесса [4, с. 6] и трудности в формировании активной позиции в процессе выздоровления, т.е. снижении вовлеченности в реабилитационный процесс. По данным исследователей, пациенты могут быть либо недостаточно вовлечены в реабилитационный процесс, либо не придерживаются назначенного им лечения [3, с. 3]. Это говорит об отсутствии сформированности ВКЗ, отражающей ценность здоровья.

Пациенты с ОНМК имеют ряд психологических особенностей. Несформированная ВКЗ выражается в отсутствии мотивации к изменениям в собственной жизни, в частности в собственном здоровье; следовательно, возникают препятствия в формировании позитивных установок. Такие пациенты теряют «жизненную энергию», имеют предрасположенность к истерическому реагированию, фобическим нарушениям, к развитию тревоги. Тяжесть инсульта имеет связь с тяжестью невротических проявлений [1, с. 4–5]. Данные особенности могут влиять на реабилитационный процесс. Также авторы отмечают, что депрессивные состояния, уход в болезнь, низкая мотивация свидетельствуют о низкой приверженности к восстановлению, т.е. о несформированной или же неадекватной ВКЗ [5, с. 7].

Описанные данные говорят о том, что в случае выявления несформированной или неадекватной ВКЗ пациенты с ОНМК характеризуются низкой вовлеченностью в реабилитационный процесс ввиду отсутствия ценности здоровья и такими психологическими особенностями, как сниженная мотивация, потребности и установки личности в отношении лечения, что может определять падение качества реабилитационного процесса.

Литература

1. Григорьева Н.В. Особенности психических состояний у пациентов, перенесших инсульт различной степени тяжести // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22331> (дата обращения: 22.02.2024).
2. Кремлева О.В. Проблемы нонкомплаентности в соматической клинике, тактика преодоления // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2013. № 4 (21). URL: <http://mpgj.ru> (дата обращения: 22.02.2024).
3. Муравьева О.В., Разуваева Т.Н. Взаимосвязь субъективного восприятия болезни и приверженности лечению пациентов с инсультом // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2016. № 28 (240). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-subektivnogo-vospriyatiya-bolezni-i-priverzhennosti-lecheniyu-patsientov-s-insultom> (дата обращения: 22.02.2024).
4. Попенко Н.В., Чупина В.Б. Особенности мотивационной направленности внутренней картины болезни и уровня жизнестойкости у пациентов с острым нарушением мозгового кровообращения в реабилитационном периоде // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 6. С. 34.
5. Гынтерова А.М., Перепелица С.А., Скалин Ю.Е., Реверчук И.В., Тихонова О.А., Гришина А.А. Психоневрологическая диагностика пациентов в остром периоде ишемического инсульта //

Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. 2022. Т. 56, № 1. С. 54–62. doi: 10.31363/2313-7053-2022-56-1-54-62

УДК 159.952

doi: 10.17223/9785907890527/2025/28

РАЗВИТИЕ УСТОЙЧИВОСТИ ВНИМАНИЯ И САМОКОНТРОЛЯ У ДЕТЕЙ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Татьяна Владимировна Кузнецова^{1,2}, Игорь Александрович Филенко¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

² *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

Актуальность исследования обусловлена специфическими особенностями развития внимания у детей с ЗПР, которые характеризуются неустойчивостью, слабой концентрацией, сниженным объемом, трудностями переключения, а также ограниченными возможностями его распределения. Кроме того, дети с ЗПР представляют самый многочисленный состав в ФГОС НОО обучающихся с ОВЗ, так как ЗПР может носить вторичный характер и выявляться во всех нозологических группах, представленных в ФГОС № 1598 [4].

По мнению Н.В. Бабкиной [1], Л.Н. Блиновой, А.Д. Вильшанской, У.В. Ульенковой, дети с ЗПР испытывают большие затруднения в выделении существенных признаков изучаемого объекта, допускают ошибки в установлении причинно-следственных связей, испытывают затруднения в планировании предстоящих действий, их речевом оформлении и осуществлении, не умеют подчинять свои действия требованиям, предъявленным в виде вербальной инструкции. Все вышеперечисленные трудности авторы связывают с недостаточным развитием когнитивных функций, устойчивости внимания и самоконтроля.

Материалом исследования послужил теоретический анализ научной литературы:

- теория поэтапного формирования умственных действий (ТПФУД) П.Я. Гальперина [2];
- положения о развитии познавательных способностей младших школьников как результата развивающего обучения В.В. Давыдова, А.В. Запорожца, Л.В. Занкова;
- подходы к когнитивному развитию детей с ЗПР в образовательном процессе Н.В. Бабкиной [1], Л.Н. Блиновой, А.Д. Вильшанской, У.В. Ульенковой;
- научно-методические подходы к использованию ассистивных цифровых технологий в коррекционно-развивающем процессе Т.А. Соловьевой, Д.А. Соловьева; J.L. Green; A. Stalmach; С.Н. Heemskerk, С.М. Roebbers [5].

Целью предстоящего исследования является теоретико-методологическое обоснование и разработка содержания системы коррекционной работы по развитию устойчивости внимания и самоконтроля у детей с ЗПР посредством применения технологии поэтапного формирования умственных действий в процессе реализации познавательной деятельности, где под вниманием мы понимаем: а) направленность и сосредоточение сознания на определенных объектах или определенной деятельности при отвлечении от всего остального; б) внутреннее свернутое, автоматизированное действие контроля, как самостоятельная форма психики, имеющая свое специфическое содержание и измеримые характеристики (объем, концентрация, переключаемость) [2]. А самоконтроль рассматривается, как способность личности к самостоятельной познавательной деятельности и к ее саморегуляции, которые для каждого конкретного предмета являются специфическими [3].

Говоря о системе коррекционной работы, необходимо учитывать особенности развития психических функций у детей с ЗПР и современные требования к организации специального

образования. Современные исследования отечественных и зарубежных ученых подтверждают наше предположение о том, что данная экспериментальная работа должна носить системный характер и включать комплекс коррекционных упражнений на развитие базовых психических функций детей, позволяющих компенсировать задержку психического развития, имеющую неорганическую природу, которая «часто бывает вызвана недостаточным вниманием к воспитанию и развитию детей со стороны взрослых» [1], а также комплекс физических упражнений, позволяющих повысить общий психический тонус обучающихся и предотвратить кислородное голодание мозга, вызываемое длительными напряженными заданиями на уроках, зачастую не учитывающими индивидуальные возможности детей с ЗПР [5].

Экспериментальное исследование С.Н. Heemskerk и С.М. Roebbers [5], завершённое в 2023 г. с участием 211 учеников четвертых классов, показало позитивное влияние физической активности (в форме проведения специальных разминок и упражнений) на активизацию когнитивных процессов при выполнении учебных заданий. Результаты эксперимента показали, что короткие перерывы, направленные на физическую активизацию и систематическое применение тренировочных интерактивных заданий, помогает улучшить торможение и результаты познавательной деятельности простым и эффективным по времени способом.

Описание успешного опыта реализации цифровых образовательных ресурсов в работе с детьми с ОВЗ (программы с тренировочными игровыми заданиями на развитие внимания и самоконтроля, реализуемые с помощью электронных носителей), апробированные современными российскими и зарубежными дефектологами, также заслуживают внимания и практического применения, так как позволяют спроектировать индивидуальную траекторию развития ребенка с ЗПР, с учетом его индивидуального уровня развития, темпа деятельности и познавательных интересов, что также найдет отражение в разработке и реализации формирующего этапа предстоящего эксперимента.

Таким образом, содержание коррекционной работы по развитию внимания и самоконтроля у детей с ЗПР должно носить системный характер и включать следующие направления работы: 1) индивидуальные тренировочные интерактивные задания, направленные на развитие когнитивных способностей и самоконтроля в процессе их выполнения; 2) поэтапное формирование умственных действий и 3) комплекс физических упражнений, направленных на активизацию когнитивных процессов.

Литература

1. *Бабкина Н.В.* Современные тенденции в образовании и психолого-педагогическом сопровождении детей с задержкой психического развития // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2021. № 202. С. 36–44.
2. *Гальперин П.Я.* Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий. Психология как объективная наука. М. : Изд-во Института практической психологии ; Воронеж : НПО Модек, 1998. 394 с.
3. *Петров А.В.* Сущность самоконтроля в психолого-педагогической теории и практике обучения школьников и студентов вуза // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 3 (64). С. 78–83.
4. *Федеральный* государственный образовательный стандарт начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 19 декабря 2014 г. № 1598). URL: <http://base.garant.ru/70862366/> (дата обращения: 20.09.2024).
5. *Heemskerk С.Н., Roebbers С.М.* Improvements in 4th graders' task behavior after physical activity: mediation by inhibition? // *Frontiers in Cognition*. 2024. Vol. 3. Art. 1362636. P. 1–16.

УДК 159.99

doi: 10.17223/9785907890527/2025/29

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТИГМАТИЗАЦИИ ЛИЦ С НАРУШЕНИЯМИ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

Юлия Владимировна Кузнецова¹, Елена Владимировна Гуткевич^{1,2}

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

² *Научно-исследовательский институт психического здоровья, Томский национальный
исследовательский медицинский центр Российской академии наук,
Томск, Россия*

Стигматизация лиц с психическими расстройствами рассматривается как форма дискриминации, причем различные психические расстройства подвергаются стигматизации в различной степени. Психологические аспекты проблемы стигматизации включают возможности изменения стигматизирующих ярлыков, а также изменение восприятия «Я» людьми с психическими расстройствами.

С целью установления актуальных направлений исследований проблем стигматизации предпринят поиск публикаций по результатам эмпирических исследований в открытом доступе на английском языке, опубликованных в поисковой системе по биомедицинским исследованиям PubMed, по ключевым словам «attitude to illness». Проблеме стигматизации лиц с психическими расстройствами посвящено 14 318 публикаций, что составляет 15,5% от общего количества (92 024) публикаций, посвященных стигматизации при многих заболеваниях.

Большинство исследований посвящено стигматизации при депрессии и проблемам повышения качества жизни людей с деменцией, меньшее количество статей посвящено исследованию снижения уровня стигматизации в обществе лиц с шизофренией и биполярным расстройством.

Одним из направлений новейших зарубежных исследований является вопрос, решит ли проблему стигматизации переименование наиболее стигматизируемых психических расстройств. Таксономия HiTOP рассматривает одно и то же проявление в рамках различных психических расстройств. Примером может являться психоз, который, по результатам эмпирического исследования самых крупных выборок (34 653 человека), встречается в общей популяции лиц с шизотипическим расстройством личности, параноидным, шизоидным и избегающим расстройствами личности, биполярным расстройством 1 типа. Спектр психоза (или отрешенности) является элементом структур более высокого порядка, включающих психотические расстройства или шизотипическое расстройство личности в исследованиях, основанных на интервью [4]. В DSM-5 структура построена на основе диагностических критериев, однако отмечено, что психоз характерен также для разных психических расстройств (Schizophreni Form Disorder, Brief Psychotic Disorder, Schizoaffective Disorder, etc. [1]). Исследование К.Е. Hein с коллегами посвящено сравнению различий в воспринимаемой стигматизации при использовании двух систем классификации психических расстройств («Руководство по диагностике и статистике психических расстройств» – DSM-5, «Иерархическая таксономия психопатологии» – HiTOP) на трех выборках (лица с жизненным опытом патологии личности, поставщики психиатрической помощи, студенты-психологи).

Ученые пришли к выводу о том, что наиболее стигматизирующими являются категориальные ярлыки DSM-5, в то время как вызывают меньше тревоги HiTOP [3]. Поэтому остается дискуссионным вопрос, является ли система диагностических критериев более стигматизирующей

шей для психически больных людей, как утверждают в своем исследовании К.Е. Hein с коллегами, чем таксономия HiTOP, или же у большинства людей вызывает большее доверие наличие исследований на основе крупных выборок, которое упоминается в HiTOP [3].

При необходимости провести беседу о здоровье мозга возникают психологические барьеры, причем как со стороны пациентов с различными деменциями, так и специалистов-клиницистов, психологов и др. Более детальные знания о представлениях самих психически больных о собственном заболевании могли бы внести необходимые коррективы при подготовке специалистов к подобным беседам.

В частности, коллектив ученых (P. Fusar-Poli и другие), подвергнувших исследованию субъективный мир переживаний лиц, страдающих депрессией, пришел к выводу о том, что для данной группы психических расстройств характерны чувство подавленности негативными эмоциями, неспособность испытывать положительные эмоции, застревание в «тяжелом, ноющем» теле, истощение энергии, оторванность от разума, тела и мира. Также испытуемые с депрессией заявляли об измененном восприятии себя, которое проявлялось в потере чувства цели и экзистенциальной надежды, несоответствии между прошлым и подавленным «Я», болезненным заточением, потерей контроля над своими мыслями, потерей способности воздействовать на мир. Воздействие на измененное восприятие времени, в частности, переживание изменения жизненных биоритмов, подавляющее прошлое, застой настоящего и невозможность будущего, возможно рассматривать как мишень для терапевтического воздействия в беседах о психическом здоровье [2].

Таким образом, подкрепленные научными исследованиями диагностические критерии психического расстройства вызывают меньшую тревогу у людей с психическими расстройствами, что свидетельствует о повышении доверия к психологической науке в обществе. Для частных бесед о психическом здоровье с людьми с психическими расстройствами, в частности, с депрессией, психологи могут использовать в психокоррекционном процессе такой ресурс, как восприятие времени.

Литература

1. *DSM-5(PDF)*. Retrieved January 10. 2022. American Psychiatric Association. URL: <https://www.ifeet.org/files/Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, Fifth Edition, Text Revision DSM-5 TR American Psychiatric Association z-lib.org.epub.pdf> (дата обращения: 22.02.2024)
2. Fusar-Poli P., Estradé A., Stanghellini G., Esposito C.M., Rosfort R., Mancini M., Norman P., Cullen J., Adesina M., Jimenez G.B., da Cunha Lewin C., Drah E.A., Julien M., Lamba M., Murtura E.M., Prawira B., Sugianto A., Teressa J., White L.A., Damiani S., Vasconcelos C., Bonoldi I., Politi P., Vieta E., Radden J., Fuchs T., Ratcliffe M., Maj M. The lived experience of depression: a bottom-up review co-written by experts by experience and academics // *World Psychiatry*. 2023. Vol. 22 (3). P. 352–365. doi: 10.1002/wps.21111
3. Hein K.E., Dennis S.J., Folger L.F., Mullins-Sweatt S.N. Perception of stigma across diagnostic models of personality pathology // *Personal Disord*. 2024. Vol. 15 (5). P. 332–340. doi: 10.1037/per0000678
4. Kotov R., Jonas K., Carpenter W., Drech M.N., Eaton N.R., Forbes M.K., Forbush K.T., Hobbs K., Reininghaus U., Slade T., South S.C., Sunderland M., Waszczuk M.A., Widiger T.A., Wright A.G.K., Zald D.H., Kruger R.F., Watson D. HiTOP Utility Working Group. Validity and usefulness of the hierarchical taxonomy of psychopathology (HiTOP): I. Superspectrum of psychoses // *World psychiatry*. 2020. Vol. 19 (2). P. 151–172. doi: 10.1002/wps.20730

УДК 159.9.07

doi: 10.17223/9785907890527/2025/30

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ МВД РОССИИ

Галина Анатольевна Кузьмина^{1,2}, Елена Леонидовна Трофимова^{2,3}

¹ Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия

² Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия

³ ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», Иркутск, Россия

Психологическая безопасность представляет собой многоуровневый феномен, включающий как внешние составляющие процесса и результата объективной защищенности, [5, с. 55], так и внутренние характеристики, отвечающие за восприятие действительности с позиции дихотомии «опасный-безопасный» и готовность, в случае опасности, успешно противостоять угрозам [3, с. 4].

Деятельность педагогов системы высшего образования характеризуется высокой степенью когнитивной и эмоциональной напряженности, негативно влияющей на состояние психологической безопасности как гаранта успешной профессиональной и общей жизнедеятельности [4, с. 40].

Специфика деятельности педагогов ведомственных вузов системы МВД РФ заключается в совмещении преподавания со служебной деятельностью и относится к видам профессиональной деятельности, сопряженным с повышенным риском для здоровья и жизни, тем самым увеличивая напряженность и стрессогенность [1, с. 28].

Целью эмпирического исследования являлось выявление индикаторов психологической безопасности с помощью метода экспертных оценок, в котором приняли участие 30 экспертов, относящихся к профессорско-преподавательскому составу ведомственных образовательных организаций высшего профессионального образования МВД России и являющихся действующими сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, и 30 экспертов из числа преподавателей гражданских высших учебных заведений России, из них – 38 женщин и 22 мужчины в возрасте от 30 до 67 лет. Все эксперты прошли обучение на курсах повышения квалификации, включающих блок по основам психологической безопасности.

Была проведена оценка значимости 19 индикаторов психологической безопасности, выделенных на основе контент-анализа 57 источников (научных статей отечественных и зарубежных авторов). Надежность экспертных оценок проверена расчетом коэффициента Альфа Кронбаха с помощью программы статистической обработки данных IBM SPSS Statistic 23. Для группы экспертов из системы МВД РФ значения коэффициента составили 0,904, для группы экспертов из гражданских вузов – 0,838, что свидетельствует о высокой согласованности экспертных оценок.

Оценка проводилась посредством психометрических шкал (базирующихся на принципе шкал Ликерта), где эксперты оценивали степень значимости перечисленных индикаторов для психологической безопасности педагога, в диапазоне от 0 до 4, где 0 – «совсем не значимо», а 4 – «максимально значимо».

Для педагогов высшей школы МВД РФ значимыми оказались такие индикаторы как: «Психологическое здоровье» (M = 3,80), «Личностные качества: уверенность в себе, стрессоустойчивость, эмоциональная гибкость» (M = 3,75), «Благополучная социально-психологическая атмосфера в семье» (M = 3,73), «Благополучная социально-психологическая атмосфера в рабочем / учебном коллективе» (M = 3,72), «Возможность комфортного удовлетворения базовых потребностей (сон, еда и т.д.)» (M = 3,66).

Среди наименее значимых индикаторов психологической безопасности преподаватели ведомственных вузов выделили: «Информационная безопасность», «Возможность прогнозировать события, уверенность в будущем», «Коммуникативная компетентность», «Наличие профессиональной психологической поддержки», «Терпимость к неопределенности», «Компетентность в области психологии».

Сопоставление показателей психологической безопасности по мнению экспертов – педагогов МВД РФ и преподавателей из гражданских вузов позволяет выявить совпадающие приоритетные индикаторы: «Психологическое здоровье» (M1 = 3,80; M2 = 3,87), «Благополучная социально-психологическая атмосфера в семье» (M1 = 3,73; M2 = 3,72), «Благополучная социально-психологическая атмосфера в рабочем / учебном коллективе» (M1 = 3,72; M2 = 3,69). Среди наименее значимых показателей совпали оценки экспертов по пункту «Информационная безопасность»; вероятно, преподаватели считают, что умеют работать с информацией, определять ее достоверность, использовать надежные, проверенные источники.

По оценкам преподавателей гражданских вузов, среди пяти наиболее значимых индикаторов психологической безопасности обозначился показатель «Отсутствие психологического насилия» (M2 = 3,68), в то время, как для ведомственных педагогов он является менее значимым. Данная специфика может быть детерминирована особенностями психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел (которыми являются педагоги системы МВД), включающей повышенную готовность противостоять деструктивному влиянию со стороны окружающих, а также устойчивость к разного рода манипулятивному и деморализующему воздействию.

Кроме того, в числе пяти наименее значимых индикаторов психологической безопасности педагоги гражданских вузов выделили «Доверие к окружающим». Для преподавателей системы МВД РФ данный индикатор является более значимым, что может быть обусловлено их высокой ценностно-мотивационной направленностью ввиду специфики профессиональной служебной деятельности, характеризующейся сосредоточением на патриотизме, верности служебному долгу, народу своей страны и поддержкой своих боевых товарищей [2, с. 402].

Таким образом, на основе полученных эмпирических данных представляется возможным составление диагностического инструментария по подробному исследованию специфики психологической безопасности для педагогов вузов МВД РФ и гражданских вузов, а также уточнение задач направленных на развитие ресурсов психологической безопасности, таких как психологическое здоровье, стрессоустойчивость, уверенность в себе, самоконтроль, эмоциональная устойчивость и гибкость.

Литература

1. Бунин С.В., Беловолов В.А. Психологическое обеспечение профессиональной подготовки военного специалиста внутренних войск МВД России к служебно-боевой деятельности // Сибирский педагогический журнал. 2017. № 9. С. 27–39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-obespechenie-professionalnoy-podgotovki-voennogo-spetsialista-vnutrennih-voysk-mvd-rossii-k-sluzhebno-boevoy/viewer> (дата обращения: 03.09.2024).
2. Костина Е.В. Взаимосвязь доверия и текучести кадров в образовательных организациях МВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 4 (91). С. 395–402. doi: 10.24412/1999–6241–2022–491–395–402
3. Кузьмина Г.А. Ресурсы психологической безопасности личности педагога высшей школы в современных условиях // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2024. Т. 10, № 2. С. 3–15. doi: 10.18413/2313-8971-2024-10-2-0-6
4. Кедярова Е.А., Чернецкая Н.И., Кондрашова Н.С., Литвиненко К.С. Психологическая безопасность студентов-психологов в образовательной среде вуза в условиях дистанционного

обучения // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2021. Т. 38. С. 36–47. doi: 10.26516/2304–1226.2021.38.36

5. Трофимова Е.Л., Кузьмина Г.А. Психологическая безопасность личности педагога в условиях неопределенности // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2022. Т. 39. С. 54–75. doi: 10.26516/2304–1226.2022.39.54

УДК 159.9.07

doi: 10.17223/9785907890527/2025/31

СИМПТОМЫ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССОВОГО РАССТРОЙСТВА В КОНТЕКСТЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИЧНОСТИ

Дарья Алексеевна Кулагина, Анна Сергеевна Кузьмина

*ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет»,
Барнаул, Россия*

Важность изучения причин возникновения посттравматического стрессового расстройства представляется актуальной, исходя не только из текущих геополитических событий, но также из-за наличия большой вариативности возможностей травматизации в повседневной жизни. В нашем исследовании основной задачей стало изучение возможных предикторов проявления симптомов ПТСР у комбатантов, столкнувшихся с реалиями боевых действий. Многие авторы сходятся во мнении о том, что на развитие посттравматического стрессового расстройства влияет не только сам факт наличия психологической травмы, но и индивидуально-типологические характеристики личности, которые были актуальны непосредственно до травматизации, и проявляющиеся после травматического опыта вместе с симптомами травматизации [1]. Так, факторами, оказывающими значительное влияние на формирование симптомов ПТСР, принято считать низкую стрессоустойчивость, импульсивность и вспыльчивость. Однако данные факторы являются лишь абстрактными представлениями о причинах, которые могут способствовать проявлению симптомов ПТСР. В данном исследовании важным стал поиск более конкретных индивидуально-типологических характеристик личности, которые были бы тесно связаны с проявлением симптомов травматизации. Целью исследования стал анализ конкретных проявлений личностных черт в контексте выраженности симптомов ПТСР, связанных с чрезмерной гневливостью и импульсивностью, когнитивным и поведенческим избеганием ситуаций, напоминающих ситуацию травматизации, а также интрузивными мыслями и симптомами диссоциации, тесно связанными с проявлениями посттравматического стрессового расстройства.

Материалы и методы. Исследование проведено на базе КГБУЗ «Алтайский краевой госпиталь ветеранов войн» в городе Барнауле. В исследовании приняли участие 60 мужчин в возрасте от 40 до 65 лет, участвовавшие в боевых действиях на территории Чеченской республики и Афганистана. Испытуемые были разделены на две группы: первая состояла из лиц, набравших высокие баллы по Миссисипской шкале ПТСР, во вторую группу вошли лица с низкими баллами. Так, в первой экспериментальной группе было 28 респондентов, набравших от 113 до 120 баллов, а в контрольной 32 соответственно, набравших от 27 до 56 баллов.

Помимо заполнения Миссисипской шкалы ПТСР, испытуемым было предложено заполнить две методики: шкала оценки влияния травматического события и опросник темперамента и характера Клонингера [2]. Дальнейший анализ проводился между двумя группами, исходя из результатов двух последних методик.

С целью сравнения и анализа двух групп нами был проведен корреляционный анализ Спирмена между шкалами оценки травматического события и шкалами опросника темперамента и характера Клонингера. Так, значимые положительные корреляции были выявлены между шкалами «избегание» и «избегание опасности» ($r = 0,517$; $p = 0,020$), «зависимость от поощрения» ($r = 0,567$; $p = 0,009$), значимые отрицательные связи между шкалами «избегание» и «поиск новизны» ($r = -0,524$; $p = 0,006$), «упорство» ($r = -0,412$; $p = 0,026$) в экспериментальной группе. Это может говорить о том, что симптомы ПТСР, тесно связанные с когнитивным избеганием, попытками не думать о произошедшем, а также попытками не сталкиваться с местами и людьми, напоминающими о травме, тесно связаны с такими проявлениями личностных черт, как ригидность, чрезмерная рефлексивность, предвосхищение опасности и повышенная тревожность, а также высокой астеничностью, сентиментальностью и привязчивостью. Значимые положительные корреляции были получены между шкалами «возбуждение» и «упорство» ($r = 0,449$; $p = 0,002$), в то время как значимые отрицательные связи наблюдались между шкалами «возбуждение» и «зависимость от поощрения» ($r = -0,425$; $p = 0,041$), «самонаправленность личности» ($r = -0,531$; $p = 0,042$), «кооперативность» ($r = -0,413$; $p = 0,027$) в экспериментальной группе. Комбатанты с выраженными симптомами ПТСР, связанными с чрезмерной гневливостью, агрессией и импульсивностью будут вероятнее проявлять такие личностные черты, как экстернальный локус контроля, дефицит целенаправленности, социальную нетерпимость, мстительность, бесчувственность и отстраненность, а также повышенную требовательность к себе. Значимые положительные корреляции были получены между шкалами «вторжение» и «упорство» ($r = 0,534$; $p = 0,005$), значимые отрицательные связи наблюдались между шкалами «вторжение» и «поиск новизны» ($r = -0,559$; $p = 0,003$), «кооперативность» ($r = -0,437$; $p = 0,024$) в экспериментальной группе. Лица с выраженными симптомами травматизации, связанными с нарушениями сна и ночными кошмарами, интрузивными мыслями и образами о травме, проявляют такие личностные черты как повышенная, чрезмерная требовательность к себе, перфекционизм, ригидность, социальная нетерпимость, стремление к одиночеству, а также социальная замкнутость.

Выводы. Стоит обращать пристальное внимание на такие личностные особенности, как повышенная возбудимость, социальная отстраненность и стремление к одиночеству, перфекционизм по отношению к себе и окружающим и склонность к чрезмерному самобичеванию в случае неуспеха, а также дефицит целенаправленности деятельности и высокую степень эмоциональности. Данные индивидуально-типологические характеристики могут вероятно оказывать влияние на формирование интрузивных, диссоциативных симптомов при ПТСР, а также симптомов, ассоциированных со стремлением к повышенному избеганию напоминаний о травме и чрезмерной эмоциональной возбудимостью [3].

Литература

1. Бостанова Л.Ш., Богатырева А.С. Особенности профилактики развития посттравматического стрессового расстройства // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2019. № 10 (176). С. 407–411.
2. Chae H., Park S.H., Garcia D., Lee S.J. Cloninger's TCI associations with adaptive and maladaptive emotion regulation strategies // Peer J. 2019. Vol. 7. Art. e7958. doi: 10.7717/peerj.7958. PMID: 31660279; PMCID: PMC6815648.
3. Qi W., Gevonden M., Shalev A. Prevention of post-traumatic stress disorder after trauma: Current evidence and future directions // Curr. Psychiatry Rep. 2016. Vol. 18(2). Art. 20. doi: 10.1007/s11920-015-0655-0. PMID: 26800995; PMCID: PMC4723637.

УДК 159.99

doi: 10.17223/9785907890527/2025/32

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАДАПТАЦИИ У УЧАСТНИКОВ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Ольга Олеговна Куртанидзе

*ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет
имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» Министерства здравоохранения
Российской Федерации, Красноярск, Россия*

Участие в вооруженном конфликте имеет глобальный риск возникновения психических последствий. Проблема реадaptации военнослужащих на сегодняшний момент, определяется наличием в социальной структуре общества участников специальной военной операции (СВО) [3]. В связи с высокой степенью экстремальности ситуации военных конфликтов, а также социально значимым и психологическим последствиями несравнимы с локальными чрезвычайными ситуациями, бедствиями. В настоящее время о возможных последствиях специальной военной операции можно только предполагать. Но на опыте ранее известных вооруженных конфликтов можно утверждать, что избежать вреда психическому здоровью участников военных операций невозможно.

Как и любой продолжительный болезненный опыт, посттравматическое стрессовое расстройство имеет свои последствия и предрасположенность. Говоря о втором, имеются в виду выработанные ранее механизмы защиты и копинг-стратегии в условиях мирного времени. В ситуации военных конфликтов участники вынуждены идти против своих инстинктов самосохранения, выполняя приказы. Ведь в экстремальной ситуации требования к навыкам совладания, механизмам компенсации повышаются. Именно здесь формируются или изменяются подходящие человеку копинг-стратегии поведения.

Выделено несколько видов копинг-стратегий, которые направлены на активное разрешение проблемной для человека ситуации:

- направленные действия на источник стресса;
- умение планировать свои действия по отношению к ситуации стресса;
- обращение за помощью к своему окружению / специалистам;
- отношение к сложившейся ситуации с положительных сторон, осознавая, что она – лишь отдельный жизненный этап;
- принятие реальности сложившейся ситуации [5].

Также существуют такие виды копинг-стратегий, как: функциональные копинг-стратегии (в случае, когда личность пытается напрямую справиться с проблемой) и дисфункциональные (ситуации избегания), которые представляют использование непродуктивных стратегий.

В современной науке преобладающим большинством специалистов считаются наиболее экологичными для личности активные и функциональные копинг-стратегии. Таким образом, существует множество способов совладания и совладающего поведения со стрессом, но наиболее способствующие разрешению проблемы и адаптации к ситуации и условиям – активные и функциональные копинг-стратегии.

Возвращаясь с мест боевых действий, участникам снова приходится реадaptироваться к тем условиям, в которых они находились до психотравмирующих событий, и решение конфликтов, ставшее уже привычным за время участия в вооруженных конфликтах способом, оказывается неуместным. Особую сложность реадaptации участников вооруженных конфликтов

представляется в том, что сами ветераны и окружающие воспринимают симптомы расстройств по-разному. Для качественной оценки выраженности симптоматики необходима комплексная работа специалистов различного профиля, после чего необходимо приступать к коррекции состояния. Более того, сам факт возвращения ветеранов в условия мирного времени может стать фактором их психотравматизации.

Понятие реадaptации трактуется специалистами как «...восстановление регуляторных психических реакций и психической деятельности, соответствующих требованиям обычных условий жизнедеятельности на основе реструктуризации сформированного под воздействием психогенных факторов неадекватного восприятия экстремальных условий» [2, с. 30].

Основополагающим условием является социально-психологическая реадaptация участников вооруженных конфликтов – специальный, продолжительный, организованный период перевода психики, психологическое «возвращение» участников вооруженных конфликтов с военного на мирный режим жизнедеятельности, а также нетравматического возвращения их в систему социальных отношений мирного времени.

А.Г. Караяни описал различия социально-психологической реадaptации и психологической реабилитации: «Работу по реадaptации необходимо проводить со всеми участниками боевых действий. Работа по психологической реабилитации реализуется исключительно с лицами, получившими боевую психическую травму, которые проявляют симптомы и развернутые формы ПТСР» [2, с. 27].

Цель социально-психологической реадaptации – это «организованное, постепенное психологическое возвращение ветеранов боевых действий в мирные условия жизни, перевод их психики с военного на мирный режим функционирования, бесконфликтное встраивание их в систему социальных связей и отношений социума» [2, с. 27]

К задачам социально-психологической реадaptации можно отнести:

- снятие посттравматического состояния и психокоррекция с целью возвращения к социальному мирному времени;
- создание реадaptирующей среды для участников военных конфликтов;
- ранняя диагностика и выявление симптомов посттравматического стрессового расстройства и оказание комплексной коррекционной помощи.

В 2024 г. на базе КГБУЗ «Красноярский краевой госпиталь для ветеранов войн» было проведено исследование, задачей которого определялось изучение специфики психической ригидности и возможности коррекции у пациентов госпиталя ВОВ, вернувшихся с СВО, по результатам которого среди испытуемых преобладающим является высокий показатель «сенситивной ригидности». Таким образом, большинство ветеранов боевых действий довольно активно сопротивляются различным психокоррекционным мероприятиям, которые заставляют их изменить привычную схему реагирования на новую ситуацию, иными словами, большинство обследуемых склонны к аффективно окрашенному выражению и проявлению присущего им ригидного поведения [4].

Таким образом, особую сложность возвращения к привычным ранее социальным условиям мирного времени, факт встраивания в социальную жизнь безвоенного времени, к сожалению, является не только трудным и длительным процессом, но и нуждающимся в психологическом сопровождении.

В соответствии с вышеизложенным, медицине и психологической науке, а также службам оказывающим межведомственное взаимодействие важно совершенствовать техники и методики психотерапевтической и психологической помощи. Где особый блок будет занимать коррекция посттравматических состояний: рациональная психокоррекция, развитие навыков психической саморегуляции, личностно-ориентированная психокоррекция, групповая психотерапия и др.

Литература

1. *Бонкало Т.И.* Комплексная реабилитация участников специальной военной операции на Украине: Дайджест январь–февраль 2023. М. : Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, 2023. 39 с.
2. *Караяни А.Г.* Психологические последствия участия военнослужащих в боевых действиях: проблемы прогнозирования и оценки // Юридическая психология. 2023. № 4. С. 27–31. doi: 10.18572/2071-1204-2023-4-27-31.
3. *Караваева Т.А., Васильева А.В.* Реакции на тяжелый стресс и нарушения адаптации // Тактика врача-психиатра: практическое руководство / под ред. Н.Г. Незнанова, Г.Э. Мазо. М. : ГЕОТАР-Медиа, 2022. С. 127–135.
4. *Лисняк М.А., Живаева Ю.В., Алыджи Е.И., Кембель В.Р., Казакова Т.В., Коркунов Я.А.* Психологическое исследование особенностей смысловых ориентаций у пациентов – участников боевых действий // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 12. № 11А. С.59–70.
5. *Дементий Л.И.* К проблеме диагностики социального контекста и стратегий копинг-поведения // Журнал прикладной психологии. 2004. № 3. С. 20–25.

УДК 159.99

doi: 10.17223/9785907890527/2025/33

ПЕРЕЖИВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ДИЛЕММ ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Лисинь Лю, Инна Викторовна Атаманова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

EXPERIENCING EMOTIONAL DILEMMAS BY INTERNATIONAL STUDENTS: A RESEARCH PROBLEM STATEMENT

Lixin Liu, Inna Victorovna Atamanova

*National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russian Federation*

Nowadays many countries promote international student exchanges and encourage international students to come from different cultures and backgrounds, thus contributing to enhancing global co-operation and mutual understanding [2]. Their universities and educational institutions have adopted an internationalized educational policy, recruiting students from different regions of the world. These students bring cultural diversity to educational environments, enriching them and making them multicultural. The role of international students continues to be an important force for academic innovation, cultural diversity and international co-operation.

International students use different languages for academic communication, breaking down language barriers and promoting disciplinary co-operation in a multilingual environment. This provides a broader perspective for research in all subject areas. International students can help local students broaden their social horizons and improve their language skills, thus contributing to developing a global perspective and cultural understanding in their host country. They bring different cultural perspectives, inspiring innovative research questions. International students may participate in transnational research projects, working alongside students and faculty from other countries in response to global challenges. They may also choose to work alongside an international mentor or co-mentor at their host university. The existence of such mentorships encourages collaboration across disciplinary areas and helps students to better integrate into the academic community.

Cross-cultural adaptation and culture shock are critical aspects of an international student's experience. Culture shock, characterized by feelings of confusion, frustration, and helplessness when transitioning to a new cultural environment, is a common experience among international students [4]. Culture shock plays a major role in intercultural adjustment, but it can be viewed as a normal part of their experience. The nature of the culture shock experience suggests that culture shock is caused by cognitive overload and behavioural deficits, so we can solve the problem by developing cognitive awareness and behavioural adjustments.

Meanwhile, international students may face many other challenges, including stress, anxiety, anger, sadness, loneliness, and insecurity [3]. Research has indicated that issues in research ethics, conflicts in values, and cultural differences can contribute to their emotional stress [5]. Additionally, adapting to a new cultural environment can further compound emotional difficulties for international students. The psychological well-being of international students may be crucial to their overall success and academic achievement. For example, Chinese university students studying in Russia show lower levels in a number of the subjective well-being subscales compared with their Russian counterparts [1]. Understanding the emotional challenges faced by international students is essential to developing effective support systems and interventions to enhance their well-being and academic success. By recognizing and addressing these emotional struggles, universities and support services can better help international students cope with the complexities of studying abroad.

The relevance of the PhD research undertaken is due to the processes currently taking place in the educational environments of universities in Russia, both already established players in the market of international education and those who are only developing strategies for the internationalization of higher education. More and more international students are choosing the opportunity to study in Russia and facing a number of psychological problems. For such students the host country's cultural environment is not only a source of new impressions, gaining new experience, mastering new knowledge and developing practical skills for living in a new country, but also generates emotional dilemmas. Experiencing them may negatively affect international students' psychological well-being and cause difficulties in solving various problems connected with their education and research activity as well as everyday living abroad. The need to study the emotional dilemmas experienced by students studying in other cultural environments is explained by their possible negative impact on such students' psychological well-being and quality of their life abroad. They may face mental health problems such as depression, anxiety and social disorders. Educational institutions are responsible for providing their international students with support and guidance to help them better adapt to the new cultural environment and academic workload.

Thus, the present study aims at a cross-cultural analysis of the content of emotional dilemmas faced by international students studying at a Russian university in the context of their psychological well-being. The study sample will include international students with different cultural background, namely the ones from East Asian and African countries. The study findings will be used for developing effective strategies to cope with the emotional dilemmas identified and providing international students with psychological support in the educational environment of the host university.

References

1. Пилишвили Т.С., Данилова А.Л., Савушкина А.И. Особенности субъективного благополучия российских и китайских студентов: сравнительный анализ проблемы // Образование и наука. 2022. Т. 24, № 7. С. 126–159.
2. Abo-Khalil A.G. Integrating sustainability into higher education challenges and opportunities for universities worldwide // Heliyon. 2024. Vol. 10, is. 9. e29946. doi: 10.1016/j.heliyon.2024.e29946
3. Altinyelken H. Promoting the psycho-social well-being of international students through mindfulness: A focus on regulating difficult emotions // Contemporary Buddhism. 2018. Vol. 19, is. 2. P. 185–202. doi:10.1080/14639947.2019.1572306
4. Hu C., Wotipka C.M., Wen W. International students in Chinese higher education: Choices, expectations, and experiences by region of origin // Global perspectives and local challenges surrounding international student mobility. Hershey : IGI Global, 2016. P. 153–178.
5. Yang F., Jament J. International research students' emotional experiences in researching education in their home contexts // International Journal of Work Organisation and Emotion. 2011. Vol. 4, is. 3–4. P. 361–369. doi: 10.1504/ijwoe.2011.045972

УДК:159.964.3:159.974

doi: 10.17223/9785907890527/2025/34

СПЕЦИФИКА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ В РАБОТЕ С ПОДРОСТКАМИ, СТРАДАЮЩИМИ ОТ ДЕПРЕССИИ

Семен Андреевич Логинов, Елена Владимировна Гуткевич

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

Депрессия является одной из наиболее распространенных психических проблем, которая сильно сказывается на качестве жизни подростков, влияя на их эмоциональное и социальное благополучие. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, более 300 миллионов людей всех возрастов в мире страдают от депрессии, и подростки не исключение. Исследования симптомов депрессии у подростков с использованием «Опросника детской депрессии» (М. Ковач) свидетельствуют о высоком уровне распространенности депрессии среди подростков: 4% в Испании, 6% в Финляндии, 8% в Греции, 10% в Австралии, 25% в Колумбии [3]. «Считается, что дети и подростки с высоким уровнем депрессивности имеют повышенный риск заболеть клинической депрессией в будущем. Поэтому высокие показатели депрессивности, даже на доклиническом уровне, заслуживают очень пристального внимания сами по себе» [1]. Однако, в отличие от взрослых, подростки могут воспринимать и переживать депрессию более интенсивно и сложно, что делает ее лечение более сложной задачей. Экзистенциальная психотерапия, основанная на философских и психологических концепциях, представляет собой подход к лечению депрессии, который сосредотачивается на вопросах смысла жизни, ценностях и самопонимании [2]. В последние десятилетия было проведено множество исследований, пытающихся выявить эффективность этой методики в работе с подростками, страдающими от депрессии. В данной работе мы провели обзор исследований с целью определить значимость применения экзистенциальной психотерапии для оказания психологической помощи подросткам с депрессией. Данный исследовательский анализ имеет значение для практикующих психотерапевтов, а также для обогащения знаний о способах оказания помощи подросткам с депрессией,

что может способствовать более эффективным методам оказания психологической помощи и улучшению качества жизни данной возрастной группы.

Целью данной работы является выявление и интерпретация значимости применения экзистенциальной психотерапии для оказания психологической помощи подросткам с депрессией.

Актуальность применения экзистенциальной психотерапии для оказания психологической помощи подросткам подтверждается результатами исследований зарубежных ученых, согласно которым, вопросы о смысле жизни и смерти являются значимыми для подростков старших классов [6]. Результаты данных исследований позволяют нам предположить следующее: оказание психологической помощи подросткам с применением экзистенциальной психотерапии может способствовать формированию доверительного и безопасного контакта между психологом и респондентом, что, в свою очередь, способно оказать положительное влияние на ход психологической помощи.

G. Falgares с соавторами [4] отмечают взаимосвязь опыта ненадежной ранней привязанности и склонности к суицидальному поведению, включая суицидальные мысли у подростков. T. Joiner с коллегами [5] выявили трудности в межличностных взаимоотношениях как фактор суицидального риска. Таким образом, в основе суицидального поведения подростков, страдающих депрессией, лежит введенное В Франклом понятие самотрансценденции, занимающее центральное место в логотерапии В Франкла. Самотрансцендентность понимается автором как способность человека выходить за пределы самого себя и посвящать себя другим. В рамках процесса самотрансцендентности человек как духовное существо обретает способность реализовывать волю к смыслу, что является фундаментом позитивных психических изменений [2].

Таким образом, мы приходим к следующим заключениям относительно актуальности применения экзистенциальной психотерапии в оказании психологической помощи подросткам с депрессией:

1. Значимость вопросов о смысле жизни и смерти для подростков представляет возможность для психологов, оказывающих помощь с применением экзистенциальной психотерапии, выстраивать с респондентом доверительный и эмоционально безопасный контакт, что, в свою очередь, способствует формированию благоприятных условий для процесса психологической помощи.

2. Применение специалистами концепции самотрансцендентности, введенной основателем логотерапии В. Франклом, позволяет рассматривать первопричину депрессивной симптоматики респондента, а именно: трудности в межличностных отношениях, нарушение ранней эмоциональной привязанности.

Литература

1. Белова А.П., Малых С.Б., Сабирова Е.З., Лобаскова М.М. Оценка депрессивности в подростковом возрасте // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2008. № 32 (132). С. 10–18.
2. Лэнгле А. Основы экзистенциального анализа. СПб.: Питер. Мастера психологии, 2022. 288 с.
3. Alaie I., Ssegonja R., Philipson A., von Knorring A.-L., Möller M., von Knorring L., Ramklint M., Bohman H., Feldman I., Hagberg L., Jonsson U. Adolescent depression, early psychiatric comorbidities, and adulthood welfare burden: A 25-year longitudinal cohort study // Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology. 2021. Vol. 56(11). P. 1993–2004. doi: 10.1007/s00127-021-02056-2
4. Falgares G., Marchetti D., Carrozzino D., Kopala-Sibley D.C., Fulcheri M., Verrocchio M.C. Attachment styles and suicide-related behaviors in adolescence: The mediating role of self-criticism and dependency // Frontiers in Psychiatry. 2017. Vol. 8. Sec. Mood Disorders.
5. Joiner T., Kalafat J., Draper J. Establishing standards for the assessment of suicide risk among callers to the National Suicide Prevention Lifeline // Suicide and Life-Threatening Behavior. 2007. Vol. 37(3).

6. Lybbert R., Ryland S., Bean R.A. Existential interventions for adolescent suicidality: Practical interventions to target the root causes of adolescent distress // Children Youth Services Rev. 2019. Vol. 100. P. 98–104.

УДК 159.99

doi: 10.17223/9785907890527/2025/35

ОБРАЗ ПОЗИТИВНОГО БУДУЩЕГО КАК РЕСУРС ЖИЗНЕОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Ирина Олеговна Логинова

*ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет
имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» Министерства здравоохранения
Российской Федерации, Красноярск, Россия*

С нарастанием неопределенности, обусловленной различными социокультурными трансформациями, сопровождающимися ощущением потери жизненной опоры и пессимизмом, предчувствием приближающейся катастрофы (техногенной или социокультурной), переживаниями того, что время ускоряется, а человек не успевает за ним, осознанием увеличивающихся опасностей и попытками просчитать все угрозы и риски [3, с. 59], особым образом переживается будущее как возможный негативный сценарий развития событий, зачастую препятствующий жизнеосуществлению. Утрачивается смысл «развертки» осуществления себя на фоне рисков и угроз современности. Тем более, что риски нынешнего общества существенно отличаются от рисков предыдущих эпох [1, с. 12]. По мнению У. Бека, современные риски не локализованы во времени и пространстве, они не компенсируемы, так как потерю близких, здоровья невозможно компенсировать. Особенность состоит в том, что риск приобретает универсальный характер: он угрожает всем людям, независимо от их социального статуса, религиозной, социальной или этнической принадлежности, угрожает не только физическому состоянию, но и социально-психологическому благополучию, социальной идентичности. В этой связи, изменчивость мира и непредвиденность будущих событий становятся привычными характеристиками новой формы социального устройства [2, с. 57].

В этой связи будущее превращается в сферу потенциала действий человека [5, с. 363] как совокупность благоприятных и неблагоприятных сценариев развития [3, с. 62]. Именно поэтому важно, какой образ будущего формируется и каково его влияние на устойчивость жизненного мира человека.

Именно поэтому на фоне усиливающихся социокультурных трансформаций наш интерес направлен на выявление образа будущего как ресурса (в случае позитивного варианта) и антиресурса (в случае негативного) жизнеосуществления человека и специфики устойчивости жизненного мира. Под будущим мы понимали, вслед за авторами коллективного научного труда, некий горизонт поступательного движения, совокупность образов и идей, присутствующих «здесь и сейчас» [4]. А позитивный / негативный образ будущего – это, по сути, воплощение стратегий организации своей жизни, складывающихся в настоящем, специфика которых определяется интенциональностью временного модуса жизни человека в сочетании с ценностно-смысловым наполнением жизненного пространства, рефлексивным отношением к собственной жизни, определенными личностными характеристиками, формирующимися в процессе жизненного самоосуществления.

Полученные эмпирические данные свидетельствуют, что образ позитивного будущего складывается при наличии временных модусов «прошлое – настоящее – будущее» и «настоящее – будущее», самооценности и развитой рефлексивной позиции, таких личностных характеристик,

как толерантность к неопределенности, интернальный локус контроля и гибкость, что способствует удержанию ответственности за собственную жизнь, за способы жизнеосуществления, выступая таким образом ресурсом для дальнейшего выстраивания жизненной траектории, указывая на присутствие будущего в настоящем и способы выхода в него. Кроме того, полученные данные указывают на конструктивность (продуктивность и оптимальность) жизненного самоосуществления человека, которая, в свою очередь, основывается на конструктивном характере проявления устойчивости жизненного мира человека.

Соответственно, образ негативного будущего значимо чаще формируется у людей, характеризующихся наличием временного модуса «прошлое – настоящее», низким уровнем рефлексии в отношении собственной жизни и собственных способов ее проживания, интолерантностью к неопределенности, экстернальным локусом контроля и ригидностью. Им свойственно использовать ограничительные стратегии жизнеосуществления, делегируя ответственность за собственную жизнь другим людям, происходящим событиям и сложившимся обстоятельствам. У представителей этой группы происходит стереотипизация форм и способов взаимодействия с окружающим миром, доминирует ориентация на ближайшие планы, отсутствуют жизненные перспективы, требующие усилий по их реализации.

В целом, можно констатировать, что позитивный или негативный образ будущего – это сегодняшнее настоящее – действительность с интенцией на последующее воплощение творческого преобразования себя.

Литература

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
2. Муха В.Н. Социальная идентичность в дискурсе рискологического подхода // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2024. Вып. 1 (334). С. 56–61. doi: 10.53598/2410-3691-2024-1-334-56-61
3. Спиридонова Л.Ю. Будущее сквозь призму страха в современной культуре: истоки и основные теории // Общество: философия, история, культура. 2023. № 2. С. 59–64. doi: 10.24158/fik.2023.2.9
4. Позитивный образ будущего: теория, история, способы конструирования. Ростов-на-Дону ; Таганрог : Изд-во Южного федерального университета, 2021. 268 с.
5. Adam B.E. History of the future: Paradoxes and challenges // Rethinking History. 2010. Vol. 14, is. 3. P. 361–378. doi: 10.1080/13642529.2010.482790

УДК 159.9.07

doi: 10.17223/9785907890527/2025/36

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В КОНТЕКСТЕ «ГИБКИХ НАВЫКОВ» СТУДЕНТОВ

Наталья Анатольевна Лужбина

*ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»,
Барнаул, Россия*

Современные научно-технические и социокультурные процессы оказывают значительное влияние на общество и образование, предъявляя повышенные требования к профессиональным и личностным качествам выпускников высших учебных заведений. Среди них педагоги и психологи отмечают важность ответственности, самостоятельности, способности быстро прини-

мать решения и прогнозировать их возможные последствия в реальных жизненных и профессиональных ситуациях [1]. Мы считаем, что развитие этих качеств напрямую связано с формированием и развитием «гибких навыков», таких как коммуникабельность, креативность, критическое мышление и работа в команде.

Развитие этих качеств способствует успешной социальной адаптации и формированию профессионализма, участию в современных коммуникационных системах. Это требует оптимального выбора стратегий самоорганизации и повышения компетентности в познании социального мира, чему высшие учебные заведения должны содействовать наряду с другими социальными институтами в процессе профессиональной подготовки студентов.

Для успешной реализации стратегических целей профессионального развития и продвижения по карьерной лестнице важно обладать навыками эффективного взаимодействия в различных социальных контекстах [2]. Необходимо уметь точно определять личностные характеристики и эмоциональные состояния других людей, выбирать соответствующие стили общения и применять их в процессе взаимодействия. Эта совокупность качеств отражает социально-психологические аспекты личности, которые, согласно Л.А. Петровской, являются ключевыми составляющими коммуникативной компетентности и служат фундаментом для формирования умений и навыков эффективного общения [3].

С целью выявления специфики взаимосвязей параметров коммуникативной компетентности (социального интеллекта, эмоционального интеллекта и социальных качеств межличностного взаимодействия) студентов разных направлений подготовки была применена процедура корреляционного анализа с использованием статистического пакета IBM SPSS Statistics Version 23.0. Сбор данных осуществлялся с помощью методик изучения социального интеллекта Дж. Гилфорда и М. Салливена (адаптация Е.С. Михайловой), эмоционального интеллекта Д.В. Люсина, «Самооценка 25» В.Н. Куницыной.

В исследовании приняли участие 82 студента, обучающихся в ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», из них 25 студентов осваивают программу обучения по направлению подготовки «Психолого-педагогическое образование», 30 студентов – «Документационное обеспечение управления и архивы» и 27 студентов – «Природопользование и геоэкология».

Корреляционный анализ параметров эмоционального и социального интеллекта и социальных качеств межличностного взаимодействия у студентов психолого-педагогического профиля показал, что они имеют более разветвленные связи. «Композитная оценка социального интеллекта» связана с «межличностным эмоциональным интеллектом» ($r = 0,444$; $p = 0,033$) и «управлением чужими эмоциями» ($r = 0,614$; $p = 0,001$). «Познание результатов поведения» связано со «знанием себя» ($r = 0,611$; $p = 0,001$) и «хитростью» ($r = -0,408$; $p = 0,003$). «Композитная оценка социального интеллекта» также связана со «знанием себя» ($r = 0,424$; $p = 0,024$), в то время как эмоциональный интеллект связан со «знанием жизни» и «знанием себя» ($r = 0,421$; $p = 0,026$).

Помимо этого, «эмоциональный интеллект» связан с таким коммуникативно-личностным качеством как «дальновидность» ($r = 0,430$; $p = 0,022$), которое также связано с «контролем экспрессии» ($r = 0,406$; $p = 0,032$) и «внутриличностным эмоциональным интеллектом» ($r = 0,507$; $p = 0,006$). Мы можем предположить, что студенты-гуманитарии обладают более развитым практическим интеллектом, успешно сочетают его со своими личностными качествами. Они пытаются разобраться в ситуации, проанализировать ее, а не манипулировать окружающими и хитрить. В ситуации взаимодействия они стараются опираться на себя и управлять собой, выстраивая более правильную перспективу и применяя нужные стратегии для каждой ситуации взаимодействия.

Для студентов-географов также характерно небольшое наличие взаимосвязей между параметрами социального и эмоционального интеллекта: «композитная оценка социального

интеллекта» и «контроль экспрессии» ($r = -0,390$; $p = 0,044$). Шкала «понимание своих эмоций» связана с «жертвенностью» ($r = 0,481$; $p = 0,011$) и «оптимизмом» ($r = 0,440$; $p = 0,022$). Благодаря данным качества студенты способны понимать себя, проявлять эмпатию и сохранять позитивный настрой при общении. Кроме того, «жертвенность» связана с «познанием невербальных реакций других людей» ($r = 0,455$; $p = 0,017$). «Управление эмоциями» связано с «силой воли» ($r = 0,384$; $p = 0,048$), а «межличностный эмоциональный интеллект» с «предприимчивостью» ($r = -0,392$; $p = 0,043$). Можно предположить, что студенты-географы обладают более раздробленной и несколько хаотичной композицией практического интеллекта, включающей различные параметры коммуникативно-личностных качеств. Отдельные параметры интеллекта сочетаются с качествами; например, благодаря своей силе воли студенты могут управлять эмоциями, но при этом они предприимчивы и готовы брать инициативу на себя тогда, когда не совсем понимают, что чувствуют другие люди, и как на это можно повлиять на их чувства и эмоции.

В группе студентов-документоведов параметры эмоционального интеллекта («эмоциональный интеллект» ($r = 0,539$; $p = 0,002$), «межличностный эмоциональный интеллект» ($r = 0,481$; $p = 0,007$), «внутриличностный эмоциональный интеллект» ($r = 0,476$; $p = 0,008$)) связаны с единственным качеством самооценки – «хитростью». Кроме того, данное качество связано с параметром – «композитная оценка социального интеллекта» ($r = 0,366$; $p = 0,047$). В свою очередь «композитная оценка социального интеллекта» связана со шкалой эмоционального интеллекта «управление эмоциями» ($r = 0,415$; $p = 0,022$). «Управление эмоциями» также взаимосвязано со шкалой «познание логики развития ситуации» ($r = 0,450$; $p = 0,013$). Можно предположить, что студенты-документоведы связывают умение успешно взаимодействовать с окружающими людьми с наличием такого качества как хитрость, которая, по их мнению, позволяет понимать им контекст и логику развития ситуаций, в которые они включены, понимать свои собственные и чужие эмоции и управлять ими, оставаясь победителями даже в непростых условиях социального взаимодействия.

Так, можно заключить, что студенты-гуманитарии педагогического профиля обладают более связанной и гармоничной структурой социального и эмоционального интеллекта и влеченными в нее социальными качествами межличностного взаимодействия, в отличие от студентов других направлений подготовки.

Литература

1. Агафонова И.Д. Формирование коммуникативной компетенции у менеджеров в дополнительном профессиональном образовании. Барнаул: Изд-во АлтГТУ им. И.И. Ползунова, 2012. 148 с.
2. Лужбина Н.А. Социальный интеллект будущих учителей в контексте отношения к неопределенности // Мир педагогики и психологии. 2023. № 8 (85). С. 53–58. URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/sotsialnyj-intellekt-budushhikh-uchitelej-v-kontekste-otnosheniya-k-neopredelennosti.html> (дата обращения: 31.08.2023)
3. Ральникова И.А., Лужбина Н.А., Шведенко Ю.В. Коммуникативная компетентность студентов: контекст анализа социального и эмоционального интеллекта // Психология обучения. 2012. № 7. С. 66–78.

УДК 159.9.07

doi: 10.17223/9785907890527/2025/37

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
РЕЛИГИОЗНОГО СОВЛАДАНИЯ УЧАСТНИКОВ
ПРАВОСЛАВНЫХ СЕМЕЙНЫХ КЛУБОВ ТРЕЗВОСТИ**

**Андрей Игоревич Магай^{1,2,3}, Алексей Николаевич Бабурин^{3,4},
Алексей Викторович Немцев⁵, Татьяна Борисовна Рязанова⁶**

¹ ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», Москва, Россия

² Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

³ Межрегиональное общественное движение в поддержку семейных клубов трезвости,
Москва, Россия

⁴ ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», Москва, Россия

⁵ Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия

⁶ Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия

Актуальность. Духовность и религиозность имеют большую значимость для поддержания психического благополучия и преодоления психических расстройств. Биопсихосоциодуховная модель используется в разнообразных исследованиях в психиатрии и наркологии как в России, так и во всем мире [4]. У больных с зависимостями религиозность и духовность положительно коррелирует со способностью совладания с аддиктивным поведением, а религиозный компонент является неотъемлемой частью многих реабилитационных программ для больных с зависимостями.

В семейной амбулаторной профилактической программе «Православные семейные клубы трезвости» методы религиозной психотерапии, основанные на православном вероучении, являются частью комплексной системы реабилитации зависимых и членов их семей [2]. Духовно-ориентированная терапия оказывает выраженное воздействие на ценностные образования и религиозные представления зависимых, способствует повышению общей осмысленности их жизни, приводит к изменению образа жизни участников программы [1, 3]. С увеличением продолжительности реабилитации происходит гармонизация религиозных представлений, а в религиозном совладании внутренняя религиозность преобладает над ее внешними формами, что также свидетельствует об эффективности реабилитационного процесса и подтверждает данные других исследований о связанности показателей внутренней религиозности с показателями психического благополучия [5].

Цель исследования. Описать типы религиозного совладания в процесс реабилитации зависимых в семейных клубах трезвости.

Материалы и методы. Было проведено лонгитюдное катаретическое исследование на выборке из 35 реабилитантов семейных клубов трезвости, страдавших алкогольной зависимостью. Пациенты с разной степенью религиозности и воцерковленности относили себя к православному вероучению, находились на реабилитации не менее двух лет. Религиозный реабилитационный компонент включал еженедельные занятия в православных семейных клубах трезвости, комплекс психообразовательных, арт-терапевтических и духовно-ориентированных методик в условиях терапевтической среды в религиозной общине. Для оценки изменений использовались клинический и статистический методы.

Результаты. В начале наблюдения 18 человек уже имели опыт реабилитации в семейных клубах трезвости от года до пяти лет, у 17 человек приход в семейную реабилитацию совпал с началом наблюдения. Через два года у 15 человек алкогольная ремиссия носила устойчивый

характер, воздержание от алкоголя было больше двух лет, 10 человек не только воздерживались от спиртного, но и сами руководили встречами в семейных клубах трезвости. 14 человек воздерживались от алкоголя от года до двух лет, наблюдались нормализация семейных отношений и восстановление профессиональных навыков. У 6 человек была ремиссия от нескольких недель до нескольких месяцев, отмечались неустойчивость настроения, сохранялись проблемы в быту и на работе.

На основании клинического наблюдения из числа реабилитантов были выделены три группы, имеющие особенности религиозного совладания, отразившиеся на эффективности реабилитационного процесса.

К первой группе относились реабилитанты, у которых обращение к религиозной программе реабилитации было связано с мотивом «защиты». В реабилитации такие пациенты искали «убежище», а реабилитационные методики наделяли «протекторной» функцией. В религиозном совладании пациенты активно осваивали формы религиозного копинг-поведения (богослужения и совместная молитва, паломничества, участие в совместных мероприятиях программы), однако с трудом отвечали на вопросы об истинном содержании религиозных представлений, или высказывали общие понятия, говорящие о формальном отношении к религиозности. В этой группе трезвость носила неустойчивый характер, были частые случаи рецидивов.

Для второй группы была характерна осмысленная позиция к религиозной реабилитации. Больные считали религиозные смыслы ведущими в преодолении зависимости. В обретении Веры больные видели не только возможность становления трезвости, но и достижения Богообщения, Спасения в христианском смысле. В религиозном совладании освоение религиозных форм копинг-поведения также сопровождалось глубоким осмыслением содержания религиозного вероучения. Результатом реабилитации являлось формирование качественной ремиссии, а в случае рецидивов пациенты направляли усилия на выработку более эффективных механизмов совладания, включавших как использование медикаментозных форм лечения, так и работу с религиозными смыслами.

В третьей группе значение фактора религиозности не носило доминирующего значения. Больные обращались к религиозности как к одному из факторов помощи при зависимости. Ремиссия у этой группы была неустойчивой, больные испытывали трудности в освоении новых форм религиозного копинг-поведения, приходилось прилагать дополнительные усилия по разъяснению религиозных смыслов в ходе реабилитации. Для религиозного совладания был характерен небольшой уровень общей осмысленности жизни и необходимость использования большого набора психопросветительских и нерелигиозных форм поддержки, включая медикаментозное лечение.

Выводы. В семейной религиозной реабилитации зависимых выделены три группы больных, различающихся по типам религиозного совладания, степени освоения религиозного поведения и понимания религиозных смыслов. Высокая степень религиозного совладания характеризуется освоением религиозного копинг-поведения и формированием религиозных представлений, имеющих преобладающую внутреннюю направленность. У таких больных наблюдается высокое качество ремиссии и целостное изменение образа жизни. Дальнейшее изучение взаимосвязи религиозного поведения и религиозных представлений в ходе реабилитации зависимых с учетом особенностей описанных групп имеет важное значение в разработке персонализированных программ реабилитации.

Литература

1. *Бабурин А.Н., Магай А.И., Рязанова Т.Б.* Особенности ценностных и религиозных ориентаций участников семейной духовно-ориентированной реабилитационной программы для людей с расстройствами поведения «Семейные клубы трезвости» // Наркология. 2024. Т. 23, № 6. С. 27–44. doi: 10.25557/1682–8313.2024.06.27–44

2. Копейко Г.И., Бабурин А.Н., Соборникова Е.А., Казьмина О.Ю., Мошкова И.Н., Гусев Г.В., Магай А.И., Казьмина Е.А., Иконникова Е.Ю., Бердичевский А.А., Потапова Ю.А., Горячева А.А., Устинов Н.В., Ениколопов С.Н. Семейные клубы трезвости: современные технологии психосоциальной реабилитации людей с религиозным мировоззрением. М. : Макс Пресс, 2020. 88 с.
3. Немцев А.В., Власова Ю.А., Магай А.И. Представление о трезвости у членов семейных клубов трезвости и студентов-клинических психологов // Наркология. 2024. Т. 23, № 6. С. 45–57. doi: 10.25557/1682–8313.2024.06.45–57
4. Hefti R. The Extended Biopsychosocial Model: A whole-person-approach to psychosomatic medicine and psychiatry // Psyche & Geloof. 2013. Vol. 24 (2). P. 119–129.
5. Peres M.F.P., Kamei H.H., Tobo P.R., Lucchetti G. Mechanisms behind religiosity and spirituality's effect on mental health, quality of life and well-being // Journal of Religion and Health, 2018. Vol. 57. P. 1842–1855.

УДК 159.99

doi: 10.17223/9785907890527/2025/38

ЖИЗНЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА ЛИЧНОСТИ, ПРОЖИВАЮЩЕЙ НЕНОРМАТИВНЫЙ КРИЗИС

Светлана Александровна Малегонова, Ирина Александровна Ральникова

*ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»,
Барнаул, Россия*

Социальные, экономические, техногенные, террористические проблемы, с которыми сталкивается человек в повседневной жизни, обуславливают рост трудных жизненных ситуаций. Такие ситуации могут способствовать развитию ненормативного личностного кризиса. Любой кризис возникает в результате воздействия кризисной ситуации, с которой ранее человек не сталкивался, и у него нет адаптивных форм реагирования на нее. Вследствие этого происходит изменение картины мира, а соответственно трансформация жизненной перспективы. Человек в ситуации кризиса испытывает ощущение незащищенности, нестабильности, его будущее перестает быть определенным. Поэтому проблема кризиса поднимается в психологической теории и практике постоянно, требуя пересмотра и актуализации способов помощи людям, проживающим личностный кризис.

Как отмечает В.В. Козлов, в кризисе происходит выбор решения из возможных вариантов дальнейшего развития, которое может быть как прогрессивным, так и регрессивным. По его мнению, кризис невозможно преодолеть привычными способами, а также исследователь считает, что кризис представляет собой жизненное препятствие, естественно (экзистенциальный, возрастной кризис) или искусственно (антропогенный, социогенный и техногенный кризис) созданное [1, с. 10].

Одной из ключевых психологических категорий является «психологическое время». С одной стороны, время придерживается законов и является объективной характеристикой, однако, с другой стороны, для каждой личности оно проживается и оценивается субъективно и индивидуально. Жизненные события и в целом жизненный путь личности оцениваются при помощи времени. В связи с этим человек не в состоянии «оторвать» время от личностных смыслов и значений. Категория психологического времени сохраняет интерес исследователей во все времена. При этом в рамках психологического здоровья акцентируется проблема формирования временной компетентности и отношения человека ко времени его жизненного пути. Целост-

ность и стабильность восприятия человеком своей жизни выражается в сформированной жизненной перспективе личности, когда человек ориентирован на будущее, учитывает опыт прошлого и включен в собственное настоящее. Как отмечает И.А. Ральникова, в настоящий момент исследования жизненной перспективы ориентированы на проблемы управления временем, жизненного выбора, адаптивности и устойчивости, жизненного самоосуществления и др. [3, с. 4].

Нами было проведено исследование, определяющее особенности жизненных перспектив людей, которые находятся на этапе проживания ненормативного психологического кризиса. Исследование проводилось на базе КГБУЗ «Алтайская краевая клиническая психиатрическая больница им. Ю.К. Эрдмана». В исследовании приняли участие 60 человек. Все респонденты являются людьми в ситуации проживания ненормативного кризиса, обратившимися за психологической помощью в КГБУЗ АККПБ им. Ю.К. Эрдмана. Для анализа особенностей жизненной перспективы и ценностей были применены методики: 1) Каузометрия (А.А. Кроник, Р.А. Ахмеров) [2]; 2) «Персоплан» (А.Г. Шмелев) [4, с. 96–106].

В результате было выявлено, что у 40% наблюдается деформация жизненной перспективы. Кроме того, большинство обратившихся (70%) склонны «плыть по течению», они не пытаются изменить сложившуюся ситуацию, не целеустремленны. При этом 43,3% переживают ощущение нереализованности, они не смогли осуществить задуманное, не довольны жизненными результатами на данном этапе. А 13,3% не знают, как выйти из сложившейся кризисной ситуации. У всех респондентов на низком уровне находится рациональность и стратегичность. При этом уровень удовлетворенности жизнью выше среднего у опрошенных, они склонны проявлять разнообразные эмоции, связанные с событиями, но им сложно принимать реальность происходящего. Изменения, происходящие в жизни человека, чаще всего, были связаны с семьей и собственной личностью.

Базовый диалог, который мы исследовали с помощью методики «Персоплан» А.Г. Шмелева, показал, что у 10% респондентов наблюдается сужение жизненной перспективы, они не смогли найти дополнительные жизненные цели, которые им были бы важны в настоящее время. При этом у 6,7% выявлено искажение жизненной перспективы личности (среди самых важных жизненных целей они отмечают цели других людей, в большинстве своем, своих детей). По нашему мнению, цели «чтобы ребенок поступил в университет» не отвечают личностным целям человека. Большинство респондентов (48%) отметили, что ключевыми в настоящий момент для них являются цели, направленные на саморазвитие, самопознание, самосовершенствование. Практически все опрошенные (90%) считают, что достижение их целей зависит от собственных действий и решений. При этом важно отметить, что у многих целей отсутствует конкретика, люди отвечали абстрактными «формами», вероятно, не понимая, как достижение данной цели будет оцениваться в дальнейшем. Постановка подобного рода целей может привести к разочарованию и чувству нереализованности в будущем. К таким целям мы отнесли: «познание себя», «поиск себя», «поиск гармонии» и др.

Таким образом, люди, находящиеся в состоянии ненормативного кризиса и обратившиеся за психологической помощью, склонны к разнообразным сужениям и искажениям жизненной перспективы личности, у них снижена целеустремленность, рациональность и стратегичность, при этом они проявляют эмоции и удовлетворены своей жизнью. Опрошенные ставят перед собой разнообразные цели, ищут средства и методы для их достижения, но этим целям часто не хватает «личности» и конкретики, что осложняет их дальнейшую оценку. По результатам исследований планируется разработка специализированной групповой психологической коррекционной программы, направленной на перестройку жизненной перспективы для успешной адаптации к кризисной ситуации. Предполагается, что реализация данной программы будет проходить в формате групповых встреч, а основным механизмом работы будут когнитивно-поведенческие, гештальт-ориентированные и проективные техники.

Литература

1. Козлов В.В. Работа с кризисной личностью: методическое пособие. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2003. 302 с.
2. Кроник А.А., Ахмеров Р.А. Каузометрия: Методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. М.: Смысл, 2008. 294 с.
3. Ральникова И.А. Перестройка системы жизненных перспектив человека в контексте переломных событий: дис. ... д-ра психол. наук. Томск, 2012. 308 с.
4. Шмелев А.Г. Персоплан – психотехнический инструмент жизненного выбора // LifeLine и другие. Новые методы психологии жизненного пути / под ред. А.А. Кроника. М.: Прогресс, Культура, 1993. С. 96–106.

УДК 159.9.07

doi: 10.17223/9785907890527/2025/39

ВОВЛЕЧЕНИЕ ДЕТЕЙ В КОНФЛИКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ ПОСЛЕ РАЗВОДА КАК ФАКТОР РИСКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ ДЕТЕЙ

Марина Анатольевна Малиновская

*ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет
имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» Министерства здравоохранения
Российской Федерации, Красноярск, Россия*

Развод является одной из социально-психологических ситуаций, которая несет в себе значительный риск нарушений психического состояния у всех членов семьи. В то же время дети в силу естественной возрастной (личностной и эмоциональной) незрелости и, соответственно, зависимости от родителей, оказываются наиболее уязвимыми к психотравмирующему действию развода [1, 2].

Однако результаты исследований социально-психологической адаптации детей после развода родителей показывают, что несмотря на то, что после развода родителей у детей часто встречаются нарушения психологического функционирования различного качества и выраженности (невротические реакции, психосоматические симптомы, нарушения поведения и эмоций), они в целом обратимы и при благоприятных условиях нивелируются в течение одного-двух лет после развода [1].

Успешная адаптация ребенка к изменившимся семейным обстоятельствам после развода родителей обуславливается многими факторами, такими как:

1) спецификой отношений внутри семьи в доразводный период (если разрыв отношений является следствием долгого конфликтного периода и связанных с ним тяжелых переживаний, то он может восприниматься ребенком как освобождение и облегчение);

2) характером развода (например, с обоюдными претензиями друг к другу со стороны супругов и стремлением вовлечь в свое противостояние ребенка);

3) особенностями адаптации бывших супругов к изменению семейного статуса (чем более интенсивны переживания родителей после развода – обида, растерянность, тревога, тем сложнее переносит этот период и ребенок);

4) открытой возможностью поддерживать отношения с ребенком со стороны отдельно проживающего родителя (если в постразводный период отец или мать имеют возможность бес-

препятственно встречаться с ребенком, участвовать в его воспитании, то негативное психологическое влияние на ребенка, как правило, минимально).

В условиях высококонфликтного развода разведенные супруги (со-родители) недостаточно учитывают возможное влияние негативного отношения к бывшему супругу на психоэмоциональное состояние ребенка. Важно отметить, что это относится не только к отношениям со-родителей с явными (открытыми) конфликтами, но также и отношений, в которых наблюдаются неявные (скрытые) конфликты (конфликты, которые не выливаются во внешнюю ссору или обвинения друг друга, но порождают эмоциональное напряжение и отчужденность). Наиболее распространенная модель поведения ребенка в условиях конфликтных отношений между родителями – «уход в себя» и желание принять позицию одного из родителей. При этом ребенок старается формально поддерживать позицию одного из родителей, и проявляет в отношении второго родителя такое поведение, которое ожидается от него (демонстрировать холодность, безразличие и отчужденность по отношению ко второму родителю, незаинтересованность в контакте с ним и пр.). С одной стороны, таким образом ребенок стремится к нейтрализации конфликта, а с другой стороны, вынужден игнорировать и подавлять важные для себя потребности в любви, принятии, качественном общении со вторым родителем.

За период 2022–2024 гг. на базе КГБУЗ «Красноярский краевой психоневрологический диспансер № 1» нами было обследовано 29 детей в возрасте от 5 до 13 лет, отношения родителей которых в разводе можно отнести к высококонфликтным (семьи, которые находятся в гражданском процессе об определении места жительства ребенка или порядка встреч с отдельно проживающим родителем, и им назначена комплексная судебно-психиатрическая экспертиза (КСППЭ); иными словами, это со-родители, у которых не получилось иными способами, кроме как через суд, «договориться» об исполнении своих родительских прав и обязанностей). Характерной особенностью таких семей являлся затяжной конфликт (судебная тяжба к моменту проведения КСППЭ длилась от 8 до 36 месяцев).

КСППЭ проводилась в соответствии с рекомендациями ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского», и включала в себя этап ситуационного взаимодействия ребенком с каждым из родителей, с помощью которого можно было оценить качественные характеристики взаимодействия ребенка с каждым из родителей в отдельности [3].

В исследуемой группе детей у 12 детей (41% от общей выборки) комиссией экспертов были определены признаки индуцированного состояния, обусловленного действиями совместно проживающего родителя, направленного на формирование у ребенка негативного образа второго родителя.

Следует отметить, что в группе детей, у которых были выявлены признаки индуцированного состояния, обусловленного действиями одного из родителей, в 80% случаев (у 10 детей) наблюдались различные нарушения со стороны эмоциональной сферы, такие как: высокая тревожность и беспокойство, выраженность агрессивных реакций, страхи, замкнутость, настороженность, апатия и отсутствие интереса в контакте со взрослым, негативное отношение к себе, болезненная привязанность к одному из родителей, трудности в выражении и понимании эмоций, в то время как у детей, у которых не было выявлено индуцированного состояния, данные особенности эмоциональной сферы не наблюдались.

Таким образом, обнаруживается отчетливый риск развития у детей различного рода психологического неблагополучия в постразводный период в случае высококонфликтного развода. Возникает необходимость в поиске путей и способов психологического (информационного, консультативного, психокоррекционного) сопровождения супругов, находящихся в высококонфликтном разводе, с целью снижения степени вовлеченности ребенка в супружеский конфликт и, как следствие, минимизации негативного влияния на развитие ребенка.

Литература

1. Русаковская О.А., Сафуанов Ф.С., Харитонова Н.К. Психологическая адаптация детей после развода родителей в зарубежных исследованиях (аналитический обзор) // Российский психиатрический журнал. 2011. № 1. С. 36–45.
2. Сафуанов Ф.С., Калашишникова А.С., Переправина Ю.О., Черненьков А.Д. Методологические основы диагностики психологического индуцирования ребенка при производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о защите интересов детей: методические рекомендации. М. : НМИЦ ПН им. В.П. Сербского Минздрава России, 2020. 39 с.
3. Сафуанов Ф.С., Харитонова Н.К., Русаковская О.А. Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. М. : Генезис, 2011. 192 с.

УДК 159.9.072.432

doi: 10.17223/9785907890527/2025/40

ГИБКИЕ НАВЫКИ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Марина Александровна Матюшина¹,
Валерия Николаевна Петрова²

¹ ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет»,
Новосибирск, Россия

² Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия

Гибкие навыки (soft skills) приобретают все большее значение в контексте профессиональной идентичности, особенно в условиях высокой неопределенности, характерной для современного рынка труда. Неопределенность может быть связана с изменяющейся экономикой, технологическими инновациями и быстрым развитием новых профессий, которые требуют от специалистов не только глубокого знания предметной области, но и умения адаптироваться, быть креативными и эффективно взаимодействовать с другими.

Усложняются задачи и аналитические функции сотрудников, что влечет за собой изменение требований к их навыкам. Расширяется совместная деятельность и увеличивается значение управления коллективной работой. Наблюдается переход от традиционной полной занятости к гибким формам занятости, таким как фриланс и работа на цифровых платформах. Акцент делается на развитии таких навыков, как критическое мышление, решение проблем, устойчивость и гибкость [0].

Работодатели ожидают, что 40% сотрудников потребуют переподготовки в ближайшие 6 месяцев для соответствия новым требованиям [0]. Работники и предприятия должны быть готовы к постоянному обучению и развитию для соответствия новым требованиям цифровой эпохи [0].

Цель нашего исследования заключается в выявлении роли гибких навыков в формировании профессиональной идентичности студентов.

Методы: анализ литературных источников, психологическое тестирование, регрессионный анализ.

В исследовании были использованы следующие методики:

- Методика определения профессиональной идентичности Л.Б. Шнейдер;

- Опросник «Профессиональная идентичность студентов» А.А Озеринной;
- Опросник «Профессиональная временная перспектива будущего» Х. Цахера и М. Фрезе (в адаптации Т.Ю. Базарова и А.В. Парамузова) [0];
- Опросник самоорганизации деятельности (ОСД) М. Бонд и Н. Физер (в адаптации Е.Ю. Мандриковой);
- Тест эмоционального интеллекта Н. Холла;
- Тест психологической гибкости Э. Френсис.

Выборку исследования составили студенты Новосибирского государственного технического университета в количестве 183 человек в возрасте от 18 до 25 лет.

Для выяснения вклада показателей гибких навыков в статус профессиональной идентичности студентов был выполнен множественный регрессионный анализ с предварительной нормализацией данных и проверкой их мультиколлинеарности.

Итоги регрессионного анализа для зависимой переменной Шкала сформированности профессиональной идентичности. Модель представлена значимым вкладом показателей Открытость опыту ($\beta = -0,42$; $\eta = -0,29$; $t = -5,73$; $p \leq 0,001$), Ориентация на настоящее ($\beta = 0,15$; $\eta = 0,36$; $t = 2,46$; $p \leq 0,05$), Фиксация ($\beta = 0,16$; $\eta = 0,17$; $t = 2,74$; $p \leq 0,01$). Таким образом, сформированность профессиональной идентичности тесно связана с открытостью опыту. Студенты, проявляющие высокую степень открытости к новым идеям, подходам и изменениям, демонстрируют более четкую и уверенную профессиональную идентичность. Они легче адаптируются к изменяющейся среде и активно ищут возможности для личностного и карьерного роста. В противоположность этому, ориентация на настоящее и фиксация на заранее запланированной структуре организации событий во времени (т.е. ригидность в планировании) могут препятствовать формированию профессиональной идентичности. Люди, сконцентрированные исключительно на текущих задачах и достижениях без учета стратегических перспектив, могут испытывать трудности в осознании и развитии собственного профессионального будущего.

Итоги регрессионного анализа для зависимой переменной МИПИ. Модель представлена значимым вкладом показателей Оставшееся время ($\beta = 0,25$; $\eta = 0,085$; $t = 3,38$; $p \leq 0,001$) и Психическая гибкость ($\beta = 0,18$; $\eta = 0,014$; $t = 2,3$; $p \leq 0,05$). Профессиональная идентичность имеет прямую зависимость от уровня психологической гибкости и восприятия оставшегося профессионального времени. Студенты, обладающие высокой психологической гибкостью, легче адаптируются к переменам, что позволяет им лучше справляться с профессиональными стрессами и изменениями, а также эффективно планировать свою карьеру с учетом долгосрочных целей. Студенты, воспринимающие свое профессиональное будущее как обширное и полное возможностей, склонны более активно развивать свои профессиональные навыки и искать разнообразные карьерные пути. Это восприятие способствует более целенаправленному планированию и поддержанию мотивации в достижении профессиональных целей.

Гибкие навыки играют важную роль в формировании и развитии профессиональной идентичности в условиях высокой неопределенности. Они не только способствуют успешной адаптации и профессиональному росту, но и помогают укрепить собственное «Я» как профессионала. Важно помнить, что развитие гибких навыков требует персональной работы и постоянного самосовершенствования, а также поддержки со стороны образовательных и профессиональных сообществ. В современном мире, где изменения происходят стремительно, гибкие навыки становятся неотъемлемым элементом профессиональной идентичности, способствуя устойчивости и успешной карьере каждого специалиста.

Литература

1. Базаров Т.Ю., Парамузов А.В. Психометрический анализ русскоязычной версии опросника Х. Цахера и М. Фрезе «Профессиональная временная перспектива будущего» // Организационная психология. 2019. № 1. С. 57–80.

2. *Будущее рынка труда. Противоборство тенденций, которые будут формировать рабочую среду в 2030 году* // Исследование PwC. 2018. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/workforce-of-the-future-rus.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
3. *Нехода Е.В., Пань Л.* Трансформация рынка труда и занятости в цифровую эпоху // Экономика труда. 2021. Т. 8, № 9. С. 897–916.
4. *Krause I.* Coworking space: A window to the future of work? // Foresight and STI Governance. 2019. Vol. 13 (2). P. 52–60.

УДК 159.99:343.971

doi: 10.17223/9785907890527/2025/41

ТРАНСРАДИКАЛИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ: СУЩНОСТНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА С ПОЗИЦИЙ ТРАНССПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА

Тадэуш Петрович Мильчарек

Омский государственный технический университет, Омск, Россия

В трансформации современной реальности человека особенно выделяются три процесса: сращивание человека и цифровой среды; симуляция, симуляционная реальность; условность и открытость границ различных «реальностей» и пространств. Это приводит к возникновению особого психологического феномена – трансрадикализма.

Трансрадикализм – это трансспектива (направленность развития человека) [1, с. 36], но трансспектива нарушенная, искаженная вследствие нарушения многомерности мира человека [2, с. 282]. Данная трансспектива имеет три формы: радикализм, экстремизм и терроризм, соотношение которых подобно сужающимся кругам, то есть всякий террорист – это одновременно и экстремист, и радикал, но радикал не обязательно становится экстремистом или террористом. Обозначенная трансспектива характеризует движение, переход от радикализма к экстремизму и терроризму, то есть от одной формы к другой, также возможно, хотя и крайне затруднительно, обратное движение. Главным элементом, определяющим содержание всякой трансспективы, по сути, содержание многомерного мира человека, его сознания, выступают ценности и смыслы. Базовой ценностью трансрадикализма является насилие, обращенность которого на тот или иной объект порождает соответствующие формы трансрадикализма. В частности, эта обращенность на объект также разворачивается по принципу сужающихся кругов. В радикализме насилие недифференцированно и безинтенционально обращено на все общество в целом, в экстремизме – интенционально на отдельную социальную группу или общность, в терроризме – конкретно на государство и связанные с ним социальные структуры.

Вокруг насилия, как базовой ценности трансрадикализма, разворачивается совокупность смыслов, которая порождает определенную ведущую, отличающуюся динамичностью, ценностно-смысловую установку, каковой является комплекс воина. Нонкоммуникативность представляет собой феноменологическую основу трансрадикализма, то есть ряд особенностей человека, выступающих в форме совокупности некоторых данностей.

Нарушение многомерности человеческого мира в трансрадикальной трансспективе происходит вследствие частичного блокирования входа и выхода системы, которую представляет собой этот многомерный мир. В результате этого блокирования ограничивается получение системой, в данном случае человеком, ресурсов из социальной среды, в частности путем отрицания ее многообразия, сведения к однополярности. То есть мир человека как система искус-

ственно ограничивает пропускную способность получения информации от среды, в том числе обратной связи, подвергая ее строгой фильтрации. Также на выходе из системы, при взаимодействии (обмене) человека с социальной средой, передаются строго определенные, стереотипные продукты деятельности. Такое положение приводит к тому, что человек из открытой системы превращается в условно открытую или частично закрытую систему, следствием чего является дефицит ресурсов, переход системы на аварийный режим функционирования и ее внутренняя деформация, в первую очередь стирание многомерности [4, с. 173].

Трансрадикализм – это процесс перехода от радикальных идей, взглядов, убеждений и установок в качественном плане к экстремистским и насильственным формам выражения человека. Трансрадикализм включает в себя не только и не просто принятие радикальных взглядов и умонастроений, но также и активное соприкосновение с «другой» стороной реальности, то есть «ценностную встречу» с их воплощениями на практике через знакомство с различными формами участия в экстремистской деятельности, в том числе, такой как насильственные акты и терроризм, контакт с участниками экстремистских группировок.

Экстремизм – это состояние социальной идентичности и бытия человека, в котором метод реализации генерализованной смысловой установки радикализма найден, онтологический переход совершен, бытие «между» прекращается, окончательный выбор в пользу антисистемы и насильственных практик сделан, «жребий брошен», «Рубикон пройден» и, соответственно, есть действие.

В данном состоянии все конструктивные структуры и компоненты социальной идентичности человека выведены на периферию, а на первый план выступают деструктивные компоненты, которые и начинают определять дальнейшую жизнь человека. В этой дальнейшей жизни основным вектором его поведения будет преимущественно разрушение, прежде всего общепринятых отношений, норм и правил социального дискурса с возможной заменой каким-то новым порядком.

Сам экстремизм как социальный феномен и факт бытия человека представляет собой такое сужение многомерного мира человека, его упрощение и сокращение, когда происходит конвертация, сворачивание многомерности в одно измерение, характеризующееся преимущественно антисистемностью, антисоциальностью, негативизмом, деструкцией и культом силы [3, с. 79]. Однако до формирования этого качества нужно еще «дойти».

Экстремизм является результатом глубокой и длительной социально-психологической трансформации человека, в процессе которой наносится серия «онтологических ударов» по его многомерности и целостности. Этот процесс разворачивается в форме обособления и преобладания определенных экзистенциальных структур, обуславливающих дальнейшую трансформацию в экстремистскую и террористическую деятельность. Однако при определенных обстоятельствах этого может и не произойти. В частности, при отсутствии триггеров или при системной комплексной профилактической и психокоррекционной работе.

Литература

1. *Клочко В.Е.* Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск : Томский государственный университет, 2005. 174 с.
2. *Логинова И.О.* Жизненное самоосуществление человека как проявление самоорганизации психологической системы // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 336. С. 169–173.
3. *Мильчарек Т.П., Мильчарек Н.А., Маренко В.А., Логинова И.О.* Когнитивные модели политического сознания человека // Сибирский психологический журнал. 2023. № 90. С. 65–82.
4. *Некрасова Е.В.* Пространственно-временная организация жизненного мира человека : дис. ... д-ра психол. наук. Барнаул, 2005. 344 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗУЧЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ

Евгений Михайлович Морозов

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

Священнослужители выполняют важную социальную функцию по духовно-нравственному воспитанию населения, в том числе в отношении неблагополучных граждан, подверженных психологической травматизации. В связи с этим российские и западные исследователи, изучающие синдром эмоционального выгорания у пастырей, подчеркивают, что в профессиональной коммуникации священники испытывают эмоциональные перегрузки и нуждаются в психологической поддержке [1].

Внутри Русской православной церкви ведется дискуссия по проблеме эмоционального выгорания у пастырей, но не преодолены административные барьеры, препятствующие развитию сотрудничества представителей церкви и науки в области исследований психологических кризисов у священников. На официальном церковном уровне отрицается актуальность проблемы профессионального выгорания, декларируется запрет на применение психотерапевтических методик в пастырской практике. Поэтому до сих пор не разработаны программы психологической поддержки православных священнослужителей.

Российские психологи изучают эмоциональное выгорание у священников в рамках медицинского и психологического подходов, определяя «выгорание» в качестве психического состояния, возникающего в результате эмоциональной перегрузки в профессиональной деятельности. Специфика эмоционального выгорания у священников связывается с симптоматикой «утраты радости по отношению к жизни и служению Богу» [2, с. 12].

В рамках медицинского подхода эмоциональное выгорание квалифицируется в качестве синдрома, то есть патологии, развивающейся во времени и требующей врачебного вмешательства. Исследователи акцентируют внимание на психосоматическом самочувствии священников, состоянии «предболезни», выявляют связь эмоционального выгорания с клиническими расстройствами.

Психологический подход к анализу эмоционального выгорания у священников реализуется в рамках следующих направлений исследований:

- психологические особенности пастырского служения;
- личностные особенности эмоционального выгорания у пастырей.

Западные психологи акцентируют внимание на компонентах, характеристиках и причинах «выгорания», анализируют связь эмоционального выгорания с личностными характеристиками. В результате проведенных исследований обнаружена корреляция между профессиональным выгоранием, самоактуализацией и эмоциональным интеллектом, а также высокая степень влияния личных достижений на самочувствие священников. В качестве профилактики эмоционального выгорания предлагается обучать священников умению распознавать симптомы кризисных состояний, чтобы предупреждать травмирующее действие негативных факторов [4].

Исследователи выявляют стрессоры, формирующие депрессивные состояния у священников, такие как: эмоциональные нагрузки и ролевые перегрузки. В западных странах у священников, соцработников и учителей фиксируются соизмеримые показатели эмоционального выго-

рания, но, по сравнению с работниками скорой помощи и полиции, священники демонстрируют большую психологическую устойчивость [3].

В качестве наиболее значимых причин «пастырского выгорания» исследователи указывают экзистенциальные проблемы и действие факторов социальной среды. Обстоятельства, в которых протекает церковное служение, оказывают непосредственное влияние на формирование психологических проблем. Сельские священники страдают от одиночества и изоляции, в то время как городское духовенство – из-за совмещения функций духовного наставничества с административными обязанностями (двойная роль) [5].

О пробуждении интереса современных российских психологов к исследованию психологических проблем у пастырей свидетельствует ряд публикаций, в которых выявляются причины «выгорания» на личностном и организационном уровне, взаимосвязь эмоционального выгорания с рабочим стажем. Экзистенциальный кризис квалифицируется как ключевой фактор эмоционального выгорания у священников.

Можно констатировать, что в российской психологической науке проблема эмоционального выгорания у православных священников еще не стала предметом всестороннего анализа. Глубокому осмыслению эмоционального выгорания в профессии священника, разработке стратегии психологической поддержки служителей церкви препятствует инерция религиозного сознания в отношении применения научных методов в сфере церковной жизни. Для преодоления данной тенденции необходимо развивать сотрудничество научных и православных институтов.

Литература

1. Кезикова И.З., Хомяков А.Г. Эмоциональное выгорание священнослужителей Русской Православной Церкви // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2017. № 2. С. 101–108.
2. Никольский Е.В., Смолин А.А. Специфика эмоционального и профессионального выгорания у христианских священнослужителей // *Studia Humanitatis*. 2019. № 1. С. 12.
3. Adams C., Hough H., Proeschold-Bell R., Yao J., Kolkin M. Clergy burnout: A comparison study with other helping professions // *Pastoral Psychology*. 2017. Vol. 66. P. 147–175.
4. Purificacion Vicente-Galindo M., Lopez-Herrera H., Pedrosa I., Suárez-Álvarez J., Purificación Galindo-Villardón M., García-Cueto E. Estimating the effect of emotional intelligence in wellbeing among priests // *International Journal of Clinical and Health Psychology*. 2017. Vol. 17, is. 1. P. 46–55.
5. Scott G., Rachel L. The rural pastors initiative: Addressing isolation and burnout in rural ministry // *Pastoral Psychology*. 2015. Vol. 64, is. 1. P. 71–97.

УДК 159.9.072

doi: 10.17223/9785907890527/2025/43

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ СТРАХОВ, ИСПЫТЫВАЕМЫХ ЖЕНЩИНАМИ В ПЕРИОД ВЫНАШИВАНИЯ РЕБЕНКА

Валентина Анатольевна Мошкивская

ГПЦ № 1 г. Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия

Эпизоды, происходящие в период внутриутробной жизни, могут иметь долгосрочный физиологический и психологический след. Известно, что выделяемые при стрессе гормоны – адреналин и кортизол – активизируют обмен веществ, адреналин учащает сердцебиение, кортизол

подавляет работу лейкоцитов, при хроническом воздействии стресса происходят изменения во многих органах, ухудшается иммунитет, тратятся запасы энергии матери. Помня о том, что организм матери и ребенка замкнуты друг на друге, следует отметить, что все это происходит и с организмом ребенка [2, с. 171]. Так же известно, что повышенный уровень свободного кортизола в слюне матери во время беременности, в долгосрочной перспективе оказывает негативное влияние на двигательные способности ребенка и его умственное развитие [4, с. 236]. Перинатальный и ранний послеродовой период в большинстве случаев наполнен родительским волнением, периодами обоснованной и не обоснованной тревоги, наличием страхов за жизнь и здоровье ребенка, собственное здоровье, а также тревожным ожиданием предстоящих родов. Исследователи разных стран сходятся во мнении, что более 60% беременных женщин в определенный период беременности или на всем его протяжении испытывает страх [4, с. 237]. Нами проводилось исследование, направленное на изучение психологической готовности к материнству, при этом исследование материнских страхов входило в один из компонентов готовности – в эмоционально-оценочный компонент [3].

Организация исследования и методики. Исследование проводилось на базе ГПЦ № 1 г. Санкт-Петербурга и женской консультации № 41 при ГПЦ № 1. Дизайн исследования на первом этапе предполагал анализ медицинской документации, в результате чего были сформированы две группы. Критериями включения в выборку исследования послужили: беременность сроком более 22 недель, отсутствие диспансерного учета у врача-нарколога, невролога, психиатра, антенатальные потери в анамнезе, количество ЭКО попыток не более трех и возраст женщины от 18 до 49 лет. Первую группу составили женщины, не имеющие репродуктивных трудностей, беременность наступила в естественном цикле. Вторую группу составили женщины, обратившиеся за помощью к врачам репродуктологам и методам ВРТ. Всего в исследовании приняла участие 161 женщина (80 женщин составили первую группу – не умеющих репродуктивных трудностей и 81 женщина вошла во вторую группу – женщины имеющие репродуктивные трудности). На втором этапе исследования женщины проходили полуструктурированное интервью, также в процессе беседы за женщинами велось наблюдение, важные аспекты фиксировались дополнительно. После рождения ребенка женщины также проходили короткое авторское полуструктурированное интервью. При желании все женщины имели возможность на получение обратной связи и рекомендаций. Полученные данные обрабатывались с помощью контент-анализа.

Результаты. Для исследования возможных страхов авторское интервью включало блок незавершенных предложений, которые предлагалось закончить женщине самостоятельно. Одним из таких предложений являлось «я опасюсь...» – только беременные женщины второй группы дали ответ «преждевременных родов» (15% $n = 12$), а также только в этой группе звучал ответ «разочарования в материнстве» (10% $n = 8$). Остальные ответы в двух группах совпадали, самым распространенным был «опасюсь проблем со здоровьем своего ребенка или у меня» – 31% ($n = 50$), «последствий после родов и самих родов» – 28% ($n = 45$), «что воспитаю неправильно» – 5% ($n = 7$).

Во втором интервью, проведенном после родов, оценивался эмоциональный фон, наличие тревог, переживаний и страхов уже в контакте с новорожденным ребенком. По 34% ($n = 15$) женщин каждой исследуемой группы отметили, что испытывают страх в контакте с новорожденным ребенком, неуверенность в себе, незнание что делать в первые дни после его рождения. Часть страхов была обоснованна пребыванием ребенка в отделении патологии новорожденных, другая не имела привязанности к реальности, ребенок находился с мамой, роды завершились без осложнений, такие женщины формулировали свои страхи так: «боюсь, что сделаю ему что-то не то», «как буду справляться с ним дома сама, без поддержки медицинского персонала», «а хватает ли ему еды?», «переживаю за его здоровье в целом» (у здорового ребенка), «что плохо его воспитаю», «вообще за все, связанное с ним теперь переживаю».

Обобщая данные, направленные на исследование страхов беременных женщин и женщин раннего послеродового периода, можно заключить, что часть страхов носит исключительно «фантазийный» характер. Наличие какого-либо страха в период беременности или ранний послеродовый период нуждается в дополнительном внимании специалиста психолога, ведь известно, что проживание тревоги в период беременности запускает выработку гормонов стресса, который в свою очередь может привести к низкому весу ребенка, родам раньше срока. Исследователи доказали, что кортизол, вырабатываемый матерью в период стресса, легко пресекает гематоэнцефалический барьер и в высоких дозах воздействует на развитие мозга ребенка [1].

Выводы. Подавляющее большинство женщин, принявших участие в исследовании 90% ($n = 142$), отметили, что в период беременности периодически испытывали определенные страхи.

Повышение уровня родительских компетенций в области перинатальной психологии, своевременная диагностика наличия страхов и психокоррекционная работа с ними мягкими методами в период беременности и раннего материнства, возможно благотворительно повлияет на психоэмоциональное состояние матери и ребенка, а также дальнейшее моторное и умственное развитие ребенка.

Литература

1. Волков В.Г., Бадаева А.А., Бадаева А.В. Пренатальный стресс как фактор риска преждевременных родов // *Современные проблемы науки и образования*. 2020. № 5.
2. Дубынин В.А. Мозг и его потребности 2.0. От питания до признания. М. : Эксмо, 2024. 448 с.
3. Мошкиска В.А., Бурина Е.А. Психологическая готовность к материнству женщин с благополучным репродуктивным анамнезом // *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*. 2021. № 5(165). С. 245–273. doi: 10.25588/CSPU.2021.165.5.019.
4. Пауэр М.Л., Шулькин Дж. Рождение ребенка, дистресс и риск болезней. М. : Триада-Х, 2010. 264 с.

УДК 159.96

doi: 10.17223/9785907890527/2025/44

НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ВЕРЕ КАК К ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ФЕНОМЕНУ

Алексей Викторович Немцев

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

Понятие «вера» традиционно рассматривается как религиозное. Оно важно для религии настолько, что является ее синонимом в значении вера как вероисповедание. Вера рассматривается в религии как духовный дар (напр., 1 Кор, 12–13). В христианстве духовный дар связан с личным подвигом («ревнуйте о дарах духовных») (1 Кор, 12:31), но не является обязательным его следствием, а зависит от воли Бога («кого миловать, помилую; кого жалеть, пожалею», Римл, 9:15). Как дар вера может помочь человеку в жизненных испытаниях, быть внутренней опорой.

При этом даже в обыденной речи слова «вера», «верить» употребляется и по другим поводам: от детской игры «верю–не верю» до призывов мотивационных тренингов поверить в свои силы.

Это стало поводом для психологов рассмотреть психологические аспекты веры. Одним из первых психологов, изучавших веру как психологический феномен, стал У. Джемс. Он отметил деятельность веры на познавательном уровне. По У. Джемсу, «вера – есть ментальное состояние или функция познания реальности, которая означает любую степень уверенности, включая высшую возможную уверенность и убежденность [1, с. 29]. И если для веры как религиозного феномена противоположностью является неверие, то в данном – познавательном – аспекте вере противоположны сомнение и вопрошание. Каждый объект, мысль, чувство может обладать достоверностью для человека либо подвергаться сомнению. У. Джемс находит схожие идеи у Ф. Brentano: «Каждый объект входит в сознание двояко: как просто мыслимый и как принимаемый или отвергаемый... Следовательно, в каждом утверждении, поскольку ему верят, не верят или ставят его под вопрос, различимы четыре элемента: субъект, предикат, связь между ними (какого бы рода она ни была) и, наконец, психическая установка, в которой наш ум находится по отношению к этому утверждению, взятому в целом» [1, с. 33].

Патология познавательного уровня веры как психологического феномена может быть связана как с чрезмерной уверенностью, так и с патологическим сомнением (*Grübeln*), манией сомнения. Последнее рассматривалось психиатрами-современниками У. Джемса как вид навязчивых идей отвлеченного характера – например, постоянное влечение задумываться над причиной явлений: субъект относительно всего, что он слышит, читает или видит, задает себе вопрос – почему? – и не может отделаться от этого неотвязчивого вопроса, несмотря на то, что сознает его праздность.

Вторым примером патологии веры как функции познания реальности для У. Джемса служило дереализационное ощущение, что все нереально, пусто, мертво, – ощущение, возникающее при некоторых формах меланхолического искажения.

Следующий уровень веры как психологического явления представлен в трудах Б.С. Братуся, рассматривающего веру в возможность и осуществимость идеально представленных целей и проектов как необходимый компонент осуществления любой деятельности: «Творческое решение даже единичной жизненной задачи подразумевает выбор из множества возможных ходов, причем нередко достаточно равновероятных, то есть в каждый из которых можно поверить как в должный. Человек, следовательно, чтобы действовать, не просто выбирает ход, решение, но и опирается (чаще неосознанно) на веру, что именно этот, а не какой-либо иной ход, иное решение нужны, подходят ему» [2, с. 41]. Тем более необходимо верить в свой выбор для осуществления идеальных целей и долгосрочных проектов, укреплять эту веру. О патологии деятельностного уровня Б.С. Братусь не говорит прямо, но к ней можно отнести все проявления неадекватного (чрезмерного или минимального) расхождения идеального и реального в деятельности (например, при расстройствах личности).

И, наконец, самый высокий психологический уровень рассмотрения веры – как личностного свойства – появляется в работах ряда современных авторов. Дж. Фаулер рассматривает веру как «ориентацию целостного человека, придающую ориентацию и цель его надеждам и стремлениям, мыслям и действиям» (цит. по: [3, с. 201]). И.А. Джидарьян, исследователь психологии оптимизма, рассматривает веру как духовное чувство будущего: «Образующие оптимистическую триаду единичные сущности, включающие веру, надежду, любовь, относятся к тому классу высших, хотя четко и не очерченных, структурно трудно дифференцируемых чувств, которые выражают сферу духовного в человеке, отношения с трансцендентальным, метаэмпирическим измерением реальности. Они интегральны по отношению к личности и всей ее жизни» [3, с. 191]. Вера, согласно данному автору, имеет не только эмоционально-чувственную, но и мировоззренческую основу и наделена способностью выходить за пределы «наличного бытия» (С.Л. Рубинштейн) в пространство будущего. Стоит отметить, что вера, надежда, любовь рассматриваются автором в широком духовном, а не сугубо религиозном ключе, и поэтому имеют внеконфессиональный характер.

Патологией веры на личностном уровне может выступать фанатизм. «Фанатизм, имея общие с верой механизмы, сам непосредственно верой, конечно, не является, представляя ту ее духовно искаженную, отчужденную от любви и надежды форму, при которой она становится поистине «слепой», неуправляемой, сметая все на своем пути и переступая доводы разума, практической целесообразности и опыта жизни» [3, с. 196].

Таким образом, мы видим, по крайней мере, три уровня веры как психологического феномена – познавательный (сознательный), деятельностный, личностный. Являются ли они связанными друг с другом, и как они все связаны с религиозной верой – вопросы, требующие прояснения.

Литература

1. *Братусь Б.С.* Аномалии личности. Психологический подход. М. : Мысль. 1988. 304 с.
2. *Джеймс У.* Психология веры // *Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века : сборник переводов.* Сер. «Теория и история социологии» / Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук. М.а, 2010. С. 29–68.
3. *Джидарьян И.А.* Психология счастья и оптимизма. М. : Институт психологии РАН, 2013. 268 с.

УДК 159.9.07

doi: 10.17223/9785907890527/2025/45

СТРУКТУРА ВОВЛЕЧЕННОСТИ СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВУЗА В НОВЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ

Екатерина Викторовна Павлова

Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия

В современном мире, «где сочетаются различные пространства (симультантность места) и ускоряется, синхронизируясь, время» [4, с. 53], новое звучание приобретает проблема вовлеченности личности, за которую «конкурируют» все большее число сфер жизни. Будучи значимым фактором обеспечения высокой эффективности деятельности, вовлеченность в те или иные пространства или активности зачастую выступает условием формирования идентичности личности, поскольку «индивиду, прежде чем идентифицироваться, надо вовлечься в некоторое взаимодействие» [1, с. 40].

Отвечая на вопрос «Во что вовлечен студент?», мы тем самым создаем поле гипотез о его потребностях, ожиданиях, ценностях и т.п. Понимая под вовлеченностью состояние, которое формируется в пространстве взаимодействия человека как открытой психологической системы и среды при условии их соответствия [2], в качестве одного из приемов ее исследования мы используем анализ тех пространств, в которые данная система открывается. Единицами анализа выступают: фактическая вовлеченность студентов в различные виды внутривузовской активности; представления обучающихся о наличии в вузе возможностей для вовлеченности; личностная значимость наличия подобных возможностей. Оцениваются действия и переживания студентов, связанные с вовлеченностью в образовательное пространство.

Цель исследования: выявление структуры вовлеченности студентов в образовательное пространство вуза. Методы исследования: авторская анкета «Ниши вовлеченности» [3]. Методы статистической обработки: факторный анализ (метод главных компонент, Varimax вращение;

КМО $\geq 0,91$). Выборка: 639 студентов специалитета и бакалавриата 1–3 курсов ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет» (39,91% юноши, 59,94% девушки, в 0,15% случаев пол не указан, возраст $19,2 \pm 1,18$ года).

В структуре реальной вовлеченности студентов в образовательное пространство вуза были выделены шесть «ниш»:

– «Вовлеченность в жизнеосуществление в вузе» (вес фактора 10,2), включая участие в общественной, волонтерской, спортивной, научной деятельности, менеджменте качества, направленное, в том числе, на повышение своего статуса в вузе, проявление лидерских качеств;

– «Вовлеченность в построение себя как профессионала» (вес 7,9), включая выбор места прохождения практик, получение дополнительного образования, регулярное взаимодействие с преподавателями;

– «Вовлеченность в обеспечение качества деятельности» (вес 7,2), включая чувства гордости своим вузом и специальностью, принадлежности к вузу, автономию и наличие обратной связи;

– «Вовлеченность в совместную деятельность и взаимодействие с одногруппниками» (вес 6,2), обеспечение качества выполнения групповых задач;

– «Вовлеченность в самопрезентацию» (вес 5,5), в разнообразные виды активности, позволяющие продемонстрировать собственную компетентность;

– «Отчуждение от учебно-профессиональной деятельности» (вес 5,4).

В структуре представлений студентов об имеющихся в вузе возможностях выделены пять факторов:

– «Соотнесенность образовательного пространства с пространством жизни в целом» (вес 13,8), как в настоящем (возможность проходить практики, применять полученные знания в широком спектре ситуаций), так и в будущем (трудоустройство, достижения и т.п.); встроенность учебно-профессиональной деятельности в трансспективу жизни;

– «Возможность участия во внеучебной внутривузовской активности» (вес 11,0), включая волонтерство, спортивную, научно-исследовательскую и др.;

– «Возможность получить одобрение» (вес 10,4) от преподавателей и сокурсников, чувствовать себя частью университета;

– «Возможность получить дополнительную информацию в процессе обучения» (вес 8,8);

– «Возможность проявлять инициативу, быть лидером» (вес 8,3).

Оценивая наличие возможности для чего-либо, студенты фактически выбирают из общего поля именно то, что связано с их потребностями, однако порядка 20% респондентов дают крайне генерализованную оценку.

Ответы студентов на вопрос «Для меня важно иметь возможность...» также анализировались с точки зрения потребностей, которые гипотетически удовлетворяются за счет реализации этих возможностей. В результате факторизации данных выделены:

– «Потребность в принадлежности к вузу и лидерстве» (вес фактора 16,5), участия в различных видах внутривузовской активности, возможности чувствовать себя частью вуза;

– «Потребность в определенности и безопасности» (вес 11,2), как в настоящее время (наличие четких требований к деятельности, взаимодействие с ответственными и компетентными людьми), так и в будущем (перспективы трудоустройства);

– «Потребность в самопредъявлении» (вес 7,4), желание быть «на виду» у преподавателя, не стремясь при этом к непосредственному одобрению с его стороны;

– «Потребность в принадлежности к группе» (вес 6,5), включая стремление к командной работе над проектами, домашним заданием, к участию в общегрупповых дискуссиях;

– «Потребность в одобрении» (вес 5,9) со стороны преподавателей и сокурсников;

– «Потребность в самореализации в условиях вуза» (вес 4,8).

Выявленные различия в структуре фактической и желаемой вовлеченности студентов, своеобразие сочетаний их переживаний, потребностей и действий в случаях, когда речь идет о возможностях вовлеченности и их значимости, показывает, что не всегда традиционные «пространства вовлечения» соответствуют ожиданиям студентов. Это необходимо учитывать при разработке программ управления их вовлеченностью.

Литература

1. Лукьянов О.В., Бронер В.И., Васильев А.В. Категориальный аппарат психологии вовлеченности (аутентификации) // Сибирский психологический журнал. 2020. № 75. С. 39–52. doi: 10.17223/17267080/75/3
2. Павлова Е.В., Краснорядцева О.М. Ресурс вовлеченности как психологическая характеристика степени соответствия человека и образовательной среды // Сибирский психологический журнал. 2021. № 81. С. 52–78. doi: 10.17223/17267081/81/3
3. Павлова Е.В., Краснорядцева О.М., Лейфа А.В. Психологические особенности выбора «ниш вовлеченности» вузовской молодежью в условиях различных образовательных форматов // Научно–педагогическое обозрение. 2022. № 4 (44). С. 181–196. doi: 10.23951/2307-6127-2022-4-181-196
4. Сергеева О.В., Царева А.В., Зиновьева Н.А. «Встретимся в дополненной реальности...»: социальные компетенции игроков в многопользовательские онлайн-игры // Logos et Praxis. 2017. Т. 16, № 4. С. 51–63. doi: 10.15688/lp.jvolsu.2017.4.6

УДК 159.9.331

doi: 10.17223/9785907890527/2025/46

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ С КОГНИТИВНЫМ, АФФЕКТИВНЫМ И ПОВЕДЕНЧЕСКИМ КОМПОНЕНТАМИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Ирина Алексеевна Петроченко

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

Коммуникация в условиях цифровизации становится неотъемлемой составляющей современной жизни индивида в интернет-пространстве. Активное вовлечение в цифровую среду предоставляет обширные возможности для взаимодействия, при этом порождая и новые угрозы, такие как дезинформация, манипуляция, кибербуллинг, вовлечение в экстремистские и террористические сообщества и др. [1]. Такие негативные цифровые явления подчеркивают необходимость изучения факторов, способствующих обеспечению информационно-психологической безопасности и формированию конструктивного общения в сети. В условиях цифровизации информационно-психологическую безопасность человека можно рассматривать как способность одновременно сохранять защищенность индивида от негативных информационных воздействий и развиваться с помощью новых информационных технологий, направляя этот процесс на достижение лично значимых коммуникативных целей и создание средств организации конструктивной коммуникативной деятельности в цифровой среде [5].

Несмотря на множество факторов, обеспечивающих безопасную цифровую среду, можно их объединить в интегративную модель, которая позволяет учитывать следующие ключевые характеристики обеспечения информационно-психологической безопасности: устойчивость и

сопротивляемость личности; эмоциональную защищенность; цифровую компетентность; информационную и медиакомпетентность; когнитивные и аналитические навыки; способность к критическому мышлению; опыт и навыки саморегуляции [2]. Объединение этих характеристик в единую модель позволяет комплексно подходить к обеспечению информационно-психологической безопасности личности в цифровой среде, учитывая, как внутренние ресурсы и способности индивида, так и его взаимодействие с информационными технологиями [4].

В свою очередь, коммуникативное поведение личности включает в себя когнитивный, поведенческий и аффективный компоненты [3]. Каждый из этих компонентов содержит важные элементы, оказывающие влияние на информационно-психологическую безопасность человека. Объединение этих составляющих в единую модель способствует более точному анализу и прогнозированию конструктивного или деструктивного поведения в цифровом пространстве.

Данные модели позволяют системно рассматривать влияющие на коммуникативное поведение факторы и разрабатывать комплексные подходы к повышению безопасности и конструктивности взаимодействия в интернет-пространстве.

Цель исследования: выявить взаимосвязь между уровнем информационно-психологической безопасности и когнитивным, аффективным и поведенческим компонентами коммуникативного поведения в цифровой среде.

Выборка исследования включала в себя 560 человек в возрасте от 14 до 23 лет. В качестве метода исследования использовались тестирование и опрос: «Индекс погруженности в интернет-среду» (Л.А. Регуш), «Когнитивные механизмы коммуникативного поведения в интернет-пространстве» (И.С. Лучинкина), «Типология киберагрессии» (С.С. Антипина), «Направленность личности в интернет-пространстве» (Р.И. Зекерьяева).

В результате проведенного исследования сделаны следующие выводы:

1. Обнаружена тесная взаимосвязь уровня информационно-психологической безопасности с когнитивными аспектами коммуникативного поведения. Пользователи с высоким уровнем погруженности и низкой цифровой компетентностью более подвержены когнитивным искажениям, что может негативно влиять на их коммуникацию.

2. Цифровая компетентность выступает как защитный фактор, уменьшая склонность к агрессивному поведению и асоциальным проявлениям в сети.

3. Эмоциональная вовлеченность в интернет-коммуникацию может способствовать развитию когнитивных искажений, влияющих на восприятие и интерпретацию информации.

4. Асоциальное поведение в сети чаще проявляется у пользователей с низкой цифровой компетентностью и высоким уровнем когнитивных искажений.

Исследование подтверждает, что информационно-психологическая безопасность личности тесно связана аспектами коммуникативного поведения в цифровом пространстве. Высокий уровень цифровой компетентности выступает как защитный механизм, снижающий вероятность возникновения когнитивных искажений, а также агрессивного и асоциального поведения в интернете. В то же время, эмоциональная вовлеченность в цифровую коммуникацию и низкая цифровая компетентность усиливают вероятность появления когнитивных искажений, что негативно влияет на качество взаимодействия в сети и способствует деструктивному поведению.

Полученные результаты исследования могут быть применены для создания образовательных программ и тренингов, направленных на развитие цифровой грамотности и эмоциональной устойчивости пользователей. Особое внимание можно уделить формированию навыков критического мышления и саморегуляции при взаимодействии с цифровыми технологиями. Это также может способствовать более глубокому пониманию, какие именно когнитивные и эмоциональные механизмы лежат в основе деструктивного поведения в сети, что позволит разрабатывать точечные стратегии профилактики киберагрессии и иных асоциальных проявлений. Это может способствовать снижению уровня киберагрессии, информационных перегрузок и других негативных явлений, связанных с использованием цифровых технологий.

Литература

1. *Баришполец В.А.* Информационно-психологическая безопасность: основные положения // Радиотехника. Наносистемы. Информационные технологии. 2013. Т. 5, № 2. С. 62–104.
2. *Краснянская Т.М., Тылец В.Г.* Построение концепции личной безопасности в психологическом пространстве вызовов современности // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2022. № 4. С. 4–9.
3. *Лучинкина И.С.* Особенности коммуникативного поведения личности в интернет-пространстве // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. 2018. № 4 (14). С. 92–98.
4. *Поздняков В.М.* О разработке современной модели обеспечения информационно-психологической безопасности // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1, № 1. С. 44–58.
5. *Харламенкова Н.Е.* Понятие психологической безопасности и его психологическое обоснование с разных научных позиций // Психологический журнал. 2019. Т. 40, № 1. С. 28–37.

УДК 159.922

doi: 10.17223/9785907890527/2025/47

СМЫСЛ ЖИЗНИ КАК ЦЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Татьяна Борисовна Позднякова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

Проблема смысла жизни, являясь одной из ключевых философских проблем, также входит в предметное поле психологической науки.

Ее разработкой занимались философы и исследователи разных эпох и направлений, среди них можно назвать Аристотеля, Платона, Р. Декарта, Б. Спинозу, М. Бубера, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера, К. Ясперса, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, М.К. Мамардашвили, С.Л. Рубинштейна и др.

В современном транзитивном мире с его изменчивостью, неопределенностью и множественностью контекстов проблема смысла жизни человека особенно актуальна.

В рамках данной проблемы мы обратились к изучению смысла жизни как актуальной для человека ценности, отражающей важность для него наличия жизненных целей.

Выборка включала студентов вуза в возрасте 19–20 лет и их родителей. Общее количество респондентов – 146 человек.

Блок диагностических средств состоял из методик В.Н. Куницыной: методики ЦО-36 (Ценностные ориентации – 36 позиций), методики СТАЛЬ (Стабильность, толерантность и альтруизм в межличностных отношениях и другие свойства личности), методики КОСКОМ (Коммуникативная и социальная компетентность), теста «Притчи», теста «Экспрессия» (модификация субтеста «Группы экспрессии» методики Дж. Гилфорда и М. Салливена).

В ходе проведенного исследования были получены следующие результаты.

Среднегрупповой показатель важности наличия смысла жизни у респондентов юношеского возраста равен 8,86 баллов ($\sigma = 2,04$), что свидетельствует о высокой степени значимости этой ценности. У родителей данный показатель несколько ниже и составляет 8,14 баллов ($\sigma = 2,06$). Подсчет *t*-критерия Стьюдента показал, что выявленные различия статистически достоверны ($t_{кр} = 2,14$; $p = 0,034$).

При анализе распределения данных установлено, что для большинства юношей и девушек ценность смысла жизни является высоко значимой (66%), 30% – относятся к ней средне и для 4% – она не актуальна. У родителей несколько иное соотношение. Большая часть (51%) – ценят наличие смысла жизни на среднем уровне, чуть меньше тех, для кого он очень важен (46%) и лишь для 3% респондентов старшего возраста смысл жизни как ценность не актуален.

Как показал корреляционный анализ, не существует достоверной связи между ценностью смысла жизни для детей и родителей ($r = 0,048$; $p = 0,689$). В семье могут быть самые разные варианты их сочетания.

При анализе корреляционных плеяд было установлено, что ценность смысла жизни, отражающая важность наличия целей в жизни, у юношей и девушек сочетается с эмоциональной зрелостью личности ($r = 0,312$; $p = 0,07$), оперативной социальной компетентностью ($r = 0,275$; $p = 0,018$), высоким уровнем развития мотивации достижения ($r = 0,233$; $p = 0,047$), не склонностью к совершению асоциальных поступков ($r = 0,231$; $p = 0,049$). Таким образом, мы видим, что стремление к жизни, наполненной смыслом, у молодежи связано с нацеленностью на достижение поставленных целей, наличием общей социальной ориентированности и осведомленности, умением контролировать проявление своих чувств и эмоций, стремлением учитывать нормы общественного порядка.

Помимо этого, следует отметить выявленную отрицательную связь между ценностью смысла жизни и пониманием невербального поведения другого человека ($r = -0,279$; $p = 0,017$). Соответственно, чем актуальнее для респондентов юношеского возраста наличие целей в жизни, тем они менее успешны в распознавании состояния другого человека по его экспрессии. Таким образом, на данном возрастном этапе будучи эгоцентричны и ориентированы на достижение собственных целей, они не всегда в ходе взаимодействия точно считывают состояния другого человека по его невербальным реакциям и нередко допускают ошибки.

В рамках эмпирического исследования был проведен анализ структуры ценностных ориентаций юношей и девушек и их родителей. Установлено, что у детей ценность смысла жизни напрямую связана только с ценностью разнообразия жизни ($r = -0,287$; $p = 0,014$). Это говорит о том, что важность наличия целей в жизни сочетается со стремлением к новизне и разнообразию в ней. Можно предположить, что высокая значимость данной ценности отражает активную позицию личности, при которой жизнь имеет смысл, если она наполнена событиями.

В отличие от них, у родителей диагностирован комплекс связей. Так, выявлены положительные связи между показателями ценностей смысла жизни и выбора собственных целей ($r = 0,318$; $p = 0,006$), достижения успеха ($r = 0,231$; $p = 0,05$), социального признания ($r = 0,262$; $p = 0,025$) и заботы о себе ($r = 0,242$; $p = 0,039$).

Таким образом, мы видим, что для родителей одновременно важны наличие целей в жизни, самостоятельность в выборе целей и их достижение. Это говорит об их целеустремленности, независимости и ориентированности на успех.

Помимо этого, наличие целей в жизни сочетается с важностью социального одобрения, отражающего значимость уважения со стороны других людей и их одобрения. Возможно, стремление к жизни, наполненной целями, в том числе предполагает важность получения дивидендов в виде положительной реакции со стороны окружающих.

Кроме того, чем актуальнее наличие целей в жизни, тем большую значимость приобретает забота о себе, проявляющаяся во внимании к собственному статусу, интересам, здоровью, внешнему виду и способствующая достижению поставленных задач.

Итак, в ходе проведенного исследования были получены данные, расширяющие представление о смысле жизни как ценности в рамках семейных отношений. Выявлены особенности ценности смысла жизни для детей юношеского возраста и их родителей, требующие дальнейшего всестороннего изучения.

Литература

1. *Васина Е.А.* Ценностные ориентации: феноменология, структура, динамика. Архангельск : Типография А4, 2013. 83 с.
2. *Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М.* Межличностное общение: учеб. для вузов. СПб. : Питер, 2003. 544 с.
3. *Семья в современном мире* / сост. и науч. ред. В.Н. Куницына. СПб. : СПб. ун-т, 2010. 232 с.

УДК 159.923:378

doi: 10.17223/9785907890527/2025/48

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕТОДА АНАЛИЗА ПЕРЕВОДА В ИССЛЕДОВАНИЯХ МОДАЛЬНОСТИ ОПЫТА ЛИЧНОСТИ

Наталья Николаевна Помуран

*Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия*

Исследовательские поля психологии на современном этапе расширяются, пересекаются с другими областями знания. Междисциплинарность и трансдисциплинарность не только задают новый вектор исследований, но и приводят к заимствованию методов для эмпирической проверки существующих теорий и концепций. Близость познаваемого объекта психологической и лингвистической наукам позволяет обратиться к заимствованию методов исследований, чтобы критически пересмотреть и дополнить научные представления.

Методологическим основанием использования метода анализа перевода в исследованиях психической модальности опыта личности являются представление о мысли как модальности мышления Л.М. Веккера, модальном опыте и стиле кодирования информации М.А. Холодной, о механизмах речи, развиваемое Т.Н. Ушаковой, о сетевой организации ментального лексикона.

Л.М. Веккер, рассуждая о мысли, как «модальности мышления», указывает на кросс-модальность (взаимодействие всех модальностей) и интермодальность (взаимодействие двух одинаковых модальностей) мышления. Ученый предполагает, что в области мысли снимаются пороговые ограничения, и характеристики объекта, представленные в языке на одной модальности, познаются и переводятся мыслью на язык другой модальности [1]. Следовательно, одни и те же свойства объекта могут получать преобразование в языковой репрезентации в разных модальностях, причем разновидностей этих трансформаций достаточно много.

По мысли М.А. Холодной, модальностью опыта (словесно-речевой, зрительной, мышечно-осозательной, чувственно-эмоциональной и т.д.) личности определяются возможности интеллекта. В зависимости от доминирования определенной модальности опыта складывается тот или иной стиль кодирования информации [4, с. 145]. Поскольку модальность опыта отдельно взятой личности уникальна, то и стиль кодирования, и организация хранения информации также имеет специфичные для личности черты.

Уникальность организации и хранения информации подтверждается исследованиями ментального лексикона. Согласно сетевой модели ментального лексикона хранение лексических единиц организовано на основе межузловых связей, которые отображают способы взаимодействия лексических единиц (слов) по различным основаниям [5, с. 210–223]. Можно предположить, что межузловые связи отражают стиль кодирования информации, складывающийся на основе модального опыта личности. Поэтому мы полагаем, что метод анализа перевода с ино-

странного на родной язык позволяет выявить особенности модальности опыта личности, исследовать стиль кодирования информации.

При освоении лексики нового языка его лексические единицы вступают в ассоциативные связи с элементами лексикона родного языка, кроме того, их дальнейшее функционирование основано на их близости к семантическим структурам родного языка [3, с. 107]. При этом лексические единицы иностранного языка способны активизировать сознание, вызывать не просто отдельный концепт, а целую цепочку реакций. Особенно наглядно это проявляется при переводе лексики, когда одной вербальной репрезентации соответствует несколько значений (ментальных единиц), и наоборот, один концепт может быть представлен рядом вербальных репрезентаций. В исследованиях, проведенных нами, кросс-модальность и интермодальность мышления чаще наблюдалась в тех случаях, когда переводилась лексика, не имеющая эквивалентов на языке перевода: идиоматические выражения, невербализованные концепты. Исследования проводились на основе анализа перевода художественных текстов как профессиональными переводчиками, так и среди будущих переводчиков.

Продемонстрируем примеры трансформации лексических единиц из одной модальности в другую при переводе с английского на русский язык.

Исходный текст:

I am using the word to *announce* (A) my affinity with a subculture.

Вариант перевода:

1) ...использую это слово, чтобы *показать* (V) свою принадлежность субкультуре;

2) Я использую это слово, чтобы *подчеркнуть* (K) свою близость к субкультуре.

В примере ментальная единица представлена на исходном языке в аудиальной модальности. У переводчиков мы находим варианты языковой репрезентации как в визуальной, так и в кинестетической модальности.

Исследование психической модальности опыта профессиональных переводчиков на примере перевода произведения О. Хаксли «Brave New World» выявило специфические характеристики кодирования и хранения информации.

Например, в переводе Р.Д. Равич кинестетические концепты «движения, ощущения тепла» получают репрезентацию на языке перевода в визуальной модальности:

It was *warm* (K) and bright on the roof. – Крыша была залита *ярким солнечным светом* (V);

They *clung* (K) round him imploringly. – ... умоляюще *глядя* (V) на него.

В переводе О.П. Сорока концепты, связанные со «звуками», передаются на язык перевода глаголами «движения»:

...and took an evident pleasure in *quoting* (A) figures. – ...и явно рад был *сыпать* (K) цифрами;

...whenever the great man *spoke* (A), he desperately scribbled – как только великий человек *раскрывал рот* (K), студенты принимались яростно строчить.

Таким образом, заимствованный из лингвистики метод анализа перевода может быть применен в исследованиях модальности опыта личности и стилей кодирования информации. Вместе с тем, использование метода возможно в случаях, когда респонденты свободно владеют иностранным языком, что ограничивает применение метода.

Литература

1. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М. : Смысл, 1998. 685 с.
2. Гусельцева М.С. Психология личности и антропологический дискурс: в поисках новых подходов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. Т. 12, вып. 2. С. 132–149. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.203> (дата обращения: 16.09.2024).

3. Ушакова Т.Н. О механизмах вербальных процессов человека // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6, № 1. С. 99–113.
4. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2024. 334 с.
5. Green D.W. Control, activation, and resource: A framework and a model for the control of speech in bilinguals // Brain and Language. 1986. Vol. 27, is. 2. P. 210–223.

УДК 159.923

doi: 10.17223/9785907890527/2025/49

ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОКРАСТИНАЦИИ

**Ирина Александровна Ральникова,
Семен Сергеевич Ральников**

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», Барнаул, Россия

В современных реалиях проблема управления временем жизни представляется актуальной. Временная перспектива, целостность представлений человека о прошлом, настоящем и будущем, проектирование будущего, воплощение жизненных планов, ценность жизненного опыта в научном поле всегда оценивались учеными как критически важные составляющие для самореализации личности и ее жизнеосуществления. На ряду с этим, в последнее время настойчиво заявляет о себе феномен прокрастинации или «отложенной жизни», когда жизнь человека проходит в режиме ожидания чего-то более значимого, воспринимается как набросок или черновик. Прокрастинация несет определенные риски для человека, связанные с ухудшением качества решения задач профессиональной деятельности, межличностных отношений, негативно сказывается на самоотношении, физическом и психологическом здоровье [1, 3].

На текущем этапе развития психологической науки временная проблематика исследована достаточно широко, обозначен ряд подходов к изучению представлений человека о времени жизни, ведущими из которых стали мотивационный, событийный, типологический [2]. Временная перспектива традиционно понимается в качестве системы представлений личности о времени своей жизни [4].

Научные представления о прокрастинации включают различные трактовки данного феномена. Прокрастинацию интерпретируют в качестве личностной характеристики, оказывающей негативное влияние на успешность деятельности, дезадаптивной стратегии совладания со стрессом, устойчивой диспозиции, механизма психологической защиты и др. [1]. Чаще всего под прокрастинацией понимается сознательное откладывание дел, приводящее к отрицательным последствиям и сопровождающееся субъективным ощущением внутреннего дискомфорта и негативными эмоциональными переживаниями [3].

Авторами было предпринято исследование, целью которого стало изучение взаимосвязи временной перспективы личности и феномена прокрастинации.

Выборка представлена 82 респондентами (40% мужчин, 60% женщин) в возрасте от 20 до 45 лет.

Методический инструментарий: опросник временной перспективы Ф. Зимбардо, А. Гонсалеса в адаптации А. Сырцовой, Е. Соколовой, О. Митиной; анкета для выявления уровня выработанности феномена прокрастинации О.С. Бахарева. В качестве метода математической статистики применялся корреляционный анализ по Пирсону.

В зависимости от выраженности прокрастинации, выделены три группы респондентов: с низкой, средней и высокой степенью выраженности данного феномена. Показатели по шкалам опросника временной перспективы в каждой их указанных групп находятся в границах средне-статистической нормы. «Негативное прошлое» (низкая ($M = 2,5$ б.), средняя ($M = 2,8$ б.), высокая ($M = 3,0$ б.) степень прокрастинации), «Гедонистическое настоящее» (низкая ($M = 3,1$ б.), средняя ($M = 3,3$ б.), высокая ($M = 3,3$ б.) степень прокрастинации), «Будущее» (низкая ($M = 3,8$ б.), средняя ($M = 3,7$ б.), высокая ($M = 3,6$ б.) степень прокрастинации), «Позитивное прошлое» (низкая ($M = 3,7$ б.), средняя ($M = 3,6$ б.), высокая ($M = 3,5$ б.) степень прокрастинации), «Фаталистическое настоящее» (низкая ($M = 2,6$ б.), средняя ($M = 2,8$ б.), высокая ($M = 3,0$ б.) степень прокрастинации). Следует отметить, что мужчины и женщины с высокой и низкой выраженностью прокрастинации заметно отличаются по показателям «Негативное прошлое» и «Фаталистическое настоящее». В случае высокой прокрастинации респонденты более негативно и пессимистично относятся к своему прошлому, в отношении настоящего и будущего ощущают себя неспособными что-либо изменить, они недостаточно сфокусированы на планировании временной перспективы.

Корреляционный анализ выявил ряд значимых корреляционных связей между исследуемыми показателями. Прямая корреляция шкалы «Негативное прошлое» и прокрастинации ($r = 0,476$; $p \leq 0,01$) показывает, что, чем сильнее у человека стремление отложить жизнь на потом, тем ярче негативное и пессимистичное отношение к прошлому. Прямая корреляционная связь шкалы «Фаталистическое настоящее» и прокрастинации ($r = 0,356$; $p \leq 0,01$) указывает на то, что чем сильнее у мужчин и женщин склонность к прокрастинации, тем чаще они ощущают безнадежность и беспомощность в отношении своего настоящего и будущего, воспринимают данные временные отрезки жизненного пути как predetermined, на которые человек не способен оказать влияние. Обратная корреляция шкалы «Будущее» и прокрастинации ($r = -0,235$; $p \leq 0,05$) свидетельствует о том, что, чем сильнее у респондентов выражены признаки феномена отложенной жизни, тем они менее ориентированы на будущее, на планирование и достижение целей.

Таким образом, у мужчин и женщин с выраженной прокрастинацией присутствует дисгармоничная временная перспектива, которая характеризуется усилением ориентации на негативное прошлое и фаталистическое настоящее, а также ослаблением ориентации на будущее.

Литература

1. Веденеева Е.В., Забелина Е.В. Трушина И.А. Честюнина Ю.В. Особенности психологического времени личности студентов, склонных к прокрастинации // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6, № 4 (21). С. 289–292.
2. Мандрикова Е.Ю. Современные подходы к изучению временной перспективы личности // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 4. С. 54–65.
3. Чернышова Н.А. Прокрастинация: актуальное состояние проблемы и перспективы изучения // Вестник ПГГПУ. 2016. Серия № 1. С. 17–26.
4. Zimbardo P.G., Boyd J.N. Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. № 77 (6). P. 1271–1288.

УДК 159.99

doi: 10.17223/9785907890527/2025/50

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРИНЯТИЯ ЭФФЕКТИВНЫХ ФИНАНСОВЫХ РЕШЕНИЙ И РИСКОВАННОЕ ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ

**Марина Вячеславовна Рыжкова, Игорь Александрович Филенко,
Михаил Владимирович Чиков**

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета («Приоритет-2030»).

Социальные системы, в которые включен наш современник, по-сути, являются бифуркационными средами, характеризующимися наличием интенсивных источников риска технологической и социальной природы, высокой неопределенностью многих ситуаций повседневной жизнедеятельности, нелинейностью и непредсказуемостью траекторий развития конкретного человека и различных социальных групп [2]. Актуальные для большинства людей риски, связанные с новыми цифровыми или финансовыми технологиями, воспринимаются конкретным человеком сквозь призму собственного жизненного опыта, который также окрашивается психологическими характеристиками субъекта [1]. Психологические аспекты анализа специфики принятия решений и поведения человека в условиях риска возможны с позиций ситуационного подхода, обозначенного в первой половине XX в. в работах Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна и К. Lewin. Это направление становится востребованным в 80-е–90-е гг. XX в. благодаря работам L. Ross, Л.И. Анцыферовой и других психологов, изучавших целостное функционирование системы «человек-ситуация» в различных жизненных аспектах. Ситуационный подход позволяет решать междисциплинарные проблемы, возникающие на стыке парадигмальных пространств различных научных дисциплин. В частности, он расширяет возможности понимания рискованного экономического и финансового поведения человека, связанного с принятием финансовых решений, включая в исследовательское поле психологические факторы, обуславливающие его специфику. Целью настоящего исследования является анализ современных междисциплинарных концепций, характеризующих психологические феномены, связанные с принятием решений и рискованным финансовым поведением наших современников

Жизненные результаты эффективного / неэффективного принятия решений и рискованного (неосмотрительного) финансового поведения оказывают существенное влияние на субъективное благополучие, ведущие эмоциональные состояния, психологическое здоровье каждого человека. В силу многомерности данных феноменов итоговые оценки финансовой активности личности будут определяться разноплановыми переменными, такими как: средовые факторы глобальной и локальной природы; финансовая компетентность; психологические особенности личности; влияния, связанные с конкретными жизненными ситуациями. Компетентное решение субъектом финансовых проблем и осознанное поведение позволяют избегать материальных и психологических рисков, однако развитие финансовой компетентности не может быть сведено только к усвоению определенных знаний, умений, навыков, связанных с повседневной экономической и монетарной активностью. Как показывают исследования, проведенные в последнее десятилетие [3, 5], необходимо также учитывать психологические переменные, которыми обусловлены конечные эффекты финансовой деятельности человека. К таким переменным современные авторы относят: экстраверсию; оптимизм; открытость опыту; толерантность к риску;

регуляторные особенности; когнитивные способности; самооффективность; самооценку; монетарные убеждения; моральные установки; типологические особенности, отражающиеся на специфике принятия решений человеком (сенсорный / интуитивный тип; когнитивный / эмоциональный тип); психические состояния (тревожность, стресс) и другие характеристики.

При описании психологических феноменов, связанных с финансовым поведением личности, в парадигме поведенческой экономики используются теории: планируемого поведения (I. Ajzen); самооффективности (A. Bandura); социального научения (A. Bandura); дуальных процессов (K.E. Stanovich, R.F. West) и др. Теории дуальных процессов представлены в современных исследованиях несколькими концепциями. В одной из них предполагается, что и когнитивные, и интуитивные процессы влияют на принятие решений субъектом. Когнитивные ресурсы успешно могут использоваться для решения задач конвергентного типа или для преодоления ситуаций риска, в которых имеются представления о возможных априорных вероятностях благоприятных / неблагоприятных событий. Основа когнитивного ресурса – интеллектуальные способности и рефлексивные процессы, являющиеся ядром аналитической системы, осуществляющей контролируемую и осознаваемую обработку информации. Его ограничения связаны с относительно медленной скоростью обработки небольших объемов информации, ориентацией на уже имеющийся личный или социальный опыт. Интуитивные ресурсы могут успешнее использоваться в задачах дивергентного типа, в ситуациях дефицита времени, избыточности / недостаточности информации, новизны и неопределенности, в условиях – когда у человека не имеется каких-либо представлений об априорных вероятностях возможных событий. Процессы интуиции включают ресурсы бессознательного и способны обрабатывать большие массивы информации в течение малого времени. Но точность принимаемых решений может существенно уступать точности решений, вырабатываемых в результате рефлексивного интеллектуального анализа проблемы.

Иная концепция дуальных процессов описывает особенности принятия решений человеком в терминах «горячих» (эмоциональных) и «холодных» (когнитивных) психических функций, поддерживающих его жизнедеятельность. «Горячие» процессы связаны с преимущественным функционированием эмоциональной системы, а «холодные» – с доминированием когнитивной системы. Однако в реальной жизни у взрослых людей они действуют достаточно согласованно, и специфика активации каждой из этих систем обусловлена типом проблемной ситуации и ее значимостью для субъекта. Поскольку становление горячих и холодных функций в онтогенезе происходит гетерохронно, – они изучаются главным образом в период детского и подросткового возрастов (от рождения до 15–16 лет), когда дисбалансы их развития являются достаточно выраженными. Во взрослом возрасте горячая и холодная системы относительно стабильны и специфика их активности в процессе жизнедеятельности отражает итоговые индивидуальные регуляторные паттерны, которые складываются у субъекта к взрослому возрасту. В этом контексте финансовая активность личности может описываться относительно стабильными личностными характеристиками, включающими, в частности, такие полярные конструкты, как «импульсивность» или «рефлексивность». Современные эмпирические исследования подтверждают положения теории дуальных процессов, – обнаружены статистически достоверные влияние уровня импульсивности на эффективность принятия финансовых решений [4].

Дальнейшие исследования в обозначенном проблемном поле будут направлены на выявление и развитие психологических ресурсов поддержки принятия эффективных финансовых решений у представителей различных социальных групп с целью снижения проявлений рискованного финансового поведения.

Литература

1. Рыжкова М.В., Филенко И.А., Чиков М.В. Цифровые риски для человека: субъективное восприятие и возможности регулирующего воздействия по данным онлайн-эксперимента //

- Вестник Томского государственного университета. 2024. № 502. С. 68–75. doi: 10.17223/15617793/502/7
2. *Филенко И.А.* Социокультурные ресурсы человека как способ активной адаптации: поведенческие стратегии в условиях социального стресса // Социокультурные ресурсы человека как способ активной адаптации: поведенческие стратегии в условиях социального стресса : сб. статей. М. : Академический проект, 2017. С. 37–47.
 3. *Dickason Z., Ferreira S.* Establishing a link between risk tolerance, investor personality and behavioural finance in South Africa // *Cogent. Economics and Finance*. 2018. Vol. 6, № 1. P. 1–13. doi: 10.1080/23322039.2018.1519898
 4. *Kumar P., Islam Md.A., Pillai R., Sharif T.* Analysing the behavioural, psychological and demographic determinants of financial decision making of household investors // *Heliyon*. 2023. Vol. 9. e13085. P. 1–16.
 5. *Pinjisakikool T.* The Influence of Personality Traits on Households' Financial Risk Tolerance and Financial Behaviour // *Journal of Interdisciplinary Economics*. 2017. Vol. 30, № 1. P. 32–54.

УДК 159.99

doi: 10.17223/9785907890527/2025/51

РЕСУРСНЫЙ ПОДХОД В ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЯХ

Элла Александровна Самотаева

*ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и государственной службы»,
Донецк, ДНР, Россия*

Условия жизни человека в современном мире характеризуются глубокими трансформациями, что неминуемо сопровождается социальными потрясениями и вызовами. Поскольку Россия находится в эпицентре данных процессов, то, разумеется, это не может не сказываться на качестве жизни практически каждого россиянина. Современная ситуация воспринимается большинством людей как тяжелая, однако, многим удается с ней справиться за счет мобилизации своих потенциальных личностных ресурсов.

Понятие «ресурс» употребляется в современной психологии в разных значениях:

- как фактор, определяющий благополучие личности;
- как характеристика адаптационного потенциала личности;
- как психологический феномен, характеризующий жизненные ресурсы в целом;
- как система таких способностей человека, которая позволяет устранять противоречия, возникающие между личностью и жизненной средой, тем самым способствуя преодолению неблагоприятных жизненных обстоятельств [4].

Мы на основании интеграции различных подходов предполагаем, что ресурсные качества объединены в систему, проявляющуюся в субъектной активности личности.

Профессиональная деятельность специалистов помогающих профессий (психологов, социальных работников) предполагает работу с такой категорией граждан, которые, помимо трудных макроусловий, столкнулись с персональными трудностями, обусловленными различными обстоятельствами. Суммирование трудностей при сочетании с определенными личностными характеристиками человека не позволяет ему справиться со сложившейся трудной жизненной ситуацией и, как следствие, приводит к нарушению социальной компетентности.

Социальная компетентность «характеризуется сложным переплетением знаний, умений и навыков, преломляющихся в деятельности, ориентированной на социальную реальность, и от-

ражает отношения человека с самим собой, с миром, социальной группой, с обществом и с миром в целом через интериоризированный личностью социальный опыт, обеспечивающий человеку возможность для самореализации в системе социальных отношений, адекватный этой системе» [2, с. 8]. Работа специалиста помогающих профессий с клиентом, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, направленная на восстановление нарушенной социальной компетентности, будет более эффективна, если в ее основу положить ресурсный подход, который в настоящее время становится все более актуальным как в научной сфере, так и в практике оказания психологической и социальной помощи.

Как правило, выделяют следующие компоненты социальной компетентности: мотивационный, когнитивный, коммуникативно-деятельностный и рефлексивный [1, 3]. С нашей точки зрения, каждый компонент социальной компетентности взаимосвязан с определенными ресурсными качествами личности. В качестве интегральных ресурсных качеств личности могут выступать жизнестойкость и толерантность к неопределенности [5, 6]. Толерантность к неопределенности – интегральное качество личности, выражающееся в способности справляться с напряжением, вызванным неопределенностью ситуации, и заключающееся в умении принимать решения и действовать в условиях новизны и непредсказуемости.

Жизнестойкость – интегральное качество личности, состоящее из трех основных компонентов: вовлеченности, контроля и принятия риска, которое представляет собой сложившуюся у человека систему установок о себе, о мире и об отношениях с ним. Выраженная жизнестойкость повышает способность человека к саморегуляции, в том числе в стрессовых ситуациях, что и позволяет активно преодолевать возникающие трудности.

Содержание мотивационного компонента включает в себя способность к постановке перспективных целей, ответственность, готовность к принятию решений. Развитие данного компонента предполагает формирование такого качества, как толерантность к неопределенности.

Когнитивный компонент включает в себя знания, необходимые для успешной адаптации в социальной жизни и его развитие взаимосвязано с формированием и развитием такого интегрального качества, как жизнестойкость. Формирование коммуникативно-деятельностного компонента социальной компетентности предполагает развитие умения взаимодействовать с социальным окружением в общении и при осуществлении деятельности, что будет затруднительно без определенной выраженности качества «толерантность к неопределенности»

Наконец, рефлексивный компонент социальной компетентности выражается в адекватной самооценке, реалистичности представления человека о себе и о социальной среде, а также в высоком уровне развития саморегуляции, что взаимосвязано и с толерантностью к неопределенности, и с жизнестойкостью, и в целом, с субъектной активностью личности.

Таким образом, развитие и укрепление таких интегральных ресурсных качеств как толерантность к неопределенности и жизнестойкость дает возможность активизировать и другие ресурсы человека, составляющие его ресурсный потенциал в целом.

Ресурсный подход к оказанию психологической (социально-психологической) помощи человеку имеет следующие основные преимущества:

– во-первых, обеспечивает соблюдение принципа клиент-центрированности в психологии или адресности в социальной работе;

– во-вторых, актуализирует внутренний потенциал и пробуждает субъектную активность клиента, что способствует тому, что клиент мобилизует собственные усилия на выход из трудной жизненной ситуации.

Литература

1. Абенова И.А. Характеристика понятия «социальная компетентность» // Вестник науки и образования. 2021. Ч. 1, № 10 (113). С. 68–72.

2. *Басова В.М.* Теория и практика формирования социальной компетентности личности: учебное пособие к спецкурсу. Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2004. 188 с.
3. *Бейлина Н.С.* Сущность понятия «социальная компетентность» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. Т. 2, № 3. С. 97–99.
4. *Коростелева Т.В.* Личностные ресурсы в управлении качеством жизни молодежи: стратегии, инструменты, измерения. СПб. : Научное издание, 2020. 148 с. URL: <https://publishing.intelgr.com/archive/lichnostnyie-resursyi-vupravlenii-kachestvom-zhizni.pdf> (дата обращения: 04.10.2024).
5. *Самотаева Э.А.* Взаимосвязь толерантности к неопределенности и жизнестойкости у студенческой молодежи ДНР // Психология человека и общества. 2023. Вып. № 13 (64). С. 53–60.
6. *Самотаева Э.А.* Толерантность к неопределенности как копинг-стратегия // Российско-белорусский научно-практический журнал «Человеческий капитал». 2024. № 6 (186). С. 191–198.

УДК 159.972

doi: 10.17223/9785907890527/2025/52

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ АНОЗОГНОЗИИ У ЛИЦ С АЛКОГОЛЬНОЙ И НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

Никита Маратович Самотесов

*ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет
имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» Министерства здравоохранения
Российской Федерации, Красноярск, Россия*

Алкогольная и наркотическая зависимости – это хронические, патологические и прогрессирующие состояния, заключающиеся в овладении человеком психоактивным веществом. Основные симптомы зависимости проявляются в ограничении способности контролировать употребление химических веществ, целенаправленной сборке и использовании наркотиков при различных обстоятельствах.

«Первоначально термин «анозогнозия» использовался только применительно к пациентам, которые не способны осознавать симптомы своей болезни как результат определенных нейрокognитивных нарушений, являющихся следствием поражения мозга» [1, с. 4]. В случае алкогольной и наркотической зависимости анозогнозия становится ключевым фактором, влияющим на лечение и реабилитацию, что делает эту проблему актуальной для современной психологии здоровья. Проявляется данный процесс в форме отрицания серьезности заболевания, убежденности в том, что человек контролирует свое потребление или что оно не приводит к опасным последствиям. Анозогнозия может быть связана с рядом психологических механизмов, таких как отрицание, снижение когнитивных функций, социальные и культурные факторы. Как следствие, данное состояние ведет к множеству негативных последствий как для самого зависимого, так и для его близких. Во-первых, она затрудняет обращение за помощью на ранних стадиях зависимости, когда лечение может быть более эффективным. Во-вторых, она снижает мотивацию к участию в лечебных программах, даже если такие программы инициированы близкими или врачами. В-третьих, она усугубляет разрушительные последствия зависимости, приводя к более тяжелым формам психических и соматических расстройств. Для подтвер-

ждения вышеуказанных тезисов нами проведено исследование по опроснику «Алкогольная анозогнозия» (который оценивает степень осознания зависимости от алкоголя или наркотиков у зависимых людей), важно учитывать основную структуру опросника и типичные результаты. Исследование было проведено на базе реабилитационного центра «Здоровая нация». Количество участников: 36 человек: лица с алкогольной зависимостью – 20 человек, лица с наркотической зависимостью – 16 человек.

Интерпретация оценок диагностических субшкал опросника «Алкогольная анозогнозия»:

1. Непризнание последствий заболевания (НПЗ):

– 12 участников (8 алкоголиков и 4 наркомана).

– Эти участники категорически не признают наличие проблемы, отрицают негативные последствия употребления и утверждают, что могут прекратить в любой момент. Они не видят взаимосвязи между употреблением и проблемами в жизни (социальными, физическими или психологическими).

2. Непризнание симптомов заболевания (НПС):

– 14 участников (6 алкоголиков и 8 наркоманов).

– Эти участники частично осознают проблему, но склонны минимизировать ее последствия. Они могут признавать некоторые проблемы с употреблением, но отрицают, что зависимость полностью контролирует их жизнь. Зачастую они оправдывают свое поведение внешними обстоятельствами (стресс, проблемы в семье и т.д.).

3. Несогласие с лечением (НЛ):

– 10 участников (6 алкоголиков и 4 наркомана).

– Эти участники осознают наличие проблемы и ее связь с их употреблением, но не видят необходимости в лечении или оттягивают решение начать терапию. Часто говорят, что справятся с проблемой самостоятельно или считают, что еще не достигли критической стадии зависимости.

4. Непризнание заболевания (НЗ):

– У 12 участников анозогнозия выражена в полной мере, что говорит о глубокой психологической защите. Эти люди отрицают свою зависимость и часто не видят очевидной взаимосвязи между своим употреблением и негативными последствиями, такими как ухудшение здоровья, потеря работы или конфликтные отношения с близкими. Отрицание – одна из типичных черт зависимого поведения, особенно на ранних или активных стадиях зависимости.

– Для этих участников успешная терапия может быть осложнена, так как они не осознают потребности в помощи. В таких случаях может потребоваться больше времени для работы с психотерапевтом или консультантом по зависимостям, чтобы разрушить защитные механизмы и выработать мотивацию к лечению.

5. Эмоциональное неприятие заболевания (ЭНЗ):

– 14 человек демонстрируют недостаточную эмоциональную озабоченность по поводу своего заболевания в целом или отдельных его аспектов. Это может проявляться в виде убеждений, что они «могут остановиться в любой момент», «проблемы не такие серьезные» или «употребление под контролем». Эти участники могут быть ближе к осознанию зависимости.

6. Осознание зависимости:

– 10 участников уже находятся на стадии признания проблемы, но их мотивация к лечению все еще низка. Это позитивный сигнал, потому что они уже осознали свою зависимость, однако нежелание начать лечение часто связано с чувством стыда, страха или недооценки тяжести последствий.

Общая картина демонстрирует, что большинство участников (26 из 36) находятся на стадии отрицания зависимости в разной степени. Это типичный результат для зависимых людей, особенно на ранних этапах диагностики. Наибольшее количество участников (14 человек) нахо-

дится на стадии частичного осознания проблемы, что говорит о наличии потенциала для работы с их зависимостью, но необходима поддержка для более полного признания проблемы.

Осознание зависимости наблюдается у 10 участников, но они еще не готовы к действиям. Это указывает на важность терапевтической работы с мотивацией к лечению.

Результаты опросника «Алкогольная анозогнозия» подтверждают необходимость комплексного подхода к лечению зависимостей, который включает как психологическую поддержку для преодоления отрицания, так и работу над мотивацией к изменениям и терапии. Стоит отметить, что психологическая помощь таким пациентам требует нового взгляда на реабилитацию, который сочетал бы как мотивационные, так и когнитивные аспекты поведения химически зависимого. Важным элементом в работе с анозогнозией является использование методов мотивационного интервьюирования, когнитивно-поведенческой терапии и групповой терапии, где зависимые могут увидеть примеры успешного выздоровления.

Литература

1. Грановская Е.А., Бочаров В.В., Шишкова А.М., Рыбакова Ю.В., Илюк Р.Д. Особенности анозогнозии при синдроме зависимости от психостимуляторов // Медицина: теория и практика. 2019. № 4. С. 161–162.
2. Астасенко А.В., Пронько Е.А., Ведянова О.П., Болтунова Н.Ю., Шнырин И.А. Алкогольная анозогнозия и ее взаимосвязь с клиническими и психосоциальными характеристиками больных // Национальные проекты – приоритет развития здравоохранения регионов : материалы 54-й Межрегион. науч.-практ. мед. конф. 2019. С. 489–492.

УДК 159.9.072:159.923

doi: 10.17223/9785907890527/2025/53

ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ МЕЖДУ КОГНИТИВНЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И ТЕМПОРАЛЬНЫМИ ОРИЕНТАЦИЯМИ ЛИЧНОСТИ В СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Евгения Васильевна Саранчина, Валерия Николаевна Петрова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

Пандемия COVID-19 затронула практически каждого человека на планете, создав масштабную ситуацию неопределенности и стресса. Это создало уникальную возможность для изучения психологических реакций на глобальную кризисную ситуацию. Ряд исследований отмечали снижение удовлетворенности жизнью в период пандемии, а также искажение в восприятии времени [1–3].

Организация исследования и методы. Наше исследование состояло из трех онлайн опросов, проводившихся в первую (апрель–июнь 2020 г.), вторую (сентябрь–ноябрь 2020 г.) волны пандемии COVID-19 и в постпандемийный период (июнь–сентябрь 2022 г.). Выборки состояли из 167, 354 и 986 респондентов, соответственно. В качестве методов исследования применялись Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера и Шкала аттитюдов ко времени Дж. Нюттена. Шкала аттитюдов ко времени состояла из набора биполярных прилагательных. Статистическая обработка данных проводилась в программе IBM SPSS Statistics.

Результаты. Удовлетворенность жизнью в первую волну пандемии COVID-19 составила 21,13, во вторую волну – 20,67, в постпандемийный период – 22,50. Аналогичное снижение показателей во вторую волну пандемии мы видим в отношении к прошлому, настоящему и будущему.

В первую волну пандемии: прошлое – 4,82, настоящее – 4,51, будущее – 5,14. Во вторую волну пандемии: прошлое – 4,13, настоящее – 4,16, будущее – 4,18. В период после пандемии: прошлое – 4,86, настоящее – 5,05, будущее – 5,58. Статистически различия между показателями достоверны. Что свидетельствует о снижении уровня удовлетворенности жизнью во вторую волну пандемии COVID-19 и восстановлению его в постпандемийный период.

Во вторую волну пандемии наблюдается исчезновение корреляции удовлетворенности жизнью с настоящим, при довольно высоких значениях этого показателя в первую волну (0,62) и в постпандемийный период (0,52). Так же во вторую волну пандемии становится слабой (0,12) сила корреляционных связей удовлетворенности жизнью с отношением к прошлому по сравнению с умеренной теснотой связи в другие рассматриваемые периоды (0,37–0,55). Связь отношения к будущему с удовлетворенностью жизнью во всех трех опросах слабая (0,22–0,32).

Отдельный интерес представляют изменения связей внутри темпоральных ориентаций во вторую волну пандемии. В отношении к прошлому: исчезли корреляций прошлого с Приятным, Интересным, Наполненным активными действиями и Богатым прошлым. В отношении к настоящему исчезли корреляций с Приятным, Интересным, Наполненным активными действиями и Богатым настоящим. Отношение к будущему во вторую волну характеризуется: появлением отрицательных корреляций с Приятным, Интересным, Наполненным активными действиями и Богатым будущим, что указывает на резкое падение оптимизма касательно будущего. Это может быть связано с растущим чувством неопределенности, страхом перед неизвестностью и потерей веры в лучшее будущее.

Выводы. Пандемия COVID-19 оказала существенное влияние на когнитивные характеристики субъективного благополучия. Наиболее выражено этот эффект заметен во второй волне пандемии. Мы отмечаем снижение удовлетворенностью жизнью и отношения к прошлому, настоящему и будущему в этот период. Вторая волна пандемии, вероятно, вызвала усиление чувства неопределенности и тревожности у респондентов. Это могло привести к тому, что люди стали более критичны и дифференцированы в своих оценках времени. Рассогласование оценок различных характеристик времени и более фрагментированное их восприятие может являться признаком усталости и эмоционального истощения респондентов во вторую волну пандемии COVID-19.

Корреляции удовлетворенности жизнью с отношением к прошлому, настоящему и будущему указывают на то, что люди воспринимают свою жизнь как единое целое, охватывающее различные временные периоды. Воспоминания о прошлом, текущий опыт, надежды и ожидания от будущего имеют большую значимость для общей удовлетворенности жизнью.

Снижение корреляций во вторую волну пандемии отражает усиление психологического стресса и изменение приоритетов у респондентов. Исчезновение корреляции удовлетворенности жизнью с отношением к настоящему во вторую волну может указывать на сдвиг внимания людей с текущего момента на другие аспекты жизни. Снижение корреляций с отношением к прошлому и будущему во вторую волну может отражать усиление эмоциональной перегрузки у респондентов. Эта связь подчеркивает комплексный характер удовлетворенности жизнью, которая зависит не только от текущих обстоятельств, но и от прошлого опыта и будущих перспектив. Она также указывает на важность учета временных ориентаций личности при анализе влияния крупномасштабных кризисов на восприятие времени и общее благополучие людей.

Восстановление большинства исследуемых показателей после пандемии может говорить о проявлении различных психологических феноменов. Один из них – феномен посттравматического роста – появление положительных изменений после переживания травмирующего события. Так же могла проявляться адаптация к новой реальности. Люди адаптировались к новым условиям жизни после пандемии, что привело к восстановлению прежних паттернов мышления и поведения. Восстановление корреляций в постпандемийный период указывает на то, что эти изменения были временными и связаны конкретно со вторым периодом пандемии. Эти психологические феномены показывают способность человека к восстановлению и адаптации после переживания стрессового события. А также демонстрируют сложный характер адаптации человека к экстремальным условиям, таким как пандемия.

Литература

1. *Daly M., Robinson E.* Psychological distress associated with the second COVID-19 wave: Prospective evidence from the UK Household Longitudinal Study // *Journal of Affective Disorders*. 2022. Vol. 310. P. 274–278. doi: 10.1016/j.jad.2022.05.025
2. *González-Sanguino C., Ausín B., Castellanos Á., Saiz J., López-Gómez A., Ugidos C., Muñoz M.* Mental health consequences during the initial stage of the 2020 Coronavirus pandemic (COVID-19) in Spain // *Brain, Behavior, and Immunity*. 2020. Vol. 87. P. 172–176 doi: 10.1016/j.bbi.2020.05.040
3. *Holman E.A., Jones N.M., Garfin D.R., Silver R.C.* Distortions in time perception during collective trauma: Insights from a national longitudinal study during the COVID–19 pandemic // *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. 2022. Vol. 15(5). P. 800–807. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC9898469/> (access date: 02.10.2024).

УДК 159.923

doi: 10.17223/9785907890527/2025/54

СЕМАНТИКА ИДЕАЛЬНОГО БИЛИНГВАЛЬНОГО Я В СТРУКТУРЕ Я-КОНЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ БИЛИНГВА

Светлана Юрьевна Свитиук

*Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», Иркутск, Россия*

SEMANTICS OF THE IDEAL BILINGUAL SELF IN THE STRUCTURE OF THE SELF-CONCEPT OF A BILINGUAL PERSONALITY

Svetlana Yu. Svitiuk

*Irkutsk National Research Technical University, Russian Federation
Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation*

The relevance of the study of the semantics of the self-concept of a bilingual personality is due to the dynamic changes in the modern society, where multiculturalism and multilingualism are becoming the norm [4]. At the same time, growing social, political and economic risks require special attention to issues of mental stability and personal adaptation. The importance of studying the self-concept of bilingual individuals lies in the need to understand how their multicultural experience and language competence affect self-identification, intercultural communication and emotional well-being

in the context of change and instability [5]. The understanding of the semantics of the ideal bilingual self can help identify psychological resources that contribute to effective adaptation in the context of new challenges and risks, as well as provide a theoretical basis for the development of practical programs to support bilinguals in a changing society [3]. The study is aimed at identifying the semantic core of the self-concept of a bilingual personality. We consider the semantic core of the self-concept of a bilingual personality as a stable basis of its structure. It includes the most important personal qualities that a bilingual needs for a successful participation in the intercultural interaction, thereby representing such a modality of the self-concept of a bilingual personality as the ideal bilingual self [1].

Research methods. The semantics of the ideal bilingual self was studied in two stages. At the first stage of the study a survey of experts was conducted, in which 20 specialists took part (the professors of INRTU, working at the BRICS Institute and teaching various disciplines to bilingual students, 15 women and 5 men aged from 25 to 63 years). The experts were asked to list 10 qualities that bilinguals need for a successful intercultural interaction.

The second stage of the study examined the qualities that are important for an effective intercultural communication, based on the opinions of the bilinguals themselves. At this stage a total of 260 bilingual students were surveyed. The total sample size was 280 people. The following methods were chosen for the study: expert survey, survey and ranking [2].

Research results. As a result of the expert survey, 35 different definitions were obtained. After combining qualities with similar meanings into one, 14 qualities were identified using the method of ranking by frequency of mention. According to the experts, the most significant personal qualities of a bilingual are communicative competence, tolerance, knowledge of the values of another culture, all experts named them. Then the experts named such qualities as empathy, friendliness, openness, creativity, erudition, self-confidence, attentiveness, politeness, self-organization, conscientiousness and diligence.

The analysis of the results of the bilingual survey allowed us to identify 14 key qualities, which were ranked by the frequency of their mention. According to the bilinguals, the most significant personal qualities of a bilingual are also communicative competence, tolerance, knowledge of the values of another culture. It should be noted that bilinguals also named qualities that experts did not mention, such as curiosity, enthusiasm, observation. Both groups of respondents demonstrate a high degree of agreement on three personal qualities that are important for a bilingual personality: tolerance, communicative competence, value orientations. It should be emphasized that the qualities listed above form the basis of the intercultural communicative competence.

Conclusion. The study allowed us to precisely define the image of the “ideal bilingual self”, which includes important personal characteristics. This makes it possible to more clearly understand which features are considered key ones for a successful bilingual personality. The main personal qualities that make up the semantic core of the self-concept of a bilingual personality include such characteristics as tolerance, value orientations and communicative competence. These qualities form the basis of the self-perception and behavior of a bilingual in the society and play a central role in the successful integration of a bilingual person into various cultural and social contexts. These qualities contribute to more effective interaction and mutual understanding in a multilingual and multicultural environment. Thus, the study emphasizes the importance of certain personal characteristics for a bilingual personality and their role in the formation of the self-concept.

References

1. Терехова Т.А., Свитюк С.Ю. Семантическое ядро Я-концепции билингвальной личности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13, № 2А. С. 5–12.

2. Федотова Г.А. Методология и методика психолого-педагогических исследований: учеб. пособие для студентов психолого-педагогических факультетов высших учебных заведений. Великий Новгород : НовГУ, 2010. 114 с.
3. Dörnyei Z., Ryan S. The psychology of the language learner revisited. New York : Routledge, 2015. 259 p.
4. Grosjean F. Bicultural bilinguals // International Journal of Bilingualism. 2015. Vol. 19, is. 5. P. 572–586.
5. Pavlenko A. The bilingual mental lexicon: Interdisciplinary approaches. Bristol/Buffalo/Toronto: Multilingual Matters, 2009. 250 p.

УДК 159.922:159.972

doi: 10.17223/9785907890527/2025/55

ПРОБЛЕМА ДИНАМИЧЕСКОГО НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ С ЭПИЛЕПСИЕЙ

Галина Васильевна Сенченко, Ирина Олеговна Логинова

*ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет
имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» Министерства здравоохранения
Российской Федерации, Красноярск, Россия*

В соответствии с клиническими рекомендациями «Эпилепсия и эпилептический статус у взрослых и детей»), утвержденными Минздравом России, «эпилепсия – заболевание головного мозга, определяемое любым из следующих условий: 1) по крайней мере, два неспровоцированных (или рефлекторных) приступа, с интервалом > 24 ч.; 2) один неспровоцированный (или рефлекторный) приступ и вероятность повторения приступов, близкая к общему риску рецидива ($\geq 60\%$) после двух спонтанных приступов в последующие 10 лет; 3) диагноз эпилептического синдрома, ($\geq 60\%$ – следует трактовать как высокую вероятность рецидива)» [1, с. 15].

Эпилепсия является одним из самых распространенных хронических неврологических заболеваний у детей. Распространенность эпилепсии в России достигает 3,4 случая на 1 000 населения [2, с. 72]. У 70% больных эпилепсией дебют заболевания приходится на период детского возраста [3, с. 49]. У детей могут наблюдаться различные формы эпилепсии и типы приступов. Причины заболевания варьируют от генетических факторов до последствий перинатальных травм и инфекционных заболеваний. Это заболевание серьезно влияет на все аспекты жизни ребенка, вызывая нарушения в обучении, развитии и социализации. Дети с эпилепсией часто сталкиваются с такими когнитивными нарушениями, как проблемы с памятью, вниманием, речью и мышлением, что отрицательно сказывается на их образовательном процессе и социальной адаптации. Кроме того, эпилепсия может сопровождаться эмоциональными расстройствами, такими как тревожность, депрессия и гиперактивность, что еще больше усложняет жизнь ребенка и его семьи.

Это подчеркивает важность своевременной диагностики и комплексного подхода к лечению, учитывающего как медицинские, так и нейропсихологические аспекты.

Традиционные методы динамического наблюдения за детьми с эпилепсией подразумевают в первую очередь медицинский аспект: осмотр врача-невролога и регулярный мониторинг с помощью ЭЭГ, которые важны для контроля течения заболевания, но не всегда позволяют выявить когнитивные и эмоциональные последствия эпилепсии. Когнитивные нарушения, которые возникают в результате эпилептической активности в мозге или вследствие воздействия

противоэпилептических препаратов, часто остаются незамеченными при стандартных медицинских обследованиях. Именно здесь важную роль играет нейропсихологическая оценка состояния высших психических функций.

Когнитивные расстройства у детей с эпилепсией могут варьироваться в зависимости от формы заболевания. Так, например, при фокальной эпилепсии чаще наблюдаются трудности с планированием и организацией, в то время как генерализованные приступы могут больше влиять на память и общее интеллектуальное развитие ребенка.

Эпилепсия также может приводить к значительным трудностям в обучении и поведении. Дети с эпилепсией часто испытывают сложности с концентрацией внимания, с устной и письменной речью, письмом и запоминанием, что затрудняет их успешное обучение в школе. Кроме того, нейропсихологическая оценка позволяет выявить эмоциональные и поведенческие нарушения, такие как тревожность, депрессия, гиперактивность и агрессивность, которые могут возникать как реакция на проявления самого заболевания или его социальные последствия. Эти нарушения могут требовать не только психологической поддержки, но и медикаментозной коррекции, что также требует регулярного динамического наблюдения.

Несмотря на это в клинических рекомендациях «Эпилепсия и эпилептический статус у взрослых и детей» предложения по проведению нейропсихологической диагностики относятся по уровню убедительности рекомендаций к оценке «С» – слабая рекомендация (отсутствие доказательств надлежащего качества (все рассматриваемые критерии эффективности (исходы) являются неважными, все исследования имеют низкое методологическое качество и их выводы по интересующим исходам не являются согласованными), а по уровню достоверности доказательств – 5 (имеется лишь мнение эксперта).

Между тем регулярный мониторинг когнитивных функций в динамике помогает выявить, как лечение эпилепсии и изменение частоты приступов влияют на развитие ребенка. Динамическая нейропсихологическая оценка высших психических функций у детей с эпилепсией позволяет своевременно внести изменения в терапевтический и образовательный процессы, минимизируя негативные последствия заболевания и медикаментозной терапии, поддерживая и корректируя когнитивное развитие ребенка.

Литература

1. *Эпилепсия и эпилептический статус у взрослых и детей* : Клинические рекомендации / С.О. Айвазян, Р.Г. Акжигитов, В.В. Алферова [и др.] ; Всероссийское общество неврологов, Ассоциация нейрохирургов России, Ассоциация специалистов по клинической нейрофизиологии, Общероссийская общественная организация «Союз реабилитологов России», Одобрено Научно-практическим Советом Минздрава России. М. : Министерство здравоохранения Российской Федерации, 2022. 277 с.
2. *Василенко А.В., Бубнова П.Д.* Организация эпилептологической службы в РФ и в мире // Актуальные вопросы гигиены: электрон. сб. науч. тр. VI Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Санкт-Петербург, 27 февраля 2021 г. / под ред. Л.А. Аликбаевой. СПб., 2021. С. 72–79.
3. *Пшенникова Г.М.* Изучение проблемы эпилепсии у детей в Республике Саха (Якутия) // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия «Медицинские науки». 2023. 4. С. 48–54. doi: 10.25587/SVFU.2023.64.14.005

УДК 159.972

doi: 10.17223/9785907890527/2025/56

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА РАССТРОЙСТВ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Дарья Викторовна Силаева¹, Елена Владимировна Гуткевич^{1,2}

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

² *Томский национальный исследовательский медицинский центр РАН
Научно-исследовательский институт психического здоровья, Томск, Россия*

Искаженное восприятие еды, веса и телесной формы является основным фактором в развитии и сохранении расстройств пищевого поведения. Поддержка пациентов с такими расстройствами требует совместных усилий психиатра, психотерапевта, психолога, лечащего врача и диетолога.

Научные исследования подтверждают биопсихосоциальную модель расстройств пищевого поведения, включая генетические, психологические и социальные факторы. Особенно важной является неудовлетворенность телом, наиболее ярко проявляющаяся у женщин. Низкая самооценка и интернализация идеала худобы предсказывают неудовлетворенность телом, наряду с факторами, такими как высокий индекс массы тела и социальное давление. Профилактические программы чаще всего ориентированы на девочек-подростков в средней школе и молодых людей, в то время как вмешательства для мужчин и взрослых редки. Успешные программы, направленные на один или несколько факторов риска, основанные на когнитивных или поведенческих подходах, включают контент о здоровом питании, медиаграмотности, социокультурном давлении и принятии тела или удовлетворенности телом [2, 3].

Программы на основе когнитивного диссонанса эффективно снижают факторы риска расстройств пищевого поведения у женщин с неудовлетворенностью телом. Например, программа Body Project включает групповые сессии, включающие упражнения на развитие мышления, открытое обсуждение проблем, связанных с образом собственного тела, оспаривание утверждений об идеальной худобе, домашние упражнения и ролевые игры. Эти вмешательства продемонстрировали снижение расстройств пищевого поведения на 60%. Когнитивно-поведенческая терапия, программа здорового веса, медиаграмотность и психообразование также были эффективны для выборочной профилактики, и эффекты сохранялись при последующем наблюдении. Когнитивно-поведенческая терапия поддерживалась для профилактики, и эффекты сохранялись при последующем наблюдении. Также было обнаружено, что как онлайн вмешательства на основе диссонанса, так и онлайн когнитивно-поведенческие вмешательства эффективны для снижения факторов риска расстройств пищевого поведения в группе высокого риска, и оба подхода и теории следует рассматривать для профилактики расстройств пищевого поведения [5].

Универсальные программы, направленные на различные группы, менее эффективны, но имеют высокую приемлемость. Примером данной программы может служить «Togera», направленная на снижение поведения, связанного с перееданием, с помощью сообщений о самооценке, физической активности, управлении негативными эмоциями и избегании цикла переедания и диеты. Данное вмешательство смогло вызвать значительное повышение самооценки и снижение неупорядоченного поведения в еде у представителей обоих полов после вмешательства, однако медианное влияние самооценки на поведение в еде наблюдалось только у женщин [1].

Программы медиаграмотности, такие как «Media Smart», учат критически относиться к медиа и снижают беспокойство о весе. Программа «Media Smart-Targeted» показала значительное снижение развития расстройств пищевого поведения у женщин с повышенным риском.

Профилактика на основе осознанности, включающая медитацию и дыхательные упражнения, также продемонстрировала положительные эффекты в снижении негативных эмоций и повышении самооценки, особенно среди женщин. Сравнение методов показывает, что интеграция осознанности и когнитивного диссонанса может повысить эффективность.

Онлайн-программы профилактики, хотя и менее эффективны по сравнению с очными, показали умеренное снижение симптомов расстройств пищевого поведения и факторов риска. Например, программа «Студенческие тела» привела к снижению стремления к худобе. Однако для окончательных выводов необходимы дополнительные исследования [4].

В заключение, эффективные профилактические программы, такие как те, что основаны на когнитивном диссонансе и медиаграмотности, демонстрируют значительные результаты в снижении факторов риска и улучшении самооценки, особенно среди девушек школьного возраста. Тем не менее, существует необходимость в расширении вмешательств для мужчин и взрослых, а также в дальнейших исследованиях, особенно касающихся онлайн программ. Интеграция различных подходов может повысить эффективность профилактики и поддержки пациентов с расстройствами пищевого поведения.

Литература

1. Berger U., Schaefer J.M., Wick K., Brix C., Bormann B., Sowa M., Schwartze D., Strauss B. Effectiveness of reducing the risk of eating-related problems using the German school-based intervention program, “Torera”, for preadolescent boys and girls // *Prevention Science*. 2014. Vol. 15, is. 4. P. 557–569. doi: 10.1007/s11121-013-0396-4.
2. Canals J., Arijal Val V. Risk factors and prevention strategies in eating disorders // *Nutricion Hospitalaria*. 2022. Vol. 39. P. 16–26. DOI: 10.20960/nh.04174.
3. Grammer A.C., Fitzsimmons-Craft E.E., Laing O., De Pietro B., Wilfley D.E. Eating disorders on college campuses in the United States: Current insight on screening, prevention, and treatment // *Curr. Psychopharmacol.* 2020. Vol. 9, is. 2. P. 91–102. doi: 10.2174/2211556009999200416153022.
4. Koreshe E., Paxton S., Miskovic-Wheatley J. Bryant E., Le A., Maloney D., National Eating Disorder Research Consortium, Touyz S., Maguire S. Prevention and early intervention in eating disorders: Findings from a rapid review // *Journal of Eating Disorders*. 2023. Vol. 11, is. 1. P. 38. doi: 10.1186/s40337-023-00758-3.
5. Watson H.J., Joyce T., French E., Willan V., Kane R.T., Tanner-Smith E.E., McCormack J., Dawkins H., Hoiles K.J., Egan S.J. Prevention of eating disorders: A systematic review of randomized, controlled trials // *Int J Eat Disord*. 2016. Vol. 49, № 9. P. 833–862. doi: 10.1002/eat.22577.

УДК 159.922

doi: 10.17223/9785907890527/2025/57

ВЛИЯНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РОДИТЕЛЕЙ НА ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СПОРА О ВОСПИТАНИИ И МЕСТЕ ЖИТЕЛЬСТВА

Елена Николаевна Скавинская

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

Тревожные тенденции в последнее десятилетие, свидетельствующие о кризисных явлениях в жизни семьи, объясняются нестабильностью социальной системы, материального уровня жизни, проблемами профессиональной занятости, трансформацией традиционно сложившихся

ролевой структуры семьи и распределения ролевых функций между супругами. Число разводов увеличивается.

Развод относится к ненормативному кризису семейной жизни, которому, как правило, предшествует хроническая, деструктивная, неразрешенная совокупность конфликтных ситуаций. По мнению экспертов, при разводах, сопровождающихся судебным спором, причинами конфликта между родителями являются неспособность одного или обоих родителей принять расторжение брака, трудности в переориентации отношений от супружеских к сородительским, фиксированность на собственных переживаниях, неспособность оградить ребенка от участия в родительских конфликтах, а также неспособность сфокусироваться на потребностях детей.

К факторам риска развода помимо истории создания и условий функционирования семьи можно отнести личностные факторы, среди которых главное место занимают индивидуально-типологические особенности супругов.

Большинство дел об определении места жительства ребенка после развода родителей сопровождается вынесением постановления суда о проведении психолого-педагогической экспертизы.

К числу экспертных задач можно отнести исследование индивидуально-психологических особенностей ребенка и его родителей, психического состояния ребенка, изучение внутрисемейной системы ценностей, стиля воспитания каждого родителя, сложившейся ситуации и системы межличностных отношений, прогнозирование психического и личностного развития ребенка с учетом различных вариантов условий его общения с родителями и другими родственниками (бабушки, дедушки, новые супруги родителей и т.д.).

Большая ответственность за результаты экспертизы лежит на психологе, часто именно интерпретация отношений в семье становится ключевой для вынесения решения суда. Важным становится выявление маркирующих факторов, определяющих дальнейшую благополучную жизнь ребенка.

Целью исследования результатов пятидесяти судебных психологических экспертиз, проводимых на базе Центра «Семья», стало выявление взаимосвязи психологических особенностей родителей и влияния, которое оказывается на ребенка в плане формирования образа другого родителя.

Экспертизы проводились в семьях с конфликтом о месте жительства ребенка стандартными методами: личностный опросник СМИЛ (Л.Н. Собчик), «Взаимодействие родитель-ребенок» (И.М. Марковская), «Анализ семейных взаимоотношений» (Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис), цветовой тест Люшера, проективные методики (рисунок семьи, незаконченные предложения, сочинение «Мой ребенок» и т.д.), беседы, наблюдение за взаимодействием ребенка с родителями.

В ходе исследования сформировался основной вопрос: какая характеристика родителя влияет на отношения ребенка с другим родителем, а значит, и на желание жить с ним.

Была выдвинута гипотеза – эгоцентричный родитель может негативно влиять на отношения ребенка с бывшим партнером и его окружением.

В рамках данного исследования количественно-качественный анализ параметров семейной системы позволил установить соответствие ряда индивидуально-психологических особенностей родителей, участников споров о воспитании детей, специфике структуры семейного конфликта и характеру детско-родительских отношений.

Позитивными и благоприятными как в плане преодоления негативных последствий развода, так и сохранения гармоничных детско-родительских отношений выступили черты личностной зрелости у представителей обоих полов. К негативным и потенциально неблагоприятным характеристикам родителей можно отнести черты демонстративности у представителей обоих полов и ведущую тенденцию в виде фактора аффективной ригидности у мужчин.

В семьях, выбранных для исследования, черта эгоцентричности отмечалась у матерей. В ходе исследования в большинстве семей подтвердилось проецирование негативного отношения к отцу на ребенка, однако каждый случай является индивидуальным. Например, в семье, где ребенок проживал отдельно от матери, соответственно меньше с ней контактировал, такого влияния замечено не было.

Следующие примеры характеристик участников спора иллюстрируют разное сочетание индивидуальных особенностей родителей, которое формирует негативное отношение ребенка к отцу.

Отец: повышенная вспыльчивость, слабый самоконтроль, средняя степень лабильности.

Мать: демонстративные черты, эгоцентричность, склонность к манипуляции.

Ребенок: послушный, неконфликтный, с зачатками самостоятельности и независимости. Не обнаружено признаков повышенной внушаемости, однако присутствует установка на протест относительно отца.

Отец: жизнелюбие, позитивность, склонность к миролюбию.

Мать: агрессивная позиция, импульсивность, эгоцентричность, склонность к манипулированию, демонстративность.

Ребенок: спокойный, терпеливый, любопытный. Есть задержка речи. Отстраненность от отца.

Отец: эмоциональная неустойчивость, склонность к страхам и беспричинной озабоченности, впечатлительность.

Мать: обидчивость, вспыльчивость, эгоцентричность, склонность к отстаиванию своего авторитета.

Ребенок: уверенный в себе, подвижный, интеллектуальное развитие выше среднего. Эмоциональное состояние стрессовое, фрустрирующее. Считает отца слабым.

При обработке результатов выявились два основных вида отцов. Первый – вспыльчивые, недоверчивые люди с возможной склонностью к агрессии, обладающие низким уровнем самоконтроля и эмоциональной неустойчивостью.

Второй тип напротив отличается жизнелюбием, позитивным настроением, склонностью к избеганию конфликтов, стремлением к компромиссу.

Основными чертами в психологических портретах матерей стали: эгоцентричность, вспыльчивость, импульсивность, склонность к манипуляции и демонстративным поступкам. При наблюдении за поведением матерей в процессе экспертизы фиксируются манипулятивные паттерны и трансляция враждебного отношения к отцу ребенка.

Гипотеза подтвердилась. Родитель, склонный к эгоцентричности, вполне может оказывать негативное влияние на отношения ребенка с другим родителем, проецируя свои обиды через ребенка, особенно при условии постоянного проживания с ним или регулярного общения. В 80% случаев это матери.

Результаты исследования могут быть полезны практическим психологам в консультировании разведенных пар для определения задач коррекции поведения родителей в пользу интересов ребенка, а также в профессиональной деятельности специалистов, специализирующихся на судебной психологической экспертизе, в оказании помощи суду для наилучшего решения в споре между отцом и матерью об определении места жительства детей.

Литература

1. Анкаева С.А., Волошко В.В. Влияние отсутствия отца на формирование личности ребенка // Смоленский медицинский альманах. 2019. № 4. С. 126–128.
2. Вареца Е.С., Скиба Н.В. Изучение стилей семейного воспитания // Новая наука: От идеи к результату. 2016. № 1–3. С. 47–51.

3. *Енгальчев В.Ф., Казарян Г.А.* Судебно-психологическая экспертиза. Ереван : Ереванский государственный медицинский университет им. М. Гераци, 2017. 208 с.
4. *Ковалевич А.А.* Влияние детско-родительских отношений в семье на развитие эмпатии у ребенка // Студенческий вестник. 2019. № 18. 1(68). С. 62–65.
5. *Логунова Е.В. Ушакова Е.Л.* Влияние стиля родительского воспитания на развитие и становление личности ребенка // *Paradigmata poznani*. 2021. № 1. С. 28–31.

УДК 159.93:159.97

doi: 10.17223/9785907890527/2025/58

АЙТРЕКИНГ В НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ЗРИТЕЛЬНОГО ГНОЗИСА У ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЕМ СЛУХА

Яна Константиновна Смирнова

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», Барнаул, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ 24–28–20061 «Айтрекинг исследование трудностей обучения, связанных с особенностями визуального внимания у детей с нарушением слуха».

Данные предыдущих исследований позволяют предположить, что период глухоты на ранних стадиях развития может вызывать вторичные нарушения навыков зрительной обработки информации [3]. Также считается, что слуховая депривация приводит к дефициту зрительного избирательного внимания [4].

Ранее была обнаружена специфика зрительно-моторной интеграции и зрительно-пространственной обработки информации у детей с нарушением слуха. Показано, что дети с нарушением слуха демонстрируют атипичную зрительную последовательность обработки информации по сравнению с нормально слышащими детьми того же возраста [2]. Другие исследования показывают противоречивые данные о том, что глухие люди могут лучше справляться с задачами, требующими зрительно-пространственной когнитивной обработки, чем слышащие [1–3, 5]. Поэтому актуальным является выявление того, нарушен ли зрительный гнозис у детей с нарушением слуха.

Изучение зрительного гнозиса ребенка позволяет оценить не только его возможности по переработке зрительной информации, но и те процессы, которые отражаются на способности к зрительному анализу и синтезу (нейродинамические характеристики, программирование и контроль, ориентировка в зрительном поле). Особую роль играет изучение связей зрительного образа и слова в дальнейшем обучении речи детей с нарушением слуха. При опоре на предыдущие исследования, мы исходили из предположения, что у глухих детей могут возникнуть специфические нарушения зрительной обработки информации. Однако на сегодняшний день данные о состоянии зрительного гнозиса детей с нарушением слуха противоречивы и фрагментарны. Еще одной проблемой в изучении зрительного гнозиса детей с нарушением слуха являются используемые методы, а также особенности психологической диагностики детей с сенсорными нарушениями. Долгое время отсутствовали исследовательские инструменты для объективного отображения перцептивной деятельности, в том числе детей с нарушением слуха. С развитием технологий метода айтрекинга стало возможно объективно проследить специфику перцептивных процессов, регистрируя движения глаз.

Мы объединили исследовательский потенциал классического нейропсихологического подхода с методологией айтрекинга с целью детального изучения через движения глаз нерав-

номерности развития слуховой, зрительной и вербальной функции в переработке информации у детей с нарушением слуха. Задачей стало провести не только классическую нейропсихологическую оценку зрительного гнозиса у детей с нарушением слуха, но и получить новые данные отслеживания движения взгляда при выполнении нейропсихологических проб.

В исследовании приняли участие кохлеарноимплантированные дошкольники с нарушением слуха ($N = 15$) и типично развивающиеся дошкольники ($N = 15$) в возрасте от 5 до 7 лет ($M = 5,5$; $SD = 1,2$).

На первом этапе проводились классические нейропсихологические пробы на зрительный гнозис, на втором этапе применялся айтрекинг для фиксации движения глаз в процессе выполнения нейропсихологических проб дошкольниками.

В нашем исследовании подтверждается слабость процессов переработки зрительной информации, слабость холистической стратегии и синтеза, фрагментарность восприятия при выполнении нейропсихологических проб у детей с нарушением слуха.

Анализ стратегий паттерна движения глаз, зафиксированный айтрекером при выполнении нейропсихологических проб, позволил выделить ряд особенностей зрительной переработки информации у детей с нарушением слуха в отличие от типично развивающихся детей: хаотичный поиск, изменение последовательности опознавания, снижение меры заметности («узнаваемости») изображений. У детей с нарушением слуха отличается длительность пути сканирования, пространственной плотности фиксаций, регулярность сканирования, направление сканирования при опознавании изображений. У детей с нарушением слуха наблюдаются более хаотичные движения, много фиксаций в нерелевантных зонах и самих фиксаций больше, чем у типично развивающихся детей. Дети с нарушением слуха делают больше возвратов в уже просмотренные зоны. На тепловых картах также видно, что области зоны интереса у дошкольников с нарушением слуха в отличие от типично развивающихся детей также рассредоточены и часто располагаются не в релевантных областях.

При помощи Т-критерия Стьюдента были выявлены различия в паттернах движения глаз у детей с нарушением слуха и типично развивающихся детей при выполнении нейропсихологических проб на зрительный гнозис.

У детей с нарушением слуха наблюдается больший период времени до первой фиксации, чем у типично развивающихся детей ($p = 0,002$). Детям с нарушением слуха требуется больше времени, прежде чем они заметят необходимое изображение, как быстро оно привлекло их внимание.

У детей с нарушением слуха в отличие от типично развивающихся детей ниже средняя амплитуда саккад на области интереса ($p = 0,043$). Чем меньше показатель амплитуды саккад, тем больше когнитивная нагрузка. Детям с нарушением слуха сложнее обработать изображение и узнать предмет, что отображает более высокую ментальную нагрузку при выполнении проб.

Достоверно отличаются у детей с нарушением слуха длительность фиксаций и время просмотра ($p = 0,0001$), что можно интерпретировать как снижение меры интереса. Общее время просмотра, с одной стороны, связано со скоростью обработки информации, отображающая общую сложность; с другой стороны, этот показатель можно рассматривать как степень интереса к объекту.

Литература

1. Bavelier D., Dye M.W., Hauser P.C. Do deaf individuals see better? // Trends Cogn. Sci. 2006. Vol. 10 (11). P. 512–518.
2. Conway C., Pisoni D., Kronenberger W. The importance of sound for cognitive sequencing abilities: The auditory scaffolding hypothesis // Current Directions in Psychological Science. 2009. Vol. 18. P. 275–279.

3. Conway C.M., Karpicke J., Anaya E.M., Henning S.C., Kronenberger W.G., Pisoni D.B. Nonverbal cognition in deaf children following cochlear implantation: Motor sequencing disturbances mediate language delays // *Developmental Neuropsychology*. 2011. Vol. 36. P. 237–254.
4. Dye M., Hauser P., Bavelier D. Visual attention in deaf children and adults // *Deaf cognition: Foundations and outcomes*. Oxford : Oxford University Press, 2008. P. 250–263.
5. Marschark M., Edwards L., Peterson C., Crowe K., Walton D. Understanding theory of mind in deaf and hearing college students // *Journal of Deaf Studies and Deaf Education*. 2019. Vol. 24 (2). P. 104–118.

УДК 378.147

doi: 10.17223/9785907890527/2025/59

СПЕЦИФИКА ПОДГОТОВКИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА ПО РАБОТЕ С МОЛОДЕЖЬЮ В ТРАНЗИТИВНОМ МИРЕ

Екатерина Гавриловна Сырямкина

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

Транзитивное общество связывают с трансформирующимся, модернизирующимся, становящимся, изменяющимся обществом. Данные транзитивные периоды со своим возможным набором альтернатив, с проблемой выбора человека из этих альтернатив, человеческими предпочтениями, оценками и ценностями по отношению к тем процессам, которые происходят в самом транзитивном периоде, позволяют подобные периоды рассматривать в качестве некоторых отправных моментов для формирования новых видов человеческой практики, в том числе и профессиональной [3].

Чтобы действовать адекватно, важно понимать, в какой ситуации мы находимся. Именно это и попытались сделать авторы VUCA, BANI и SHIVA миров. Мир VUCA (1985) Volatility – изменчивый, Uncertainty – неопределенный, Complexity – сложный, Ambiguity – неоднозначный; мир BANI (2016) Brittle – хрупкий, Anxious – тревожный, Nonlinear – нелинейный, Incomprehensible – непостижимый; мир SHIVA (2022) Split – расщепленный, Horrible – ужасный, Inconceivable – невообразимый, Vicious – беспощадный, Arising – возрождающийся.

Уже по годам появления авторских описаний картин современного мира мы можем констатировать, как стремительно меняется общество. Но неизменным остается одна ключевая характеристика представленных периодов – это непостижимые, тревожные и хрупкие миры, что, безусловно, требует осмысления тенденций и личностных ресурсов развития современного человека, в том числе и в профессиональной деятельности. Адекватные качества реагирования личности, так называемые «противоядия» [4], предложены самими авторами: формирование видения, понимание, быстрота, устойчивость, внимательность, гибкость, трансформация.

Что же может стать опорой человеку в таком зыбком мире? Необходимо осваивать новые компетенции. Причем не столько хард скиллз, сколько софт и селф компетенции. Исследователи пришли к выводу, что успех в карьере зависит от наличия гибких навыков на 85%, а от жестких – на 15%. Но, безусловно, профессионал должен обладать данными компетенциями в совокупности.

Если для оперативного развития жестких и гибких профессиональных навыков есть развернутая система дополнительного профессионального образования (курсы повышения квалификации, профессиональной переподготовки и подготовки), то софт и селф компетенции – в большей степени формируются самим человеком на протяжении всей жизни.

На протяжении многих лет на факультете психологии существует и совершенствуется каждый год такая модель сопровождения студентов подготовки «Организация работы с молодежью», которая направлена на развитие как профессиональных компетенций, так и надпрофессиональных, универсальных, необходимых в неустойчивом мире.

Ядром сопровождения является создание первокурсником своей индивидуальной образовательной траектории, определенной формой самосопровождения. ИОТ представляет собой намеченный путь жизни в университете, отраженный с помощью карты компетенций, лепестковой диагностики и диагностики fish born. На третьем курсе студенты вновь составляют ИОТ и описывают свою динамику за два года. Процесс самосопровождения позволил совместно со студентами вычленив такие софт компетенции для вышеуказанных транзитивных периодов, как системное мышление, контекстное видение, проектная культура, критическое мышление, способность работать в команде, лидерство, трансцендуальное мышление [1], межкультурное взаимодействие, креативность.

Однако опорой, стержнем личности в профессии и жизни в транзитивном обществе являются компетенции селф – самости: коммуникативность, управление эмоциями, самопознание, понимание своих интересов, эмпатия, умение расставлять приоритеты, саморазвитие, построение личных траекторий, эмоциональный интеллект, забота о себе.

Таким образом, в процессе работы над индивидуальной образовательной траекторией повышаются не только soft и hard компетенции, но и развиваются self-компетенции. ИОТ учит выстраивать собственный путь развития [2], самому ставить цели и находить ресурсы для их достижения. ИОТ в полной мере способствует:

– самообразованию (способности студентов находить личные смыслы в обучении и мотивировать себя на получение компетенций, способности приобретать знания, умения и навыки без помощи обучающихся лиц);

– самомотивации (способности сохранять мотивацию и побуждать себя к исполнению целей);

– самоопределению (способности самостоятельно строить свои жизненные планы, определять вектор своего профессионального развития).

Литература

1. Данилова Н.С. Трансцендуальное мышление в принятии управленческих решений. С. 170–172. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/300640/1/170-172.pdf> (дата обращения: 01.10.2024).
2. Сырямкина Е.Г., Мажина Я.И. Индивидуальная образовательная траектория как инструмент развития self-компетенций у студентов // Теория и практика организации работы с молодежью: сборник материалов II Международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 24 марта 2023 г.) / под общ. ред. Н.Г. Кузнецова, Т.Б. Оганян. Ростов н/Д, 2023. С. 294–300.
3. Тимофеенко В.А. Транзитивное общество в контексте философии и права: историко-ретроспективный подход // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2 (ч. 2). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21561> (дата обращения: 04.10.2024).
4. *Jamais Cascio*. Facing the Age of Chaos. 2020. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/476185-vse-v-bani-rocemu-tak-nazyvaetsa-novaa-trevoznaa> (дата обращения: 16.09.2024).

УДК 159.99

doi: 10.17223/9785907890527/2025/60

ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ КАРЬЕРА КАК УСЛОВИЕ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ДИНАМИКЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Татьяна Александровна Терехова, Наталья Геннадьевна Радзион

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», Иркутск, Россия

В динамике социальных трансформаций в связи с новыми социально-политическими вызовами необходимым и важным является умение адаптироваться. По словам В.Д. Балина, адаптация состоит из отражения и регуляции. «Отражение осуществляется путем выделения в среде объективных признаков (этим занята экзопсихика) и соотнесения их с генетической памятью (это в конечном счете связано с деятельностью эндопсихики). Соотнесение двух потоков информации позволяет мезопсихике совершать поведенческий акт, способствующий адаптации» [1, с. 9]. В этом процессе представляет интерес то, каким образом происходит восприятие информации из «среды». Согласно теории возможностей Дж. Гибсона, при обращении внимания на объекты окружающего мира воспринимаются их возможности, а не качества, и воспринимаются они в качестве инвариантного сочетания переменных, наиболее удобного для восприятия. Выделяются те признаки, которые отличают «вещь» от других, но не все характеристики, которые идентифицируют ее ото всего остального [2]. Именно смыслы являются той субъективной «разметкой» объективной реальности, посредством которой из безразличного окружения выделяется то, что соответствует человеку здесь и теперь как необходимое условие жизни [3]. Анализ научных работ, посвященных исследованию адаптивных возможностей субъекта деятельности в современном транзитивном мире, показал тенденцию на рост совмещения различных видов активностей в пространстве жизнедеятельности человека. Данный формат занятости определяется как наиболее доступный ресурс жизнеобеспечения. Большинство аргументов такого факта приведено в научной литературе по экономике. Достаточно изучен этот вопрос с точки зрения социологии, педагогики, юриспруденции, но стоит отметить большое разнообразие представленных результатов. Выход из такого квазимножества разнохарактерной (разномодальной) информации можно найти путем выявления инвариантных характеристик изучаемого явления. Пожалуй, только науке психологии под силу свести все эти данные в целостную организованную совокупность экологических возможностей (согласно Дж. Гибсону) многогранной деятельности, с применением общенаучного принципа инвариантности и общепсихологического принципа единства сознания и деятельности. С этой целью проведено эмпирическое исследование совмещенного формата занятости как отдельного вида деятельности при самореализации личности в современных культурно-исторических условиях.

На этапе выбора обозначения изучаемого объекта из большого массива употреблений, таких как: двойная, вторичная, многогранная, гибридная, поливариативная, безграничная, многоплановая, мобильная, сопряженная, изменчивая, разнообразная, параллельная, дополнительная занятость, был определен термин «параллельная карьера» [4]. Именно он включает расширенное содержание понятия «вторичная занятость» в сторону продолжительности совмещения дополнительной и основной активности как минимум от 6 месяцев, а не разовой подработки, что отражено в понятии «карьера». И употребление обозначения «параллельная» с высокой точностью указывает на одновременность «присутствия» субъекта в разных направлениях занятости в пространстве своей жизнедеятельности, что не означает непосредственное участие человека во всех активностях в моменте «здесь и сейчас». Таким образом, термин «параллельная карьера» охватывает в себе деятельностный, пространственный и временной аспекты. Стоит добавить, что не имеет значение, связаны ли при этом карьеры,

заработана ли финансовая компенсация и есть ли у человека работодатель или он работает не по найму.

Основным результатом проведенной работы стало получение функционального инварианта экологических возможностей параллельной карьеры для самореализации личности, состоящего из девяти факторов. Данная модель обнаружена путем составления авторского опросника по 90 существенным признакам параллельной карьеры, выявленным при анализе научной литературы по данной проблематике. С опорой на методологические принципы единства сознания и деятельности и развития психики в деятельности было сформулировано допущение о том, что параллельная карьера является важным условием самореализации личности. После апробации опросника на выборке из 151 респондента проведена проверка однородности сочетания каждого из 90 вопросов, относящихся к выделенным 90 признакам параллельной карьеры, и вопроса, относящегося к сформулированному допущению. Проверка на однородность проводилась с использованием критерия альфа Кронбаха. В результате, в конечную версию опросника вошли 27 вопросов, включающие вопрос про сформулированное допущение и 26 вопросов по существенным признакам параллельной карьеры. При проверке итоговой версии опросника на однородность получен коэффициент альфа Кронбаха, равный 0,836, что свидетельствует о достаточной степени надежности (однородности) методики. Далее, к результатам апробации конечного варианта опросника применен факторный анализ. В факторном анализе использовались 27 переменных. Приемлемость проведения факторного анализа подтверждена мерой адекватности выборки Кайзера–Майера–Олкина (КМО) равной 0,761, что больше 0,5 и критерием сферичности Бартлетта: примерно 11 квадрат = 945,021, ст.св. = 351, значимость = 0,000. Метод выделения факторов представил метод главных компонент. Метод вращения – варимакс с нормализацией Кайзера. Вращение сошлось за 16 итераций. Выявленная факторная модель объясняет 61,446% совокупной дисперсии. Таким образом, было установлено 9 компонентов. Подробное раскрытие свойств, входящих в состав каждого фактора представлено в предыдущем исследовании [4]. В результате качественного анализа значений и содержания каждого фактора приведена интерпретация элементов полученной модели: фактор 1 – выход из зоны комфорта; фактор 2 – проактивность; фактор 3 – контроль; фактор 4 – многофункциональность; фактор 5 – опыт; фактор 6 – преобладание; фактор 7 – свобода выбора; фактор 8 – интерактивность; фактор 9 – вариативность.

Статистические данные, полученные в результате исследования, позволяют утверждать, что параллельная карьера как отдельный вид деятельности в процессе самореализации выражается в 9-факторной модели и является функциональным инвариантом экологических возможностей параллельной карьеры на пути к реализации своей самости субъектом.

Литература

1. *Балин В.Д.* Психическое отражение: элементы теоретической психологии. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2000. 328 с.
2. *Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию : пер. с англ. / под общ. ред. и вступ. ст. А.Д. Логвиненко. М. : Прогресс, 1988. 464 с.
3. *Клочко В.Е.* Закономерности движения психологического познания: проблема ценностей и смысла в призме транспективного анализа // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / отв. ред. В.В. Знаков, Г.В. Залевский. М. : Институт психологии РАН, 2008. С. 41–61.
4. *Радзион Н.Г.* Психологическое содержание параллельной карьеры как условия самореализации личности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12, № 10А. С. 89–95.

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ У СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ОБУЧЕНИЙ

Елена Сергеевна Тетерина

Сибирский университет потребительской кооперации, Новосибирск, Россия

В данном исследовании рассмотрена гендерная специфика профессиональных предпочтений студентов гуманитарных направлений обучения. Выявлен ряд взаимосвязей. Анализируя данную проблему, важно отделить биологический пол (sex), который определяется набором генов [1], от понятия «гендер», явления социокультурного и подразумевающего под собой некую совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола [2]. О.А. Воронина подчеркивает, что «гендер» создается самим обществом как социальная модель женщин и мужчин, которая определяет их положение и роль в обществе, семье, культуре, образовании, профессиональной деятельности и т.д.

Проведя теоретический анализ взглядов ученых на специфику гендерного распределения ролей, отмечено, что подходы менялись с течением времени. Традиционный подход основывается на различии общественных ролей по половому признаку и носит иерархический характер, где женщина имеет подчиненное положение, а мужчина – господствующее. Культурные стереотипы описывают женщин как слабых, нежных и пассивных – данные качества описываются понятием «фемининность», мужчинам приписывают такие свойства как: сила, агрессивность, активность, энергичность, смелость, что является признаком «маскулинности» [3].

Сегодня ученые придерживаются мнения, что максимальное соответствие установок и реакций полоролевому стереотипу, не только не является гарантией психологического благополучия и здоровья, но и может служить причиной возникновения ряда уязвимостей. В ходе исследований было выявлено, что доминирование «фемининности» у женщин сопровождается чувством неуверенности в себе, повышенной тревожностью, низкой самооценкой, самоуважением. «Высокомаскулинные» подростки обладают большей уверенностью в себе, и удовлетворены своим положением в группе сверстников, однако с возрастом (после 30 лет) эти мужчины демонстрируют повышение уровня неуверенности в себе и неудовлетворенности. В то время как, мужчины и женщины более свободные от жестких рамок соответствия полоролевым стереотипам, обладают гибкостью поведения, более разнообразным набором поведенческих реакций, и, в целом, более психологически благополучны [3, 4].

В основании данного исследования лежит предположение, что студенты гуманитарных специальностей, имеют профессиональные предпочтения, которые внутри выборки также содержат гендерные различия. Традиционно гуманитарная сфера знаний считается женской, однако взгляды меняются, в ней появляются новые профессии, которые все чаще выбирают мужчины, например, юристы, психологи. Наша выборка демонстрирует это явление: в исследовании приняли участие 310 студентов, среди которых 82 представителя мужского пола и 228 – женского пола. Для проведения исследования применены методики: 1) «Определение профессионально-психологического типа личности» (С.В. Духновский); 2) «Опросник профессиональных предпочтений» (А.Н. Воробьев и др.).

Для анализа данных использован *U*-критерий Манна–Уитни. Согласно показателям «Опросника профессиональных предпочтений», студенты мужского пола показали высокий уровень значимости шкал «реалистический» ($U = 3\,738,0$; $p = 0,001$) и «предприимчивый» ($U = 7\,660,5$; $p = 0,015$), что свидетельствует о практической направленности интересов, нацеленности на конкретный результат, и использование практического мышления, а также, склонность к социальному признанию, лидерству, власти. Женская группа показала значимые резуль-

таты по шкалам «социальный» ($U = 7\,931,0$; $p = 0,042$) и «артистичный» ($U = 6\,481,0$; $p = 0,001$), которые характеризуются стремлением опираться на свои эмоции, интуицию, воображение при принятии профессиональных решений, а также о склонности к творческим профессиям, связанным с социальным взаимодействием.

Согласно данным методики «Профессионально-психологический тип», студенты мужского пола показывают высокий уровень значимости по шкале «Исполнитель» ($U = 7\,422,0$; $p = 0,006$), которая характеризуется стремлением избежать ответственности, тенденцией к подчиненности, исполнительности и поиску покровительства влиятельных лиц, а также, репродуктивном интеллекте и практичности мышления, выбором более конкретных профессиональных задач.

Исследование показало, что студенты мужского пола гуманитарного направления более склонны к профессиональной роли исполнительского типа, чем к выбору роли руководителя, генератора или коммуникатора, в то время как, студенты женского пола не показали значимых предпочтений при выборе профессионально-психологического типа личности. Также мужская группа респондентов проявила склонность к практической, конкретной деятельности, которая не требует развитых коммуникативных навыков и к предпринимательству, которое, вероятно, ассоциируется с легким способом обогащения и достижения социальных благ. Респонденты женского пола продемонстрировали выраженную склонность к артистическим и социальным видам деятельности, что соответствует выбранному профилю обучения.

Данное исследование позволяет расширить представление о гендерной специфике профессиональных выборов студентов гуманитарных направлений обучения. Полученные данные подтверждают наличие гендерной специфики, влияющей на профессиональный выбор, что получило статистическое подтверждение, даже среди студентов одного и того же направления обучения. Данное явление требует, на наш взгляд, дальнейшего, более углубленного изучения, так как содержит в себе перспективы к обнаружению новых интересных данных, расширяющих представление о гендерных различиях при совершении профессиональных выборов.

Литература

1. *Бутовская М.Л.* Антропология пола. URL: http://elementy.ru/lib/432080?page_design=print
2. *Воронина О.А.* Гендер, словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой. М.: Информация XXI век, 2009. 234 с. URL: <http://www.owl.ru/gender/010.htm>
3. *Кон И.С.* Психология половых различий // Вопросы психологии. 1981. № 2. С. 53.
4. *La France M., Carmen B.* The nonverbal display of psychological androgyny // Journal of Personality and Social Psychology. 1980. Vol. 38. P. 36–49.

УДК 159.99:378.1

doi: 10.17223/9785907890527/2025/62

ГЕЙМИФИКАЦИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СТАНОВЛЕНИИ БУДУЩИХ КЛИНИЧЕСКИХ ПСИХОЛОГОВ

Иван Васильевич Титков

*ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет
имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» Министерства здравоохранения
Российской Федерации, Красноярск, Россия*

Профессиональное становление студентов высших учебных заведений, особенно в области клинической психологии, сопровождается значительными психоэмоциональными трудностями. Исследования показывают, что зачастую студенты младших курсов испытывают тре-

вожные состояния, связанные с неопределенностью профессионального выбора и адаптацией к образовательной среде [1, с. 123; 3, с. 45]. Эти трудности негативно влияют на мотивацию и эмоциональную устойчивость, которые критичны для будущей профессиональной деятельности психологов. Для решения этих проблем актуальна идея создания образовательной среды, которая способствует снижению тревожности и развитию вовлеченности студентов с первых лет обучения.

Ресурс вовлеченности студентов играет решающую роль в их профессиональном становлении. Исследования показывают, что чем выше вовлеченность, тем успешнее адаптация студента к образовательной среде, его профессионализация и жизнеосуществление [4, с. 52]. Это особенно важно для будущих клинических психологов, чья работа требует эмоциональной устойчивости, эмпатии и способности к саморегуляции. Вовлеченность помогает студентам развивать профессиональную идентичность и справляться с психоэмоциональными нагрузками, которые неизбежны в процессе обучения и в будущей практике. Поэтому важно внедрять в образовательный процесс подходы, которые поддерживают высокий уровень мотивации и вовлеченности.

Одним из современных подходов к дизайну образовательной среды является геймификация, которая представляет собой интеграцию игровых элементов в образовательный процесс. Это позволяет сделать обучение более интерактивным и увлекательным, способствуя повышению мотивации и вовлеченности студентов. Студенты начинают воспринимать себя как активных участников учебного процесса, что способствует развитию субъектности и улучшает их способность к самоорганизации. Важно отметить, что геймификация способствует развитию soft skills – навыков, которые необходимы для успешной профессиональной деятельности: критическое мышление, коммуникация, командная работа и эмоциональная саморегуляция. Для будущих клинических психологов эти навыки являются критически важными, так как их профессия требует не только глубоких теоретических знаний, но и высокой эмоциональной устойчивости в работе с пациентами.

Одним из эффективных инструментов геймификации является использование виртуальных симуляций взаимодействия с пациентами. Такие симуляции позволяют студентам отработать навыки эмпатии, эмоционального самоконтроля и стрессоустойчивости в безопасной игровой среде. Виртуальные сценарии взаимодействия помогают студентам учиться на ошибках без риска для реальных пациентов, что снижает уровень тревожности и повышает уверенность в своих силах. При создании симуляционных сценариев важную роль играет механика нарратива – создание осмысленных, сюжетно связанных сценариев. Нарративные сценарии помогают студентам глубже погружаться в профессиональный контекст через сюжетно обоснованную последовательность событий и выборов. Разнообразие сюжетных линий, где каждый выбор влияет на ход симуляции, способствует более осознанному подходу к принятию решений и позволяет студентам лучше подготовиться к реальным клиническим ситуациям. Такой нарративный подход повышает вовлеченность студентов и стимулирует рефлексию, развивая способность анализировать сложные психологические кейсы в безопасной и контролируемой среде [2, с. 19].

Таким образом, геймификация представляет собой мощный инструмент в профессиональном становлении будущих клинических психологов, позволяя эффективно справляться с психоэмоциональными трудностями и повышать вовлеченность студентов в учебный процесс. Внедрение игровых элементов, таких как виртуальные симуляции и нарративные сценарии, создает безопасную образовательную среду, где студенты могут экспериментировать, учиться на ошибках и развивать ключевые профессиональные навыки без риска для реальных пациентов. Нарративные симуляции не только способствуют погружению в профессиональный контекст, но и стимулируют критическое мышление, рефлексию и принятие осознанных решений. В результате геймификация помогает студентам формировать профессиональную идентичность,

развивать эмоциональную устойчивость и навыки саморегуляции, что крайне важно для их будущей работы с пациентами.

Литература

1. Иванов В.Г., Исакова И.Р. Профессиональное становление студентов и процесс профессионализации в вузе // Вестник высшей школы. 2017. № 5. С. 123–129.
2. Макаенко Я.А. Геймификация и нарративные практики в современном образовании // Koinon. 2022. Т. 3, № 3–4. С. 19–29. doi: 10.15826/koinon.2022.03.3.4.033
3. Мосунов А.И. Психические состояния, сопровождающие студента при первичном и повторном профессиональном самоопределении // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2020. № 1. С. 45–53.
4. Павлова Е.В., Краснорядцева О.М. Ресурс вовлеченности как психологическая характеристика степени соответствия человека и образовательной среды // Сибирский психологический журнал. 2021. № 81. С. 52–78. doi: 10.17223/17267081/81/3

УДК 159.923

doi: 10.17223/9785907890527/2025/63

ОТНОШЕНИЕ К СОЦИАЛЬНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С УЧЕТОМ ГЕНДЕРНОГО ТИПА ЛИЧНОСТИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ

Ольга Ивановна Титова

*Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева», Красноярск, Россия*

Несмотря на свою консервативность, система гендерных отношений претерпевает в современном обществе существенные изменения. Ранее нами были теоретически разработаны и эмпирически верифицированы 4 гендерных типа личности [1, 2]. Гендерный тип личности представляет собой интегративную характеристику, в основе которой лежит субъективное отношение к мужчинам и женщинам как схожим или различным по своим психологическим характеристикам, а также – к иерархичности во взаимодействии мужчин и женщин.

Для описания механизмов формирования отношения к социальному взаимодействию с учетом гендерного типа личности мы отобрали характеристики, которыми респонденты с разным гендерным типом существенно различаются между собой. В соответствии с концептуальной схемой исследования установленные закономерности формирования отношения к социальному взаимодействию у представителей разных гендерных типов распределены на когнитивные, эмоциональные, поведенческие и ценностные механизмы.

Охарактеризуем, каким образом формируется отношение к социальному взаимодействию у представителей изучаемых гендерных типов.

У представителей патриархально-поляризованного типа отношение к социальному взаимодействию формируется в когнитивном аспекте путем стереотипизирования образов мужчин и женщин как участников взаимодействия, их личностных качеств и поведения. В эмоциональном плане их отношение к социальному взаимодействию характеризуется стремлением быть включенным в ситуацию, открытостью к приобретению нового опыта, воспринимаемого как источник для целей саморазвития, с одновременным переживанием дискомфорта в новых и сложных ситуациях деятельности и взаимодействия. В поведенческом плане отношение к социальному

взаимодействию определяется путем его планирования по целям, месту и содержанию. Также им свойственно рефлексивное отношение к оценке результатов взаимодействия, причин неудач и ошибок. В ценностном аспекте оно характеризуется значимостью нравственности как принципа взаимодействия в сфере семьи.

У представителей патриархально-симиларитивного типа отношение к социальному взаимодействию в когнитивном аспекте формируется посредством восприятия его как универсального в разных сферах жизни (работа, семья, друзья и др.), рационального и не зависящего от отношений с другими. Эмоциональными механизмами выступают положительное отношение к новому опыту и снижение интереса к получению от партнеров как материальных ресурсов, так и ресурсов в форме поддержки и заботы. Их поведенческие механизмы связаны со стремлением принимать вызовы ситуации и деятельности, реагируя на них, и спонтанностью во взаимодействии. Ценностные аспекты – с убеждением, что приложение усилий изменит ситуацию, и значимостью взаимности в разных сферах (работа, семья, друзья).

У представителей эгалитарно-поляризованного типа отношение к социальному взаимодействию формируется в когнитивном плане восприятием взаимодействия как не ограниченного социальными нормами, но зависящего от взаимоотношений с другими людьми. Их эмоциональные механизмы связаны с насыщением взаимодействия эмоциями и положительным отношением к новому. Поведенческие механизмы определяется выработкой собственных принципов и выраженным стремлением следовать им, одновременно со склонностью к импульсивности и непосредственностью. В ценностном плане на отношение к социальному взаимодействию влияет стремление объективно и с разных точек зрения оценивать свое общение, а также значимость принципа нравственности в сфере работы.

У представителей эгалитарно-симиларитивного типа отношение к социальному взаимодействию в когнитивном плане формируется путем критичного восприятия субъектом своих возможностей изменить ситуацию и нового опыта как источника развития и самосовершенствования.

Их отличают выраженные стереотипы о качествах мужчин и наиболее амбивалентные среди всех стереотипы о мужчинах и женщинах. Эмоциональные механизмы связаны с принятием сложных и трудноразрешимых задач и эмоциональной насыщенностью взаимодействия, но при возникновении проблемных ситуаций субъект склонен их преодолевать эмоциональным отстранением от них. Поведенческим механизмом отношения к социальному взаимодействию выступает эмоциональная поддержка и забота в отношениях с партнером, а также рефлексия переживаемых эмоций. В ценностном аспекте их отношение к социальному взаимодействию связано с осознанием субъектом целей и ценностей, стремлением оценивать людей по поступкам и значимостью взаимности.

Выводы. Формирование отношения к социальному взаимодействию у представителей разных гендерных типов происходит на основе различного сочетания когнитивных, эмоциональных, поведенческих и ценностных механизмов.

У представителей двух гендерных типов, общим признаком которых является гендерная поляризация, оценка мужчин и женщин как различающихся по своим психологическим характеристикам, ценностные механизмы формирования отношения к социальному взаимодействию похожи значимостью принципа нравственности во взаимодействии. Однако для представителей патриархально-поляризованного типа значимо следовать ему в сфере семьи, а для представителей эгалитарно-поляризованного типа – в сфере работы.

Среди изучаемых нами личностных качеств более всего для характеристики механизмов формирования отношения к социальному взаимодействию у представителей разных гендерных типов имеет значение жизнестойкость и два ее компонента – вовлеченность и контроль, в меньшей степени – толерантность к неопределенности, наименее заметной для дифференциации отличительных особенностей отношения к социальному взаимодействию с учетом гендерного типа оказалась роль альтруизма.

Литература

1. *Титова О.И.* Теоретическая концепция гендерного типа личности // Актуальные проблемы современной социальной психологии и ее отраслей : сб. науч. тр. / отв. ред. Т.В. Дробышева, Т.П. Емельянова, Т.А. Нестик, Н.Н. Хащенко, А.Е. Воробьева. М. : Институт психологии РАН, 2023. С. 503–510.
2. *Титова О.И., Позняков В.П.* Эмпирическая разработка гендерного типа личности // Вопросы психологии. 2023. Т. 69, № 1. С. 64–74.

УДК 159.99:613.2.03

doi: 10.17223/9785907890527/2025/64

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОПТИМИЗМА, ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ И СКЛОННОСТИ К РАССТРОЙСТВАМ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕВУШЕК

Юлия Владимировна Трофимова

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», Барнаул, Россия

В современной психологии пищевому поведению человека уделяется много внимания, так как это и важный аспект реализации витальной потребностей, и неотъемлемая часть социальных функций: чувственное наслаждение; общение; поддержание ритуалов или привычек, разрядка психоэмоционального напряжения и др.

И.Г. Малкина-Пых пищевое поведение определяет как «ценностное отношение к пище и ее приему, стереотип питания в обычных условиях и в случае стресса, это поведение, которое ориентировано на образ собственного тела, и деятельность по формированию данного образа» [6, с. 7].

Нарушения пищевого поведения обусловлены факторами разного порядка: биологическими (эндокринологические заболевания), генетическими (предрасположенность к деструктивному функционированию системы нейротрансмиттеров), психологическими (низкая самооценка, депрессия, чувство собственной неполноценности, эмоциональная дисрегуляция эмоций и др.), семейными, культуральными и возрастными. Совокупность факторов может способствовать возникновению расстройств пищевого поведения, под которым принято понимать группу патологических состояний, при которых человек переедает, сильно ограничивает себя в еде или испытывает эмоциональный дискомфорт из-за собственных пищевых привычек.

Исследователи-психологи сходятся в том, что пищевое поведение охватывает установки, убеждения, устойчивые формы поведения, привычки и эмоции, касающиеся еды, которые имеют индивидуальную историю возникновения и индивидуально проявляются у каждого человека. Можно отметить, что за стилем пищевого поведения могут стоять пути и степень удовлетворения аффективных потребностей (например, потребность в безопасности, в любви и принятии) [3], а также механизмы компенсации неудовлетворенных потребностей в сфере взаимоотношений [5] и др. В современных исследованиях установлена связь между нарушениями пищевого поведения и алекситимией [4], склонностью к тревожно-депрессивным реакциям, избыточной эмоциональностью [2], с психологическим дистрессом. Особое место занимает анализ взаимосвязи между нарушениями пищевого поведения и эмоциональных переживаний, в том числе аутоагрессией. Однако практически отсутствует анализ роли оптимизма в поддержании здорового пищевого поведения или в формировании нарушений пищевого поведения. Под оптимизмом будем понимать когнитивную установку, ожидания относительно будущего, а именно тенденцию человека верить в том, что в будущем его ждет

больше хороших событий, чем плохих [1]. Исследователями отмечается, что оптимисты, сталкиваясь с проблемами здоровья, характеризуются более здоровыми поведенческими паттернами, совладающим поведением и положительными эмоциями, более склонны, в целом, вести здоровый образ жизни [1].

В рамках проведенного исследования нами проверялось предположение о том, что по мере повышения склонности к риску нарушения пищевого поведению будет снижаться уровень оптимизма, а выраженность тревожно-депрессивной симптоматики будет повышаться.

В исследовании использовались: Голландский опросник пищевого поведения DEBQ, Тест пищевых аттитюдов EAT-26, Шкала дифференциальных эмоций (DES), Шкала самооценки уровня тревожности Спилберга-Ханина, Шкала депрессии А. Бека, Тест диспозиционного оптимизма в адаптации Т.О. Гордеевой, О.А. Сычева, Е.Н. Осина. В исследовании приняли участие 57 девушек в возрасте 18–24 года. Для обработки данных были использованы статистические возможности SPSS Statistics 24.

Корреляционный анализ (коэффициент Спирмена) по основным шкалам диагностических методик, использованных в исследовании, позволяет отметить, что данные по шкале оптимизма отрицательно взаимосвязаны с итоговой шкалой теста пищевых аттитюдов EAT-26, отражающей риск нарушений пищевого поведения ($r = -0,306$; $p = 0,021$). Полученные данные подтверждают наше предположение о том, что высокий риск нарушений пищевого поведения связан с низкими показателями оптимизма. Данные по шкале оптимизма отрицательно коррелируют с показателями ограничительного пищевого поведения ($r = -0,321$; $p = 0,015$) и эмоциогенного пищевого поведения ($r = -0,426$; $p = 0,001$). Так, пищевое поведение, характеризующееся избыточными пищевыми самоограничениями и попытками человека устранить эмоциональный дискомфорт связаны со снижением выраженности веры в позитивное будущее. Также нам удалось выявить положительную корреляционную связь между оптимизмом и эмоционально положительными переживаниями (Шкала дифференциальных эмоций), однако и данные шкалы оптимизма, и шкалы эмоционально положительных переживаний отрицательно коррелируют с показателями личностной и ситуативной тревожности ($r = -0,575$; $p = 0,000$ и $r = -0,479$; $p = 0,000$, соответственно), а также со шкалой депрессии А. Бека ($r = -0,677$; $p = 0,000$).

Таким образом, проведенное исследование позволяет говорить об отрицательной взаимосвязи между риском нарушения пищевого поведения, эмоциональными переживаниями и оптимизмом.

Литература

1. Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Диагностика диспозиционного оптимизма, валидность и надежность опросника ТДО-П // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18, № 1. С. 34–55.
2. Гурвич И.Н., Антонова Н.А. Психологическая детерминация пищевого поведения студенческой молодежи // Вестник СПбГУ. 2012. Вып. 2. С. 42–47.
3. Кабичева Н.О. Психологические особенности лиц с расстройствами пищевого поведения: обзор литературы // Инновационная наука. 2023. № 1–1. С. 87–90.
4. Келина М.Ю., Мешкова Т.А. Алекситимия и ее связь с пищевыми установками в неклинической популяции девушек подросткового и юношеского возраста // Клиническая и специальная психология. 2012. № 2. С. 53–65.
5. Максим О.В., Тарумов Д.А., Богдановская А.С. Психологические предпосылки формирования нарушений пищевого поведения и возможности их коррекции (обзор литературы) // Вестник новых медицинских технологий. 2023. Т. 17, № 1. С. 154–167.
6. Малкина-Пых И.Г. Терапия пищевого поведения. М. : Эксмо, 2007. 1040 с.

УДК 378.1

doi: 10.17223/9785907890527/2025/65

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ БУДУЩИХ ВРАЧЕЙ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ирина Валерьевна Турова

*ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет
имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» Министерства здравоохранения
Российской Федерации, Красноярск, Россия*

Современная медицина ставит перед врачами не только задачи высокого уровня профессиональной подготовки, но и требует владения ключевыми коммуникативными навыками. В условиях все более технологизированного и мультикультурного общества роль коммуникативной компетентности врача приобретает особую значимость, так как от качества взаимодействия с пациентами напрямую зависят эффективность лечения и удовлетворенность пациентов медицинской помощью. Опираясь на различные исследования в этой области, под коммуникативной компетентностью будущих врачей будем понимать интегративное качество личности, включающее в себя знания, умения, навыки и личностные характеристики, которые обеспечивают эффективное и этическое взаимодействие с пациентами, коллегами и другими участниками лечебно-профилактического процесса. Это многоуровневое понятие охватывает способность устанавливать доверительные отношения, проявлять эмпатию, активно слушать, четко и доступно передавать информацию, а также умение адаптироваться к различным коммуникативным ситуациям и культурным контекстам.

В последнее время медицинские вузы осознают важность формирования коммуникативной компетентности будущих врачей, однако они сталкиваются с такими проблемами как нехватка времени на формирование так называемых, «мягких навыков» в рамках интенсивных образовательных программ. Современное медицинское образование нацелено на интенсивное усвоение значительных объемов теоретического и практического материала. В этом контексте внимание к формированию коммуникативной компетентности будущих врачей часто оказывается на второстепенном месте, поскольку приоритет отдается клиническим и научным знаниям. Студенты перегружены большим количеством учебных задач, что ограничивает возможности для осознанной и целенаправленной работы над коммуникативными навыками. Это приводит к дефициту времени для развития таких важных навыков, как умение слушать пациента, проявлять эмпатию и учитывать индивидуальные особенности каждого случая.

Современные достижения медицины, такие как телемедицина, использование искусственного интеллекта, меняют характер взаимодействия врача с пациентом. Несмотря на явные преимущества технологизации, она также может приводить к «отчуждению» в коммуникации между врачом и пациентом. Технологии иногда ограничивают личное общение, снижая качество взаимодействия и доверие, которое необходимо для построения терапевтических отношений. В таких условиях будущее поколение врачей должно научиться сохранять баланс между технологическими возможностями и человеческим фактором в общении с пациентом.

Еще одним вызовом является сложности коммуникации с пациентами в условиях мультикультурного общества. Современное общество становится все более разнообразным, что влечет за собой усложнение коммуникативных ситуаций в медицинской практике. Врачи все чаще сталкиваются с пациентами, которые принадлежат к разным культурам, говорят на разных языках и имеют различные ожидания от медицинской помощи [2, с. 186–191]. Это обуславливает

необходимость в развитии у врачей межкультурной коммуникации. В образовательных программах этот аспект нередко остается недостаточно освещенным, что делает его важным направлением для дальнейшего совершенствования. Еще одной важной проблемой является эмоциональное выгорание среди медицинских работников, которое может снижать их способность эффективно взаимодействовать с пациентами. Студенты-медики сталкиваются с высоким уровнем стресса уже на этапе обучения, что может негативно сказываться на формировании коммуникативной компетентности. В условиях стресса и усталости многие врачи склонны к упрощенному общению, что снижает качество коммуникации и может негативно влиять на результаты лечения. В этой связи необходимо разрабатывать и внедрять программы, направленные на профилактику выгорания и поддержку эмоционального благополучия будущих врачей, чтобы обеспечить их способность к конструктивному взаимодействию с пациентами.

Выделенные проблемы показывают, что современные вызовы в формировании коммуникативной компетентности требуют интеграции новых подходов, которые учитывают специфические потребности и сложности, с которыми сталкиваются будущие врачи.

Одним из наиболее эффективных методов является интеграция теоретических знаний с практическими навыками. Коммуникативная компетентность не может быть развита только на лекциях, необходимо активное включение студентов в реальные или смоделированные ситуации общения с пациентами. Использование технологии стандартизированного пациента позволяет студентам отработать навыки коммуникации в безопасных условиях [1, с. 212–214]. Данная технология позволяет моделировать разные коммуникативные ситуации, которые могут возникнуть в медицинской практике. Будущие врачи учатся вести диалоги с разными типами пациентов и правильно реагировать на их эмоциональные состояния. Также студенты учатся управлять конфликтами и разрабатывать стратегии взаимодействия с пациентами, которые обладают разным уровнем информированности о своем состоянии.

Получение обратной связи от стандартизированного пациента является важным элементом в процессе формирования коммуникативной компетентности. Это позволяет будущим врачам оценивать свою работу с точки зрения различных сторон, что способствует более полному пониманию своих сильных и слабых сторон в коммуникации.

Еще одним из аспектов формирования коммуникативной компетентности является развитие эмпатии и управление собственным эмоциональным состоянием в сложных или стрессовых ситуациях. Для этого в образовательную программу необходимо включать упражнения по саморефлексии, отработки техник активного слушания и психологические тренинги на снятие эмоционального напряжения.

Таким образом, описанные методы позволят более эффективно формировать коммуникативную компетентность будущих врачей, готовя их к сложной и ответственной профессиональной деятельности.

Литература

1. Мананникова Т.В., Федорова М.А. Методика «Стандартизированный пациент» как средство формирования коммуникативно-педагогической культуры у будущих врачей-педиатров в медицинском вузе // Ученые записки Орловского государственного университета. 2020. № 3 (88). С. 212–214.
2. Ремпель Е.А., Клоктунова Н.А., Буганова А.И. Учет социально-психологических особенностей современного пациента и его ожиданий как необходимая составляющая коммуникативной подготовки будущего врача // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 1 (104). С. 186–191.

УДК 159.923

doi: 10.17223/9785907890527/2025/66

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕПРИВАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ЭПИГЕНЕЗА ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТА

Петр Романович Тютюнников

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM–2020–0040.

Проблема образовательной депривации в высшем учебном заведении на данный момент является одной из актуальных проблем социально-экономического, педагогического, психологического и прочих направлений. Это обусловлено, прежде всего, теми культурными противоречиями, которые неизбежно возникали и возникают на фоне плюрализма мнений, понимания роли и функций вуза не только в жизни отдельного человека, но и в системе функционирования государства. Если раньше вуз был призван передать некоторое образование, передать накопленный культурный багаж, затем был сделан акцент на профессиональном становлении студента, и выступал, соответственно, в качестве социального лифта, путевки в профессиональную жизнь, то сейчас эти роли, с одной стороны, смешались, с другой – были дополнены различными культурными веяниями и тенденциями. Вуз становится одновременно и местом культурного просвещения, и рынком услуг. Меняются сами модели университета, а роль, функции и предназначение вуза переосмысляются и не перестают быть предметом различных дискуссий. Тем не менее, параллельно с эволюцией теоретических взглядов и подходов к пониманию университета, протекает реальность – со своими вызовами, сложностями, проблемами, реагирование на которые необходимо в актуальный момент времени, среди которых – проблема образовательной депривации.

Современные исследования, посвященные образовательной депривации у студентов вуза, направлены, преимущественно, на изучение данного явления как потенциала, воплощающегося как следствие неэффективной, неуспешной адаптации студента-первокурсника к той новой реальности, в которой он оказался при переходе из школы в вуз [2]. Это включает в себя различные риски, связанные с новой социальной ролью, новыми требованиями, новой средой – как социальной, так и образовательной. Иными словами, с полным обновлением жизненных условий и обстоятельств, в которые погружается студент-первокурсник. Несмотря на масштаб происходящих жизненных изменений, вышеупомянутые исследования ориентированы скорее на узкий круг педагогических и социологических задач, которые решаются при помощи различных методик, опросников, тестов, анкет и позволяют осуществлять мониторинг, выявлять усредненную картину того, насколько эффективно или неэффективно студенты-первокурсники адаптируются к новым условиям [1]. Следовательно, это позволяет зафиксировать явление образовательной депривации лишь в статике, причем, зачастую, в исследовательскую оптику попадают скорее факторы, причины и условия, приводящие к возникновению образовательной депривации, а не само явление. Исходя из вышесказанного, в актуальных условиях и обстоятельствах, психологические задачи остаются нераскрытыми, неуточненными, и большой пласт психологической реальности остается в онтологической «тени».

На наш взгляд, одной из ключевых «психологических» задач в изучении образовательной депривации является реконструкция опыта непосредственного переживания данного явления, а также – успешности или неуспешности ее преодоления, инициативности или реактивности студентов. Очевидно, что для продвижения в сторону более глубокого понимания явления образовательной депривации, а также понимания того, каким образом можно ее преодолеть, одних результатов мониторинга, проведенных тестирований, опросов и т.д. недостаточно, поскольку каждый учебный год знаменует собой начало нового цикла, когда результаты, полученные год

назад, могут быть уже неактуальны в силу обновления всех элементов системы образовательного учреждения, и, следовательно, изменения самой образовательной реальности.

Вместе с тем, представляется важным отойти от понимания образовательной депривации как некоторого состояния, которое может сопровождаться выгоранием, фрустрацией и т.д., связанных с систематической невозможностью удовлетворить образовательные потребности, и перейти к пониманию образовательной депривации как ситуации кризиса, который может либо осознаваться, либо не осознаваться студентом, как части процесса эпигенеза его идентичности. С перспективы системного подхода, образовательную депривацию можно описать как ситуацию, когда все элементы образовательной системы, т.е. студенты, преподаватели и занятия есть, а самого образования не случается, не происходит. Важно отметить, что иногда ситуацию «ничего не происходит» студент может почувствовать, отрефлексировать, или будет тот, кто поможет ему это обнаружить, но куда важнее, когда «ничего не происходит», и это остается непонятым, неосознанным, а образовательный процесс продолжается, как и эпигенез идентичности. В данном случае, исследовательская оптика смещается с позиции изучения некоторого состояния в сторону изучения динамичной ситуации, психологической практики нахождения студентом в пространстве образовательных рисков, реализации или нереализации своего человеческого потенциала [3].

Таким образом, образовательная депривация понимается нами как ситуация нарушения эпигенеза идентичности студента, которая приводит к нарушению, рассинхронизации различных порядков и уровней жизни человека, возникающая при нахождении в образовательном пространстве, и приводящая к разрыву экзистенциального континуума и неаутентичному становлению в собственном бытии. Данное понимание, на наш взгляд, открывает новые методологические горизонты и перспективы для изучения этого явления и позволяет выйти на более сложные уровни его рассмотрения.

Литература

1. Крылова А.В., Дубовицкая Т.Д. Депривация у студентов-первокурсников в условиях смены культурно-образовательной среды // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 8, № 2. С. 121–129.
2. Лукьянов О.В., Дубинина И.А., Федоров И.В. О моделировании современных систем профессионализации и самоопределения в высшем образовании // Сибирский психологический журнал. 2022. № 86. С. 167–177.
3. Раянова Э.Т. Педагогические условия предупреждения образовательной депривации в процессе профессиональной подготовки в высших учебных заведениях // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2015. № 12 (130). С. 168–173.

УДК 159.99

doi: 10.17223/9785907890527/2025/67

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДОЛГОСРОЧНОГО СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Ралина Айдаровна Фатыхова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
департамент психологии, Москва, Россия*

Сберегательное поведение включает аспекты финансового поведения, связанные с выбором источников накопления, методами хранения и увеличением сбережений. Оно является важным элементом финансового благополучия, влияя на способность управлять тратами, снижать долговую нагрузку и наращивать долгосрочные инвестиции [4]. Исследования подтверждают, что наличие сбережений положительно связано с психологическим благополучием даже при учете дохода, тогда как отсутствие накоплений может породить финансовую нестабильность,

задолженности и зависимость от социальной поддержки. Проблема сберегательного поведения важна тем, что, по данным исследований, людям часто не удается накопить достаточно для выхода на пенсию или краткосрочных чрезвычайных ситуаций [3].

Долгосрочное сберегательное поведение в России является особенно важной темой из-за целого ряда факторов, связанных с историей экономической нестабильности в стране и количеством кризисов, пережитых за последние десятилетия [2]. Согласно результатам всероссийского опроса, более половины российских семей (52%) не имели сбережений. Кроме того, было обнаружено, что предпочтение отдается традиционным формам сбережений, таким как хранение наличных денег или инвестирование в материальные активы, такие как недвижимость или золото в России [2].

Проблема долгосрочных сбережений также связана с пенсионными реформами, которые усилили необходимость самостоятельного накопления на пенсию. Согласно исследованию ВЦИОМ, 73% работающих россиян не откладывают деньги на пенсию, несмотря на растущее осознание своей ответственности за пенсионное будущее [1]. Игнорирование сбережений – это неосмотрительное финансовое поведение, фокусирующееся на краткосрочных нуждах, что в условиях экономической нестабильности негативно влияет как на личное благополучие, так и на общество в целом [3, 5].

Для более глубокого понимания факторов, формирующих долгосрочное сберегательное поведение, полезно обратиться к различным теориям, которые объясняют, почему люди принимают решения о сбережениях и как эти решения могут зависеть от экономических и психологических факторов.

Экономико-психологическая теория Дж. Катоны выделяет два аспекта сбережений: способность и готовность к сбережению. Способность сберегать зависит от уровня доходов и экономических условий, тогда как готовность к сбережениям определяется психологическими факторами, такими как уверенность в будущем и ощущение финансовой стабильности [5]. Люди с высокой готовностью к сбережениям, как правило, легче формируют финансовую подушку безопасности, что, в свою очередь, снижает уровень стресса и способствует общему улучшению качества жизни [3]. Эта теория напоминает, что даже при высоком доходе недостаток психологической готовности может мешать накоплению средств на будущее.

Теория перспектив Д. Канемана и А. Тверски утверждает, что при принятии решений люди склонны переоценивать потери и недооценивать потенциальные выгоды [5]. Из-за этого многие предпочитают избегать рисков и сохраняют свои сбережения в традиционных формах, таких как наличные деньги или материальные активы, несмотря на возможность получения лучших финансовых результатов от более рискованных инвестиций [2, 4]. Важным аспектом этой теории является высокая роль целеполагания – формулировка конкретных и достижимых финансовых целей может способствовать развитию эффективного сберегательного поведения, позволяя людям лучше оценивать потенциальные выгоды и более рационально подходить к выбору стратегий накопления [4].

Теория социализации А. Бандуры рассматривает влияние социальных агентов, таких как родители, наставники или медиа, на формирование сберегательных привычек [3, 5]. В семьях, где активно обсуждаются вопросы сбережений и финансового планирования, дети с большей вероятностью перенесут эти принципы в свою взрослую жизнь [5]. Этому способствуют и социальные нормы, которые в разных культурах определяют, что является приемлемым способом накоплений [3]. Важным элементом в рамках этой теории является финансовая грамотность, которая позволяет людям принимать более обоснованные решения, основанные на долгосрочной перспективе. Отсутствие финансовой грамотности часто приводит к принятию краткосрочных решений, что увеличивает риски финансовых трудностей в будущем [4].

Поведенческая теория жизненного цикла, разработанная Х.М. Шефриним и Р.Х. Талером, акцентирует внимание на двух ключевых аспектах, влияющих на сбережения: самоконтроль и ментальный учет [5]. Самоконтроль представляет собой способность откладывать удовлетворение своих потребностей и ограничивать текущие расходы в пользу будущих выгод [3]. Недостаток самоконтроля напрямую связан с невысокими уровнями сбережений и накоплений. Ментальный

учет же предполагает, что люди делят свои деньги на категории, и, например, бонусы или неожиданно полученные средства воспринимаются как «дополнительные» деньги, которые легче тратятся, чем зарплата [3]. Это может привести к неэффективному управлению личными финансами.

Предвзятость настоящего и дисконтирование во времени, предложенные Р. Талером и Дж. Эйнсли, объясняют склонность людей отдавать предпочтение немедленным удовольствиям и упрощают принятие решений в текущем моменте, что затрудняет накопления на будущее [5]. Люди склонны выбирать меньшие, но более быстрые вознаграждения, откладывая более крупные, но менее определенные выгоды в будущем [1]. Этот феномен особенно сильно влияет на сберегательное поведение, снижая мотивацию откладывать средства на длительный срок, что важно учитывать при разработке стратегий финансового планирования.

Эмоциональный интеллект играет немалую роль в сберегательном поведении. Люди с более высоким уровнем эмоционального интеллекта способны управлять своими эмоциями и принимать более взвешенные финансовые решения [1]. Это позволяет им не только лучше регулировать свои потребности в краткосрочной перспективе, но и фокусироваться на долгосрочных целях. Эмоциональный интеллект, в свою очередь, усиливает влияние финансовой грамотности, делая ее более продуктивной и способствующей более эффективному финансовому поведению [5].

Таким образом, различные теории помогают более глубоко понять, что влияет на сберегательное поведение людей. Экономические, психологические и социальные факторы оказывают комплексное воздействие на способность и готовность людей откладывать средства на будущее. Понимание этих факторов и их взаимосвязи является необходимым для разработки эффективных программ, направленных на стимулирование долгосрочных сбережений и улучшение финансового благополучия индивидов.

Литература

1. *ВЦИОМ*. Общественное мнение о пенсионных накоплениях. 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nenakopitelnyi-ehffekt-ili-rossijane-o-pensionnykh-sberezenijakh> (дата обращения: 02.11.2024).
2. *РОМИР*. Сбережения российских семей. 2024. URL: <https://romir.ru/studies/rossiyane-o-sberezeniyah#:~:text=По%20итогам%202023%20года%20более,сбережения%20в%20долларах%20или%20евро> (дата обращения: 01.11.2024).
3. *Greenberg D., Hershfield H.E.* Future self-continuity and financial decision-making // *Psychological Science*. 2019. Vol. 30, № 4. P. 505–515. doi: 10.1177/0956797618814968
4. *Lusardi A., Mitchell O.S.* Financial literacy and planning: Implications for retirement wellbeing // *The Journal of Economic Perspectives*. 2011. Vol. 25, № 4. P. 84–112. doi: 10.1257/jep.25.4.84
5. *Xiao J.J., Ford M.W., Kim J.* Consumer financial behavior: An interdisciplinary review of selected theories and research // *Family and Consumer Sciences Research Journal*. 2011. Vol. 39, № 4. P. 399–414.

УДК 159.9.072

doi: 10.17223/9785907890527/2025/68

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ: КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ

Александр Евгеньевич Федоровский, Инна Викторовна Атаманова

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

В 1986 г. Е.К. Horwitz с коллегами детально описали явление языковой тревожности (далее – ЯТ), его компонентный состав и способ измерения [5]. На данный момент актуальность исследования феномена не ослабевает ввиду целого ряда причин. Во-первых, ЯТ имеет многоаспектный

характер. Вышеупомянутыми авторами она была определена как «целый комплекс факторов, связанных с самооценкой, убеждениями, чувствами и поведенческими паттернами обучающихся в процессе изучения иностранного языка» [1, с. 68; 5, с. 128]. Во-вторых, исследователи отмечают, что страх и нервозность негативным образом отражаются на процессе изучения иностранного языка и на дальнейшем его использовании в жизни и профессиональной деятельности. В-третьих, образовательная практика показывает, что ЯТ не рассматривается с позиции психологической проблемы и считается естественной частью процесса обучения иностранному языку. Как следствие, вопрос о психолого-педагогическом сопровождении процесса обучения иностранному языку не ставится, хотя это позволило бы помочь обучающимся с высоким уровнем ЯТ.

В работе представлено исследование феномена ЯТ на примере студентов лингвистических направлений подготовки; предпринимается попытка осмысления его психологической природы, а также осуществляется построение психологического профиля обучающихся по степени выраженности у них ЯТ с учетом ряда психологических параметров.

Для достижения цели, поставленной в работе, авторы обратились к анализу степени выраженности у обучающихся лингвистических направлений подготовки следующих психологических параметров: базисные убеждения (далее – БУ) [2], эмоциональный интеллект (далее – ЭИ) [4] и толерантность к неопределенности (далее – ТН) [3].

Мы представляем результаты исследования, которое проводилось в весеннем семестре 2021–2022 учебного года и 2023–2024 учебного года. В исследовании принимали участие студенты второго курса факультета иностранных языков Национального исследовательского Томского государственного университета. Выборку исследования составили 104 обучающихся в возрасте от 19 до 23 лет (средний возраст $19,51 \pm 0,72$, 24 юноши, 80 девушек. 60 обучающихся из общего списка в качестве основного языка изучают китайский; 44 – английский). Для подтверждения возможности использования данных был проведен анализ надежности всех применяемых инструментов. Для статистической обработки данных использовалось ПО IBM SPSS Statistics v. 25.0.

Оценка ЯТ осуществлялась с помощью Шкалы измерения языковой тревожности при изучении иностранного языка (FLCAS) [5; 1]. Анализ надежности данного опросника на актуальных данных продемонстрировал высокие значения ($\alpha = 0,93$). Оценка ТН проводилась с использованием Шкалы толерантности к неопределенности [3]. Анализ надежности данного опросника на актуальных данных также показал высокие значения ($\alpha = 0,93$). Для оценки БУ была применена Шкала базисных убеждений [3]. По показателям данного опросника проверка на надежность прошла успешно ($\alpha = 0,84$). Оценка ЭИ осуществлялась с применением Опросника на эмоциональный интеллект ЭИИ [4]. Проверка на надежность ЭИ продемонстрировала приемлемые значения ($\alpha = 0,70$).

Для получения психологического профиля обучающихся был проведен кластерный анализ: кластеризация k-средними и иерархический кластерный анализ. Более равномерные кластеры были получены в ходе применения первого из упомянутых методов (первый кластер – 44 респондента, второй кластер – 22 респондента, третий кластер – 38 респондентов), в связи с чем было решено рассматривать именно эту модель в дальнейшем.

В итоге нами были выявлены три типа личностных структур, базовое отличие по которым заключалось в степени выраженности языковой тревожности. Данные типы были условно обозначены следующим образом:

- «профиль с низким уровнем ЯТ» (первый кластер);
- «профиль с умеренным уровнем ЯТ» (третий кластер);
- «профиль с высоким уровнем ЯТ» (второй кластер).

В ходе последующего изучения профилей были обнаружены устойчивые различия по уровням выраженности параметров ТН, БУ и ЭИ. Так, например, обучающиеся из кластера с высоким уровнем ЯТ ($121,32 \pm 10,72$) также характеризуются низким уровнем ТН

(80,77 ± 24,74), ЭИ (73,91 ± 17,34) и низким уровнем выраженности БУ (116,64 ± 19,92). На основании чего можно сделать вывод о том, что такие обучающиеся могут испытываться сложности: в принятии неоднозначных, трудных или новых ситуаций; в понимании и управлении эмоциями (как своими, так и чужими). Также они могут быть слабо убеждены в благосклонности мира, в ценности собственного «Я», а также в том, что мир полон смысла.

В свою очередь, в кластере с низким уровнем ЯТ (65,00 ± 11,05) оказались обучающиеся с самыми высокими показателями по степени выраженности ТН (96,00 ± 22,65), ЭИ (87,59 ± 16,82) и БУ (129,20 ± 17,00). Это может свидетельствовать о том, что такие обучающиеся легче справляются с ситуациями неопределенности, в большей степени способны распознавать эмоции и управлять ими, у них сильнее выражена убежденность в ценности собственного «Я», благосклонности мира и его смысловой наполненности.

В результате сравнения параметров ЯТ, БУ, ЭИ и ТН в целом по одновыборочному критерию Колмогорова–Смирнова было обнаружено, что все параметры соответствуют закону нормального распределения, в связи с чем дальнейшее сравнение этих параметров по кластерам было решено осуществлять при помощи параметрического критерия, однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA), результаты которого были статистически значимы по всем параметрам ($p < 0,05$).

Направление дальнейших исследований по теме сопряжено с расширением выборки данного исследования для уточнения результатов кластерного анализа, а также обращением к анализу степени выраженности ЯТ у обучающихся нелингвистических направлений подготовки.

Литература

1. *Атаманова И.В., Федоровский А.Е.* Выраженность языковой тревожности у студентов лингвистических направлений подготовки // *Российский гуманитарный журнал*. 2022. Т. 11, № 1. С. 67–78.
2. *Богомаз С.А., Гладких А.Г.* Психологическая безопасность и ее измерение с помощью шкалы базисных убеждений // *Вестник Томского государственного университета*. 2009. № 318. С. 191–194.
3. *Леонтьев Д.А., Осин Е.Н., Луковицкая Е.Г.* Диагностика толерантности к неопределенности: Шкалы Д. Маклейна. М. : Смысл, 2016. 60 с.
4. *Люсин Д.В.* Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // *Психологическая диагностика*. 2006. № 4. С. 3–22.
5. *Horwitz E.K., Horwitz M.B., Cope J.* Foreign language classroom anxiety // *The Modern Language Journal*. 1986. Vol. 70, is. 2. P. 125–132.

УДК 159.962

doi: 10.17223/9785907890527/2025/69

ВЛИЯНИЕ КИТАЙСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПОНИМАНИЕ САМОРЕГУЛЯЦИИ

Ваньтун Чжэн

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

В последние годы из-за увеличения неопределенных факторов в среде обитания психическое и физическое здоровье людей подвергается все большему риску. С точки зрения психического здоровья, отсутствие регулирования эмоций и стратегий преодоления трудностей может привести к развитию расстройств настроения, тревоги и депрессии. Саморегуляция играет важную роль в физическом и психическом здоровье человека, особенно в управлении эмоциями, когнитивном контроле и корректировке поведения. Благодаря эффективной саморегуляции лю-

ди могут лучше справляться с жизненными проблемами, уменьшать воздействие негативных эмоций, таких как тревога и депрессия, и сохранять психическое здоровье.

Саморегуляция – это внутренний механизм, который позволяет человеку предпринимать свои целенаправленные действия в ответ на изменения времени и окружающей среды [4]. Это важный личный ресурс, позволяющий человеку точно и автоматически корректировать свои когнитивные процессы, эмоции и поведение с помощью определенных механизмов и функций. Индивиды, живущие в определенном культурном контексте, с течением времени принимают эту культуру как ориентир и норму поведения, что приводит к формированию специфических установок, убеждений и ценностей, а также развитию уникальных моделей мышления и поведения. Неоспоримо, что культура влияет на психологию и поведение человека.

Данная работа направлена на изучение влияния китайской традиционной культуры на саморегуляцию с точки зрения культурной психологии. В общем смысле, традиционная культура относится к практикам и убеждениям, передаваемым из поколения в поколение. Традиционная культура в различных формах и содержании была сохранена и продолжает применяться в повседневной жизни людей. В китайской традиционной культуре наиболее важным и представительным элементом является концепция «Zhongyong» (Чжун Юн, Доктрина Срединного Пути). Это можно понять, как образ мышления, который отражает, как китайцы воспринимают мир, решают проблемы и достигают гармонии [6]. Это способ понимания проблем: видеть любой объект как имеющий «две стороны» и признавать отношения между этими двумя сторонами – не в логическом противоречии, а в динамическом взаимодействии взаимозависимости и противоположности. Это стремление к динамическому балансу [5]. Мыслительный процесс «Zhongyong» в основном проявляется в учете множества перспектив, интеграции различных точек зрения и принятии адекватного и всестороннего курса действий, который можно резюмировать как плюралистическое мышление, интегративность и гармонию [3].

Влияние мышления «Zhongyong» на саморегуляцию главным образом проявляется в регулировании когнитивных процессов и эмоций. Исследования показывают, что мышление «Zhongyong» тесно связано с психическим здоровьем человека: у тех, кто в большей степени обладает чертами «Zhongyong», наблюдаются лучшие социальные адаптивные способности и навыки эмоциональной регуляции [2]. В исследовании, изучавшем влияние мышления «Zhongyong» на депрессивные симптомы среди студентов, было установлено, что у лиц с депрессией результаты по шкале «Zhongyong» были ниже. Однако после определенных психологических вмешательств на основе мышления «Zhongyong» у этих людей наблюдалась улучшенная эмоциональная стабильность. Более того, было установлено, что мышление «Zhongyong» оказывает смягчающий эффект на депрессивные симптомы, и этот эффект достигается за счет снижения использования негативных когнитивно-эмоциональных стратегий регуляции [1]. Культура «Zhongyong» утверждает, что психическое здоровье – это психологический баланс, включающий эмоциональную стабильность и гармоничные черты личности. Это перекликается с гуманистической концепцией самоактуализации, согласно которой человек реализует свой потенциал через личностное развитие. Этот процесс развития подчеркивает два ключевых аспекта: повышение внутренних качеств и добродетелей и контроль над внешним поведением. Эти два аспекта развиваются в гармонии, взаимно поддерживая друг друга. Когда внутренние и внешние факторы идеально согласованы, возникает состояние «Zhongyong», характеризующееся здоровой личностью и уравновешенным мышлением.

Мышление «Zhongyong», подчеркивающее баланс, гармонию, самообладание и гибкость, напрямую влияет на способности индивидов к саморегуляции. Оно помогает людям ориентироваться в сложных и меняющихся условиях, принимая умеренные формы поведения, тем самым избегая крайних эмоциональных реакций и импульсивных действий. Это приводит к внутреннему покою и внешней гармонии. В современном обществе этот подход остается весьма актуальным, предлагая людям эффективный способ саморегуляции в условиях стресса, конфликтов и вызовов.

Литература

1. *Chen P.Y., Chen Y., Yang X.L.* The mechanism of Zhongyong thinking's influence on depressive symptoms in college students: The mediating role of negative cognitive–emotional regulation strategies // *Studies of Psychology and Behavior*. 2021. Vol. 4. P. 571–576.
2. *Ding Q., Zhang Y.X., Wei H., Hu W.* Zhongyong thinking and internet addiction among college students: The sequential mediation role of social support and loneliness // *Studies of Psychology and Behavior*. 2019. Vol. 17, is. 4. P. 553–560.
3. *Guo Y., Li X.J., Huang X.Y., Chen L.Y.* The impact of Zhongyong psychological intervention on emotional stability and social adaptability in patients with depression // *Journal of Qiqihar Medical College*. 2017. Vol. 38, is. 19. P. 2273–2275.
4. *Sheng Y.X., Bao C.Q.* Cross-cultural characteristics of self-regulation // *Chinese Journal of Clinical Rehabilitation*. 2006. Vol. 10, is. 26. Pp. 123–125.
5. *Yang C.F.* A Case of attempt to combine the Chinese traditional culture with the social science: The social psychological research of “Zhongyong” // *Journal of Renmin University of China*. 2009. Vol. 23, is. 3. P. 53–60.
6. *Zhou Z.J., Hu L.X., Sun C.C., Li M.Z., Guo F., Zhao Q.B.* The effect of Zhongyong thinking on remote association thinking: An EEG study // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. P. 207.

УДК 159.943

doi: 10.17223/9785907890527/2025/70

ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ДВИГАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Виктор Анатольевич Шамаков

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM–2020–0040.

Двигательная активность – это очень сложный функциональный комплекс, состоящий из различных психических функций. Двигательная система позвоночных включает в себя жесткий сочлененный скелет и поперечно-полосатую мускулатуру. Сами по себе костные звенья не обеспечивают устойчивости системы без постоянного активного участия мускулатуры. Мышцы и мускулы представляют собой мельчайшие волокна в организме, которые приводят в движение скелет. Каждая мышца состоит из мельчайших мышечных волокон, которые берут свое питание из крови. Нервные импульсы, идущие из сознания, могут настолько тонко и деликатно управлять этими мышечными волокнами, что могут получаться совершенно различные движения: будь то музыкант, играющий на инструменте; танцор, исполняющий танец, или оператор, использующий манипуляторы для управления электронной вычислительной машиной.

Подвижные сочлененные между собой костные звенья образуют так называемые кинематические цепи. При управлении компьютерной мышью оператор использует кинематическую цепь, состоящую из плечевого сустава, плеча, локтевого сустава, предплечья, лучезапястного сустава и кисти, которая обладает 7 степенями свободы подвижности [2].

Таким образом, благодаря обнаруженной тесной взаимосвязи психического состояния и двигательной активности, появляется возможность оценивать психоэмоциональное состояние оператора электронной системы с помощью анализа данных двигательной активности.

Методы исследования. В эксперименте приняло участие 336 студентов Национального исследовательского Томского государственного университета всех факультетов. Возраст участников эксперимента от 18 до 19 лет, 142 девушки (42%) и 194 юношей (58%).

Испытуемые проходили серию психометрических и когнитивных тестов: личностный опросник «Большая пятерка» [4], опросник «Жизнестойкость» [5], выполняли тест «Краткий ориентировочный тест интеллекта» [3], а также проходили тестирование пространственных способностей и когнитивный тест «Компромисс скорость–точность» [1].

Эксперимент «Компромисс скорость–точность» реализован с использованием современных web-технологий, js, php, css. Стимульная ситуация представляет собой поле размером 800 x 800 пикселей, расположенная в центре экрана. Испытуемому предлагается попадать по появляющимся в поле мишеням с максимальной точностью и скоростью. Эксперимент состоит всего из 256 заданий. Более подробно процедура эксперимента описана в статье [1].

Эксперимент проводился в удаленном формате, что позволило получить данные, недоступные в лабораторных условиях. Предобработка и анализ результатов проводились с помощью статистического комплекса R.

После проведения кластерного анализа выборка была разделена на 5 групп: с акцентом на точность (49 человек, 15%), с акцентом на скорость (114 человека, 35%), нашедшие компромисс между скоростью и точностью (61 человека, 19%), парадоксальная группа (37 человек, 11%), испытуемые, которые начали выполнять тест, но скликали в процессе выполнения (66 человек, 20%). Парадоксальная группа состоит из испытуемых, у которых при увеличении скорости попаданий увеличивалась также и точность попаданий.

Результаты. Кластеры пользователей с различными стилями двигательной активности были сравнены между собой по различным психометрическим показателям. Так как распределения результатов не поддаются нормальному закону распределения, для сравнения групп были использованы непараметрические тесты «Критерий Манна–Уитни» и «Критерий Краскела–Уоллиса». Применена поправка Бонферрони для множественных сравнений, чтобы избежать возникновения случайных различий.

Группа с акцентом на точность в показателе «Вовлеченность» теста «Жизнестойкость» имела значимые различия по сравнению с группой пользователей, нашедших компромисс между скоростью и точностью ($U = 2\ 363$; $p < 0,01$). Группа испытуемых, которые скликали тест значимо отличаются от группы испытуемых, нашедших компромисс между скоростью и точностью по результатам теста на пространственное вращение ($U = 2\ 363$; $p < 0,01$). Группа испытуемых, которые скликали тест значимо отличаются от групп испытуемых, которые нашли компромисс и сделали акцент на скорости выполнения в результатах показателя теста на интеллект ($U = 3\ 577$; $p < 0,01$ и $U = 1\ 695$; $p < 0,05$).

Выводы. Данный эксперимент наглядно демонстрирует связь двигательной активности с психометрическими показателями испытуемых. Стиль двигательной активности может быть предиктором для различных психометрических шкал пользователя цифровой среды.

Литература

1. *Баланев Д.Ю., Шамаков В.А.* Диагностические маркеры двигательной активности человека в электронной образовательной среде // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 138–144. doi: 10.17223/15617793/485/15
2. *Бернштейн Н.А.* О построении движений. М. : Государственное издательство медицинской литературы МЕДГИЗ, 1947. 254 с.
3. *Бuzин В.Н., Вандерлик Э.Ф.* Краткий ориентировочный тест. Практикум по психодиагностике. Конкретные психодиагностические методики. М. : МГУ, 1989. С. 112–126.
4. *Калугин А.Ю., Шебетенко С.А., Мишкевич А.М., Сото К.Дж., Джон О.П.* Психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory–2 // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18, № 1. С. 7–33. doi: 10.17323/1813–8918–2021–1–7–33
5. *Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И.* Тест жизнестойкости. М. : Смысл, 2006. 63 с.

УДК 159.99

doi: 10.17223/9785907890527/2025/71

ПРОВОКАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЦИКЛ НОРД ДЖОНА БОЙДА В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Снежана Сергеевна Шамсудинова

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

Актуальность исследования обусловлена использованием провокации как одной из разновидностей операций базовых эффектов (ОБЭ) в контексте цикла НОРД Джона Бойда (наблюдение – ориентация – решение – действие) с точки зрения создания искаженного представления о реальности, влияния на интерпретацию информации и на принятие решений у противоположной стороны информационного противостояния.

В рамках наших исследований информационное противостояние это один из уровней (или одна из сфер) сетцентричной войны. В российской науке термин «сетцентрическая война» понимается широко [3, 4]. В ее основе – создание единой информационной сети из всех возможных носителей информации (от регулярной армии до журналистов и представителей гражданского населения).

Модель НОРД описывает процесс принятия решений в условиях неопределенности и конфликтов, включая информационное противостояние. Цель доклада – исследовать, как провокация может использоваться для воздействия на цикл НОРД, реализуемый противоположной стороной конфликта.

Основные положения модели НОРД [1, 7]. Четыре этапа модели: наблюдение – сбор информации; ориентация – анализ и интерпретация данных; принятие решения – выбор наилучшего варианта действий; действие – реализация решения.

Одним из ключевых факторов успеха применения этой модели считается темп выполнения цикла. Чем быстрее фаза наблюдения переходит в фазу ориентации, принятия решения и действия, тем выше эффективность всей системы. Цель – как можно быстрее завершить цикл, опережая противоположную сторону в принятии ключевых решений, что дает тактическое и стратегическое преимущество.

Мартин Либицки одной из целей информационной войны представляет замедление или разрушение цикла НОРД у противника [6]. Этой цели можно достичь через кибератаки, дезинформацию, электронные помехи и другие средства.

Модель НОРД может применяться всеми сторонами конфликта, при этом они стремятся не только успешно реализовать собственный цикл, но и помешать противнику сделать то же самое. По сути, речь идет о том, чтобы «попасть в голову противника», нарушить баланс, внести смятение, направить его усилия не на внешнее поле, а на самого себя.

Провокация как инструмент воздействия на цикл НОРД.

Провокация на этапе наблюдения.

Один из ключевых способов манипуляции циклом НОРД – это внедрение ложных или искаженных данных на этапе наблюдения. Противник, получая неверную информацию, начинает строить свои действия на искаженной картине происходящего, что затрудняет принятие правильных решений.

В качестве провокационных операций базовых эффектов здесь могут использоваться ложные информационные поводы или манипуляция фактами, направленные на отвлечение внимания от реальных угроз.

Провокация на этапе ориентации.

Фаза ориентации в цикле НОРД, согласно М. Либицки, является критической в условиях информационной войны. Именно на этом этапе интерпретируются данные, и принимаются ключевые решения.

На этом этапе провокация влияет на интерпретацию информации. Здесь могут быть использованы манипуляции, направленные на создание ложных когнитивных схем, которые искажают реальное положение вещей. Это способ дезориентации оппонента, влияющий на его способность принимать быстрые и адекватные решения. Манипуляции могут включать дезинформацию, изменение контекста или отвлечение внимания от ключевых угроз.

Провокация на этапе принятия решений.

В зависимости от стратегии информационной войны, манипуляции могут приводить к замедлению цикла НОРД у противника или к ускорению принятия им ошибочных решений. Это может быть достигнуто через дезинформацию или психологическое давление, вынуждающее принимать решения на основе неверных данных.

Провокация на этапе действия.

Провокации, направленные на этап действия, могут привести к неэффективным или хаотичным действиям у противоположной стороны, что увеличивает ее уязвимость и снижает координацию. В этом случае цель заключается в том, чтобы создать ситуации, в которых она теряет контроль над происходящим.

Риски и ограничения использования провокаций.

Использование провокаций несет с собой определенные риски [2, 5]. Во-первых, они могут выйти из-под контроля и нанести ущерб самому инициатору провокации. Во-вторых, это вызывает серьезные вопросы с точки зрения этики и права. В условиях глобального распространения информации, провокации могут быстро привести к непредсказуемым последствиям.

Заключение. Сама модель НОРД, и провокации могут применяться как в ходе реализации масштабных геополитических проектов, так и внутри краткосрочных информационных операций. Провокация – это мощный инструмент в рамках информационного противостояния в условиях сетецентричной войны, с помощью которого можно влиять на цикл принятия решений противоположной стороны, включая цикл НОРД. Однако использование этого инструмента требует большого внимания к последствиям, поскольку подобные действия могут выйти за рамки запланированного сценария и нанести вред как противоположной стороне, так и самому инициатору. Важно продолжить исследование этических и правовых аспектов применения провокаций в глобальных информационных противостояниях.

Интересным и важным для дальнейших исследований нам представляется влияние социокультурных факторов на специфику использования провокаций для воздействия на реализацию цикла НОРД у противоположной стороны, а также на уровень устойчивости системы к провокациям извне.

Литература

1. Вовченко Р.А., Гайворонский Г.В., Ермолаев Д.В. Использование подхода OODA Loop в управлении инцидентами информационной безопасности // *Инновации в науке*. 2018. № 5 (81). С. 11–12.
2. Дзялошинский И.М., Жолудь Р.В. Провокация в системе коммуникационных технологий // *Коммуникации. Медиа. Дизайн*. 2017. Т. 2, № 2. С. 62–81.
3. Дугин А.Г. Сетецентричные войны. URL: <https://varvar.ru/arhiv/texts/dugin1.html> (дата обращения: 08.10.2024).
4. Подберёзкин А.И., Харкевич М.В. Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования международных отношений. М. : МГИМО–Университет, 2015. 581 с.
5. Тумский С.В. Провокация как социальное действие: определение феномена в контексте кроссдисциплинарного анализа. // *Социодинамика*. 2017. № 8. С. 1–11.

6. Libicki M.C. Conquest in Cyberspace: National Security and Information Warfare. New York : Cambridge University Press, 2007. 323 p.
7. Révay M., Liška M. OODA loop in command & control systems // Communication and Information Technologies. 2017. (KIT 2017). Vysoke Tatry, Slovakia, 2017. P. 1–4.

УДК 159.944

doi: 10.17223/9785907890527/2025/72

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ УТОМЛЕННОСТИ

Эллина Константиновна Шелепина

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

Деятельность сотрудников ОВД сопряжена с повышенной ответственностью, напряженностью и риском. Это способствует развитию утомленности сотрудника, негативно влияющей на решение оперативно-служебных задач. В этом контексте актуальным является вопрос о взаимосвязи утомленности с профессионально-психологическими характеристиками сотрудников, от выраженности которых также зависит качество служебной деятельности. В исследовании под утомленностью понимаем неблагоприятное доминирующее психическое состояние, сопровождаемое субъективным переживаниями ухудшения памяти, внимания, снижением работоспособности, профессионального и психологического благополучия субъекта трудовой деятельности [2, 3].

Методика исследования. Респондентами выступили 181 сотрудник ОВД мужского пола со стажем службы от 3 до 5 лет, проходившие повышение квалификации в Санкт-Петербургском университете МВД России. В исследовании проверяются гипотезы: 1) утомленность взаимосвязана с профессионально-психологическими типами сотрудников ОВД; 2) существуют различия в выраженности профессионально-психологических типов у сотрудников с разным уровнем утомленности.

Использовали комплекс психодиагностических методик: опросник «Субъективная оценка уровня утомленности личности» (СОУ) (С.В. Духновский, Э.К. Шелепина) [2] и опросник «Оценка профессионально-психологического типа личности» (ППТ) (С.В. Духновский) [1].

В качестве методов математической статистики использовали: первичные описательные статистики, корреляционный анализ, критерий сравнения (критерий *t*-Стьюдента). Обработка результатов проводилась при помощи программного пакета «SPSS 23.0».

Результаты исследования. Для проверки гипотезы о существовании взаимосвязи утомленности сотрудников ОВД с их профессионально-психологическими типами использовали корреляционный анализ. Установлено, что показатель утомленности по методике «СОУ» имеет обратные взаимосвязи с показателями по таким профессионально-психологическим типам как «руководитель» и «генератор» (коэффициенты корреляции находятся в диапазоне от $-0,47$ до $-0,43$, при $p \leq 0,01$) и прямую взаимосвязь с показателями по типам «исполнитель» и «коммуникатор» (от $0,41$ до $0,44$, при $p \leq 0,01$) по методике «ППТ». Соответственно, чем более выражена утомленность, тем менее выражены психологические качества, позволяющие дифференцировать выраженность у субъекта типов «руководитель» и «генератор». В тоже время прямая взаимосвязь с типами «исполнитель» и «коммуникатор» говорит о следующем. Чем более выражены субъективные переживания ухудшения памяти, внимания, работоспособности на фоне неблагоприятного психического состояния (показатель «утомленность»), тем более выражены психологические характеристики, советуемые типам «исполнитель» и «коммуникатор».

Проверка гипотезы о наличии различий в выраженности профессионально-психологических типов у сотрудников ОВД с разным уровнем утомленности, осуществлялась при помощи сравнительного исследования. Для этого обследованная выборка была разделена на группы: 1) сотрудники с низким (97 человек), 2) умеренным (50 человек), и 3) повышенным (34 человека) уровнем утомленности.

Затем, с использованием *t*-критерия Стьюдента установлены достоверные различия между указанными группами по опроснику «ППТ». Таким образом установлено следующее.

У сотрудников с низким уровнем утомленности доминирующими профессионально-психологическими типами являются «руководитель» (выражен у 72,1% обследованных данной группы) и «генератор» (выражен у 27,9% обследованных данной группы). Показатели по данным шкалам методики «ППТ» находятся в диапазоне 7 стэнов. У сотрудников выражена осознанность своего социального статуса и умение защищать его, в сочетании с волевой регуляцией поведения, рациональностью мышления и выраженными аналитическими способностями (тип «руководитель»), а также профессиональная активность и способность найти неординарное решение проблемных ситуаций (тип «генератор»).

У сотрудников с умеренным и повышенным уровнем утомленности преобладают типы «исполнителя» и «коммуникатора». Однако у сотрудников с умеренным уровнем утомленности показатели по данным профессионально-психологическим типам выражены на повышенном уровне – 7 стэнов, тогда как у респондентов с повышенным уровнем утомленности – значения данных типов находятся на высоком уровне – 9 стэнов.

Таким образом, сотрудники с умеренным уровнем утомленности характеризуются сдержанностью и дисциплинированностью, отсутствием инициативы, ориентацией на постороннюю помощь при решении служебных задач (тип «исполнитель» выражен у 57,5% обследованных данной группы), в сочетании с недостатком волевой регуляции поведения, избеганием трудностей и ситуаций преодоления, а также стремлением переложить собственную работу на других посредством манипулирования эмоциями (тип «коммуникатор» выражен у 42,5% респондентов данной категории).

У сотрудников с повышенным уровнем утомленности преобладают послушность и исполнительность, манипулирование, тенденция к поиску покровительства и подчиненности, а также людей как препятствия для своих достижений (тип «исполнитель» выражен у 89,6% сотрудников данной категории), в сочетании с обидчивостью и скрываеваемой ревностью, раздражительностью, и депрессивным реагированием на неудачи (тип «коммуникатор» выражен у 10,4% обследованных данной группы).

Таким образом, гипотезы о существовании взаимосвязи утомленности с профессионально-психологическими типами сотрудников ОВД, а также о наличии различий в их выраженности у сотрудников с разным уровнем утомленности нашли свое эмпирическое подтверждение.

Литература

1. Духновский С.В. Психологическая надежность и кадровая безопасность (на примере государственной гражданской и муниципальной службы): монография. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2018. 314 с.
2. Духновский С.В., Шелепина Э.К. Опросник «Субъективная оценка уровня утомленности личности»: разработка, психометрическая характеристика, применение // Российский девиантологический журнал. 2024. № 2. С. 144–160.
3. Шелепина Э.К. Когнитивные индикаторы утомляемости и работоспособности сотрудников ОВД // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения–2024) : материалы междунар. науч.-практ. конф. СПб. : СПб. ун-ет МВД России, 2024. С. 855–859.

УДК 159.955.4

doi: 10.17223/9785907890527/2025/73

СОДЕЙСТВИЕ АКТУАЛИЗАЦИИ РЕФЛЕКСИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ, РАБОТАЮЩИХ С МУЗЫКАЛЬНО ОДАРЕННЫМИ ПОДРОСТКАМИ

Ирина Васильевна Ширеезданова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

На сегодняшний день требования, предъявляемые к специалистам любых профессий, сфокусированы на развитии не только профессиональных навыков, но и личностных качеств. Современные требования к образовательной среде, психологические особенности обучающихся, социально-экономическая ситуация в стране и многие другие факторы повлияли на представление о профессионально-педагогической позиции преподавателей, формирование и поддержание которой необходимо для эффективной профессиональной деятельности. Одним из ключевых компонентов, обеспечивающих устойчивость профессионально-педагогической позиции преподавателя, можно назвать рефлексивную компетентность [1].

Рефлексивная компетентность – это профессиональное качество личности педагога, позволяющее наиболее эффективно и адекватно осуществлять процессы обучения и воспитания студентов через выход в рефлексию, что способствует творческому подходу к профессиональной деятельности, направляет процесс профессионального самосовершенствования.

Сформированная рефлексивная компетентность – необходимое условие профессионализма преподавателя, его педагогического мастерства. Необходимо отметить, что рефлексивная компетентность каждого отдельного преподавателя обладает индивидуальностью и уникальностью, так как отражает личностные качества, ценности, способ мышления, поведения, окружающую личную и социальную ситуацию, наличие жизненного и педагогического опыта и многое другое. Можно сказать, что рефлексия – это неотъемлемая часть всех видов деятельности человека на всех этапах жизнедеятельности [3].

Преподавателям, работающим с музыкально одаренными подростками, необходимо учитывать их психологические особенности в процессе планирования и осуществления своей педагогической деятельности. Подростки, объединенные одной общей чертой – музыкальной одаренностью, демонстрируют высокий уровень таких эмоциональных состояний, как: фрустрация, тревожность, импульсивность, склонность к риску и принятию асоциальных установок; подвержены влиянию окружения и испытывают потребность в одобрении окружающих. Следовательно, существуют специфические особенности профессионально-педагогических задач преподавателей, работающих с музыкально одаренными подростками; необходимо учитывать, что эмоциональный и интеллектуальный уровень музыкально одаренных подростков находится на более высоком уровне.

Мы полагаем, что невозможно говорить о профессиональной (педагогической) компетентности преподавателя с неразвитой рефлексивной компетентностью. Рефлексивная компетентность обеспечивает динамику в процессе профессионального развития преподавателя, так как, находясь в аналитической позиции, преподавателю проще проанализировать накопленный профессиональный опыт и сделать выводы, которые существенно улучшат и его деятельность, и образовательные результаты студентов. Необходимо отметить, что предметом рефлексии не может быть только сам преподаватель и его деятельность, им еще обязательно являются студенты, коллеги, их способы взаимодействия, поведение, участие в образовательном процессе [2].

Одной из наиболее эффективных форм содействия актуализации рефлексивных компетенций преподавателей, работающих с музыкально одаренными подростками, является рефлекс-

сивный тренинг. Рефлексивный тренинг направлен на понимание преподавателем себя в роли участника образовательного процесса как целостной и многогранной системы, развитие навыков педагогической рефлексии и осознание необходимости их практического применения, а также на повышение уровня личной и профессиональной самооценки преподавателей, работающих с музыкально одаренными подростками.

Рефлексивный тренинг состоит из двух блоков: теоретического и практического. Теоретический блок направлен на формирование у преподавателей знаний о том, что такое рефлексия, ее целях и задачах, формах и видах. Практический блок является механизмом по раскрытию возможностей профессионального и личного саморазвития через психогимнастические игры и техники в условиях активного взаимодействия всех участников тренинга. Тренинг состоит из 8 занятий, которые можно разделить на 4 этапа – по 2 занятия на каждый этап. Периодичность проведения занятий – один раз в неделю. В рамках первого этапа осуществляется подготовка к изменениям в поведении и общении, выявление потребностей преподавателей в профессиональном и личностном саморазвитии. Второй этап рефлексивного тренинга предназначен для уточнения проблем и стереотипов поведения, мешающих профессиональной деятельности, оценки качества личной и профессиональной коммуникации. На третьем этапе проигрывается «проживание» профессиональных проблем для нахождения новых подходов к их решению. Четвертый этап направлен на планирование новых форм поведения в рамках профессиональной деятельности и их закрепление.

Таким образом, мы предполагаем, что внедрение рефлексивного тренинга в образовательное пространство окажет положительное влияние на содействие актуализации рефлексивных компетенций преподавателей, работающих с музыкально одаренными подростками.

Литература

1. Гордиенко Т.П., Мезенцева А.И., Михайлова А.Г. Развитие профессионально-личностной позиции преподавателя // Проблемы современного педагогического образования, 2023. № 81. С. 22–26.
2. Медведев А.М., Жуланова И.В., Мысина Т.Ю. Педагогическая рефлексия – два контекста: опыт, интроспекция и самосознание или персонализация и деятельность. Часть 2 // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8, № 4. С. 1–25.
3. Тараканов А.В., Архипова И.В., Ляшенко М.В., Дураченко О.А., Сизикова Т.Э. Рефлексивная готовность к освоению профессиональных компетенций // Сибирский психологический журнал. 2020. № 76. С. 105–124.

УДК 159.9.072

doi: 10.17223/9785907890527/2025/74

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРУШЕНИЙ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Сергей Евгеньевич Шляпников

Томский государственный педагогический университет, Россия, Томск

В возрастном развитии человека традиционно выделяется ряд периодов, для каждого из которых характерны определенные закономерности развития. Особую роль такие авторы, как Л.И. Божович, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, В.С. Мухина, Д.Б. Эльконин, отводят старшему дошкольному возрасту [3, с. 2]. Как отмечает С.А. Медведева, большое значение в данном воз-

расте играет развитие когнитивных процессов, таких как память, внимание, речь, восприятие, в воображение [2, с. 2]. Разнообразие получаемой информации становится мощным стимулом для физического и нервно-психического развития ребенка. В значительной степени этому способствует и совершенствование функций речи, которая является универсальным средством организации внимания. В условиях современного общества ряд факторов оказывают значительное влияние на развитие когнитивных процессов ребенка. Современные информационные технологии дают ту информацию, которую ребенку ранее приходилось искать самостоятельно. Также и общий характер подачи информации в материалах для детей не способствует формированию произвольности и предполагает исключительно яркие эмоции.

Все эти процессы приводят к необходимости радикального пересмотра многих традиционно используемых психологами понятий. В частности, это понятие задержки психического развития. Согласно классификации К.С. Лебединской, для детей с ЗПР конституционального происхождения характерны яркие, но поверхностные и нестойкие эмоции, преобладание игровой мотивации, повышенный фон настроения, непосредственность [1, с. 8]. А такое поведение характерно для очень многих современных детей. Этому способствуют все выше обозначенные социально-психологические условия развития современных детей.

С целью установить особенности развития когнитивных процессов у детей старшего дошкольного возраста в декабре 2023 г. – мае 2024 г. в рамках экспериментальной площадки ТГПУ было проведено эмпирическое исследование в образовательных учреждениях г. Томска. В ходе исследования обследовались обучающиеся подготовительной группы 9 детских садов и обучающиеся первого класса 4 школы. В сплошную выборку были включены как дети, имеющие протокол ПМПК 7 вида, так и дети в пределах нормы.

В обследовании использовались тест Кооса, прогрессивные матрицы Равена, контурный САТ, запоминание групп слов, методика обследования речи дошкольников Т.А. Фотековой.

По результатам предварительного анализа данных были сделаны следующие выводы:

1. Обучающиеся тех детских садов, где не была предусмотрена образовательная программа, демонстрировали более низкие показатели по тесту Кооса и Равена.

2. В тех детских садах, где много внимания на занятиях уделялось конструированию, гораздо выше были результаты по тесту Кооса. При этом по другим методикам результаты у таких детей могли быть низкими. В связи с этим мы предположили, что высокие результаты по данной методике могут быть связаны с развитым навыком конструирования.

3. Наблюдалась статистически важная связь между результатами по тесту Кооса и Равена. Если низкий результат был по одному тесту, то и по другому тесту результат был низкий.

4. При выполнении контурного САТ у обучающихся с ЗПР проявлялась самоизоляция, слабо развитые навыки общения – персонаж всегда один, не общается с другими, нет сюжета в картинке. Часто встречались темы болезни и агрессии.

5. При выполнении контурного САТ дети с ЗПР демонстрировали низкую эмоциональную вовлеченность, отвечали односложно, картинки, связанные с нахождением субъекта в компании других людей, игнорировали.

6. Обучающиеся с развитием в пределах нормы при выполнении методики САТ всегда описывали яркие сюжеты, демонстрировали эмоциональную вовлеченность.

7. При выполнении методики «Запоминание групп слов» у детей с ЗПР для запоминания требовалось три предъявления материала, детям в пределах нормы одно предъявление. Дети с ЗПР часто заменяли слова фонологически схожими.

8. Наблюдается устойчивая связь между низким уровнем развития речи и когнитивных процессов. Если ребенок имел установленное логопедом общее недоразвитие речи, то у него наблюдались низкие показатели по тесту Кооса и Равена, низкий уровень запоминания. Тем са-

мым подтверждается концепция Московской психолингвистической школы о непосредственной связи речи и мышления.

В результате качественного анализа предварительных результатов эмпирического исследования был сделан общий вывод, что признаки ЗПР в классическом понимании дефектологии, демонстрирует гораздо больше детей. И далеко не все из них имеют протокол 7 вида. Поэтому встает вопрос об актуальности традиционных признаков задержки психического развития для диагностики современных детей старшего дошкольного возраста и пересмотра многих других традиционных для дефектологии понятий. А если эти признаки актуальны, то можно говорить о том, что задержка психического развития гораздо более распространена в популяции детей и просто официально ПМПК не установлен их статус. В дальнейшем в рамках работы экспериментальной площадки предполагается провести сравнительный анализ когнитивных процессов у детей разного возраста, чтобы выявить возрастные закономерности проявления задержки психического развития.

Литература

1. *Лебединская К.С.* Актуальные вопросы диагностики задержки психического развития / под ред. К.С. Лебединской ; Научно-исследовательский институт дефектологии Академии педагогических наук СССР. М. : Педагогика, 1982. 128 с.
2. *Медведева С.А.* Развитие когнитивных функций у детей старшего дошкольного возраста. URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/23358/1/prfks_2018_142.pdf (дата обращения: 21.10.2024).
3. *Полынская И.Н.* Психолого-педагогические особенности детей старшего дошкольного возраста. URL: <https://phsreda.com/e-articles/10238/Action10238-97827.pdf> (дата обращения: 21.10.2024).

УДК 159.9.072:159.955

doi: 10.17223/9785907890527/2025/75

РОЛЬ ЗАНЯТИЙ ШАХМАТАМИ В РАЗВИТИИ НЕВЕРБАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И РЕГУЛЯТОРНЫХ ФУНКЦИЙ У ДЕТЕЙ 5–6 ЛЕТ

Анастасия Александровна Якушина, Александра Георгиевна Долгих

*Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований,
Москва, Россия*

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФ № 24–78–10099.

Актуальность. Шахматная деятельность является одной из наиболее интеллектуально насыщенных деятельностей, в которую может быть вовлечен ребенок. Шахматы представляют собой игру, в которой необходимо на протяжении длительного времени удерживать внимание, просчитывать в уме наиболее удачные комбинации ходов, анализировать, сопоставлять и оценивать различные варианты развития игровой ситуации с учетом возможных изменений, что может делать шахматную игру ресурсом для развития различных когнитивных способностей [1]. Ряд исследований демонстрируют положительное влияние регулярных занятий шахматами на развитие интеллекта, внимания, памяти и регуляторных функций у детей, начиная с дошкольного периода [2, 3]. Однако вопрос о развитии когнитивных функций с помощью занятий шахматами в детстве и переносе способности к решению сложных задач на другие виды задач в

указанном возрасте остается открытым, так в ряде исследований не было обнаружено значимых различий в развитии когнитивных функций у детей, которые занимаются шахматами и не занимаются ими [4]. Кроме того, наблюдается нехватка современных данных о роли шахмат в когнитивном развитии детей как в отечественной, так и в зарубежной литературе. В связи с этой целью исследования выступило изучение роли дополнительных занятий шахматами в развитии невербального интеллекта и регуляторных функций у детей 5–6 лет.

Выборка. В исследовании приняли участие 81 дошкольник ($M_{age} = 70,8$ $SD_{age} = 4,12$), 41 из которых посещают дополнительные занятия шахматами от 6 месяцев до 2 лет.

Методы. Для диагностики невербального интеллекта была использована методика «Прогрессивные матрицы Равена». Для диагностики регуляторных функций были использованы методики комплекса NEPSY-II. Для исследования зрительной рабочей памяти применялся субтест «Память на конструирование»; для оценки слухоречевой рабочей памяти применялся субтест «Повторение предложений»; субтест «Торможение» был использован для оценки когнитивного сдерживающего контроля; Субтест «Статуя» использовался для диагностики физического сдерживающего контроля. Для оценки когнитивной гибкости использовался тест «Сортировка карт по изменяемому признаку».

Результаты. В связи с тем, что выборка распределена нормально (тест Шапиро–Уилка), для сравнения средних был применен t -критерия Стьюдента. В результате проведенного исследования были выявлены значимые различия в развитии таких показателей как невербальный интеллект ($t = -1,917$; $p = 0,05$), слухоречевая рабочая память ($t = -2,800$; $p = 0,006$), и физический сдерживающий контроль ($t = 2,764$; $p = 0,007$). При этом более высокие баллы по методикам имеют дети, которые регулярно посещали дополнительные занятия по шахматам. Полученные результаты могут быть объяснены тем, что шахматная деятельность предполагает активную умственную работу, с одной стороны, а с другой – требует от ребенка сдерживания своих поведенческих импульсов, в частности, выдерживание времени партии и ожидание хода соперника. Кроме того, в процессе обучения ребенку требуется быть внимательным к инструкциям и рекомендациям, которые дает тренер.

Выводы. Таким образом, в результате проведенного исследования были выявлены значимые различия в уровне развития невербального интеллекта, слухоречевой рабочей памяти и физического сдерживающего контроля у дошкольников 5–6 лет, которые посещают и не посещают дополнительные занятия шахматами. Полученные данные могут свидетельствовать о положительном вкладе занятий шахмат в когнитивное развитие детей и необходимости дальнейшего изучения данного вклада в лонгитюдном аспекте.

Литература

1. Алексеев Н.Г. Шахматы и развитие мышления // Шахматы: наука, опыт, мастерство. М. : Высшая школа. 1990. С. 41–53.
2. Bilalić M., McLeod P., Gobet, F. Does chess need intelligence? – a study with young chess players // *Intelligence*. 2007. Vol. 35. P. 457–470. doi: 10.1016/j.intell.2006.09.005
3. Grau-Pérez G., Moreira K. A study of the influence of chess on the executive functions in school-aged children // *Stud. Psychol*. 2017. Vol. 38. P. 473–494. doi: 10.1080/02109395.2017.1295578
4. Sala G., Gobet F. Do the benefits of chess instruction transfer to academic and cognitive skills? // *A meta-analysis*. *Educational Research Review*. 2016. Vol. 18. P. 46–57.

ЛИЧНОСТНАЯ ГОТОВНОСТЬ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОТКРЫТОСТЬ ВУЗОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ПРЕДИКТОРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ В УСЛОВИЯХ СТРЕССА

Валерия Вадимовна Яшина, Сергей Александрович Богомаз

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

В 21 веке мир изменяется стремительнее, чем раньше, меняются социальные и профессиональные устои, моральные и правовые нормы. Глобальная пандемия, развитие систем искусственного интеллекта и дополненной реальности, геополитические конфликты изменяют привычный мир и заставляют меняться людей. И студенческая молодежь является одной из наиболее подверженной этим стрессогенам социальной стратой [2, 3]. В исследовании анализируется связь психологического здоровья с открытостью и личностной готовностью к деятельности у молодежи в стрессовых условиях.

Организация исследования и методики. Онлайн тестирование проведено в несколько замеров. Первый этап: июнь 2020 г., выборка из 188 человек от 15 до 27 лет из 22 городов России и стран СНГ, 43,6% мужчины, 55,9% женщины, 0,5% небинарный респондент. Второй этап: 2023 г., 30 участников из первого этапа: возраст от 22 до 24 лет, женщины 76,6%, мужчин 23,3%. Методики: опросник «Спектр психологического здоровья» К. Киза, адаптация Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева [4]; Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера [5], в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина; Шкала Личностной готовности к деятельности (ЛГД) [1]; Шкала «Открытости» пятифакторного опросника личности «Большая пятерка», адаптация Е.Н. Осина, Е.И. Рассказовой, субшкалы: «открытость опыту» и «открытость знаниям»; Госпитальная шкала тревоги и депрессии, HADS. Статистический анализ проводился в программе IBM SPSS Statistics 27.

Результаты. По результатам анализа 2020 г. все исследуемые показатели коррелировали между собой, в частности, индекс психологического здоровья ($r = 0,770$; $p = 0,00$); эмоциональное благополучие ($r = 0,736$; $p = 0,00$); социальное благополучие ($r = 0,550$; $p = 0,00$); психологическое благополучие ($r = 0,690$; $p = 0,00$) коррелируют с личностной готовностью к деятельности (ЛГД). ЛГД коррелирует с показателями инновативности и открытости опыту, но корреляция с открытостью знаниям не обнаруживалась ($r = -0,027$; $p = 0,889$). Из чего можно сделать вывод, что молодежь либо быстро «перенасыщается» знаниями, либо доступность и открытость знаний не смогла обеспечить необходимый уровень социального и психологического спокойствия и стабильности и перестала быть актуальным выбором для молодых людей.

Переменные сгруппировались в 2 фактора (факторный анализ, 8 переменных): первый фактор объединил признаки субъективного счастья, эмоциональное благополучие, психологическое благополучие и социальное благополучие, индекс ЛГД, второй – индекс инновативности и индекс открытости. Следовательно, психологическое здоровье молодежи связано с готовностью к традиционной деятельности (так как именно с ней связана личностная готовность к деятельности), в то время как ориентация на инновативность и открытость не оказывается приоритетной у молодых людей.

Исследование 2023 года показало, что на старших курсах университета взаимосвязь между личностной готовностью к деятельности и психологическим здоровьем ослабевает (ЛГД не коррелирует с индексом психологического здоровья $r = 0,287$; $p = 0,124$; эмоциональным благополучием $r = 0,279$; $p = 0,136$; психологическим благополучием $r = 0,334$; $p = 0,072$; слабо коррелирует с социальным благополучием $r = 0,382$; $p = 0,037$). Возможно,

на старших курсах университета студенты сталкиваются с новыми вызовами и стрессовыми факторами, которые могут негативно сказаться на их психологическом здоровье. Также в старшем возрасте у студентов может развиваться более зрелый тип личности, который характеризуется большей устойчивостью к стрессовым факторам. В 2023 г. появляется взаимосвязь между индексом личностной готовности к деятельности, социальным благополучием и индексом открытости. Корреляция целеполагания и планирования с удовлетворенностью жизни и индексом личностной готовности к деятельности.

Выводы. На первых курсах психологическое здоровье молодежи не связано с показателями инновативности и открытости опыту и знаниям, но связано с личностной готовностью к деятельности. Чем сильнее молодой человек ориентирован на деятельность, тем выше и стабильнее его психологическое здоровье. На старших курсах взаимосвязь между психологическим здоровьем и личностной готовностью к деятельности ослабевает, на сохранение и укрепление психологического здоровья на выпускных курсах у молодежи влияет открытость опыту и знаниям.

Литература

1. *Атаманова И.В., Богомаз С.А.* Молодежь в меняющемся мире: ценностные ориентации как предиктор личностной готовности к деятельности // *Ананьевские чтения–2019: Психология обществу, государству, политике: материалы междунар. науч. конф.* / под общ. ред. А.В. Шаболтас, О.С. Дейнека ; отв. ред. И.А. Самуйлова. СПб. : Скифия–Принт, 2019. С. 279–280.
2. *Ефименко А.А.* Влияние изменения учебной программы на здоровье студентов // *Столыпинский вестник.* 2023. Т. 5, № 8. С. 4480–4491.
3. *Наговицин А.К., Остроухова О.Н., Луцник М.В., Макеева А.В., Болотских В.И.* Оценка психологического состояния студентов под воздействием стрессорных факторов, связанных с пандемией COVID-19 // *Вестник новых медицинских технологий.* 2023. № 3. С. 23–25.
4. *Осин Е.Н., Леонтьев Д.А.* Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены.* 2020. № 1. С. 117–142.
5. *Diener E., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S.* The Satisfaction with Life Scale // *Journal of Personality Assessment.* 1985. № 49. P. 71–75.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов издания	3
Абдулина Ю.А. Удовлетворенность трудом специалистов по организации оказания многопрофильной помощи как маркер адаптации к профессии	5
Алыджи Е.И., Живаева Ю.В. Психологическое исследование «магического мышления» у лиц зрелого возраста	7
Басимов М.М. Числовое логическое мышление как профессионально важное качество при сравнении математиков и филологов	9
Басимов М.М. Нелинейность строгости как причины результативности жизни, а принятия ребенка как причины родительской требовательности	11
Битюцкая Е.В., Херувимова А.А., Докучаева А.Г. Динамика восприятия трудной ситуации у людей с разными типами реагирования на изменения	13
Богомаз С.А., Филенко И.А. Метакогнитивные, ценностные и личностные характеристики юношей и девушек как предпосылки различий в инновативной активности	15
Бочарова Л.А. Стресс в подростковом и юношеском возрасте: вызовы цифровой среды и стратегии совладания	17
Бредун Е.В. Темпоральные структуры образа мира человека	19
Буравлева Н.А. Современные методики для выбора профессий будущего	21
Ваулина Т.А. Использование техник арт-терапии для поддержания психоэмоционального состояния студентов во время обучения в вузе	23
Верхотурова Н.Ю. К проблеме изучения эмоциональной компетентности школьников в условиях компетентностно-ориентированной образовательной парадигмы	25
Георгиева З.К. Мотивы к обучению в зрелом возрасте. Анкетное исследование	27
Дорошева Е.А., Приблуда А.В. Моделям руминативного мышления: взаимосвязь руминаций, мотивационных ориентаций и саморегуляции поведения	29
Еремينا Е.В., Подойницина М.А. Психологические маркеры опыта использования когнитивного ресурса и доминирующих стратегий решения сенсомоторных задач	31
Есипенко Е.А., Шамаков В.А., Маценуро Д.М. Взаимосвязь индивидуальных особенностей с ЭЭГ-коррелятами математической тревожности у студентов	33
Жангужина О.Ю. Обеспечение личной безопасности студентов как элемент стратегии адаптации	34
Злобина Е.Г. Консультационная помощь психолога родителям детей с ОВЗ	37
Злобина М.В., Краснорядцева О.М. Континуум «толерантность-интолерантность к неопределенности» как составляющая стратегии жизнеосуществления	39
Кабрин В.И. Креативный крест образования	41
Канавина С.С. Значимость развития нейронаук в контексте когнитивной психологии: новые возможности для развития когнитивной деятельности	42
Кирилюк М.И. Стилистические различия при аутентификации творческого текста	44
Клищенко Р.Н. Иррациональные установки людей с алкогольной зависимостью	47
Кожевникова Т.А. Когнитивные и нейрофизиологические особенности центральной нервной системы у преподавателей	49
Костарев В.В. Особенности психологических процессов личности талантливых подростков	50
Кубрак Т.А. Кинодискурс и его роль в обеспечении информационно-психологической безопасности в транзитивном обществе	51

Кудашова Е.А. О вынужденной дефицитарности у лиц с соматической патологией	53
Кузнецов И.К. Внутренняя картина здоровья как показатель вовлеченности в реабилитационный процесс у пациентов с ОНМК	55
Кузнецова Т.В., Филенко И.А. Развитие устойчивости внимания и самоконтроля у детей с задержкой психического развития.....	57
Кузнецова Ю.В., Гуткевич Е.В. Психологические исследования стигматизации лиц с нарушениями психического здоровья	59
Кузьмина Г.А., Трофимова Е.Л. Психологическая безопасность преподавателя высшей школы МВД России	61
Кулагина Д.А., Кузьмина А.С. Симптомы посттравматического стрессового расстройства в контексте индивидуально-типологических характеристик личности	63
Куртанидзе О.О. Проблема социально-психологической реадaptации у участников военных конфликтов.....	65
Лю Л., Атаманова И.В. Переживание эмоциональных дилемм иностранными студентами: постановка проблемы исследования	67
Логинов С.А., Гуткевич Е.В. Специфика экзистенциальной психотерапии в работе с подростками, страдающими от депрессии	69
Логинова И.О. Образ позитивного будущего как ресурс жизнеосуществления.....	71
Лужбина Н.А. КОммуникативная компетенция в контексте «гибких навыков» студентов.....	72
Магай А.И., Бабурин А.Н., Немцев А.В., Рязанова Т.Б. О некоторых особенностях религиозного совладания участников православных семейных клубов трезвости	75
Малегонова С.А., Ральникова И.А. Жизненная перспектива личности, проживающей ненормативный кризис.....	77
Малиновская М.А. Вовлечение детей в конфликтные отношения родителей после развода как фактор риска психологического неблагополучия детей	79
Матюшина М.А., Петрова В.Н. Гибкие навыки как элемент профессиональной идентичности в условиях неопределенности	81
Мильчарек Т.П. Трансрадикализм и экстремизм: сущностная взаимосвязь в условиях трансформации современной реальности человека с позиций трансспективного анализа	83
Морозов Е.М. Современные тенденции изучения эмоционального выгорания у священнослужителей	85
Мошкиска В.А. Анализ основных страхов, испытываемых женщинами в период вынашивания ребенка.....	86
Немцев А.В. Некоторые подходы к вере как к психологическому феномену	88
Павлова Е.В. Структура вовлеченности студентов в образовательное пространство вуза в новых социокультурных условиях	90
Петроченко И.А. Взаимосвязь информационно-психологической безопасности с когнитивным, аффективным и поведенческим компонентами коммуникативного поведения в цифровой среде.....	92
Позднякова Т.Б. Смысл жизни как ценность в контексте детско-родительских отношений.....	94
Помуран Н.Н. К вопросу об использовании метода анализа перевода в исследованиях модальности опыта личности	96
Ральникова И.А., Ральников С.С. Временная перспектива личности в контексте прокрастинации	98
Рыжкова М.В., Филенко И.А., Чиков М.В. Психологические факторы принятия эффективных финансовых решений и рискованное финансовое поведение.....	100
Самотаева Э.А. Ресурсный подход в помогающих профессиях	102

Самотесов Н.М. Особенности проявления анозогнозии у лиц с алкогольной и наркотической зависимостью	104
Саранчина Е.В., Петрова В.Н. Взаимозависимости между когнитивными характеристиками субъективного благополучия и темпоральными ориентациями личности в ситуации неопределенности	106
Свитюк С.Ю. Семантика идеального билингвального Я в структуре Я-концепции личности билингва	108
Сенченко Г.В., Логинова И.О. Проблема динамического нейропсихологического сопровождения детей с эпилепсией	110
Силаева Д.В., Гуткевич Е.В. Психологическая профилактика расстройств пищевого поведения.....	112
Скавинская Е.Н. Влияние особенностей родителей на детско-родительские отношения в условиях спора о воспитании и месте жительства.....	113
Смирнова Я.К. Айттрекинг в нейропсихологическом изучении зрительного гнозиса у детей с нарушением слуха	116
Сырямкина Е.Г. Специфика подготовки к профессиональной деятельности специалиста по работе с молодежью в транзитивном мире	118
Терехова Т.А., Радзион Н.Г. Параллельная карьера как условие самореализации личности в динамике трансформации общества.....	120
Тетерина Е.С. Гендерная специфика профессиональных предпочтений у студентов гуманитарных направлений обучений	122
Титков И.В. Геймификация в профессиональном становлении будущих клинических психологов	123
Титова О.И. Отношение к социальному взаимодействию с учетом гендерного типа личности: психологические механизмы.....	125
Трофимова Ю.В. Взаимосвязь оптимизма, эмоциональных переживаний и склонности к расстройствам пищевого поведения девушек.....	127
Турова И.В. Коммуникативная компетентность будущих врачей: современные вызовы и стратегии развития в профессиональной деятельности	129
Тютюнников П.Р. Образовательная депривация в процессе эпигенеза идентичности студента.....	131
Фатыхова Р.А. Психологические факторы долгосрочного сберегательного поведения	132
Федоровский А.Е., Атаманова И.В. Психологический профиль студентов-лингвистов: кластерный анализ.....	134
Чжэн В. Влияние китайской традиционной культуры на понимание саморегуляции	136
Шамаков В.А. Психодиагностические маркеры двигательной активности пользователей электронной образовательной среды	138
Шамсудинова С.С. Провокация как инструмент воздействия на цикл норд джона бойда в контексте информационного противостояния	140
Шелепина Э.К. Профессионально-психологические особенности сотрудников органов внутренних дел с разным уровнем утомленности.....	142
Ширеезданова И.В. Содействие актуализации рефлексивных компетенций преподавателей, работающих с музыкально одаренными подростками	144
Шляпников С.Е. Опыт исследования нарушений когнитивных процессов у детей старшего дошкольного возраста.....	145
Якушина А.А., Долгих А.Г. Роль занятий шахматами в развитии невербального интеллекта и регуляторных функций у детей 5–6 лет.....	147
Яшина В.В., Богомаз С.А. Личностная готовность к деятельности и открытость вузовской молодежи как предикторы психологического здоровья в условиях стресса	149

Научное издание

**ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА В ТРАНЗИТИВНОМ МИРЕ:
ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ И РЕСУРСЫ ЖИЗНЕОСУЩЕСТВЛЕНИЯ**

МАТЕРИАЛЫ IX СИБИРСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФОРУМА
25–26 октября 2024 г., Томск, Россия

Издание подготовлено в авторской редакции

Компьютерная верстка О.А. Турчинович
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано в печать 18.02.2025 г. Формат 60×84¹/₈.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Печ. л. 19,25; усл. печ. л. 17,33; уч.-изд. л. 16,12.
Тираж 500 экз. Заказ № 6208.

Издание отпечатано на оборудовании Издательства
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-907890-52-7

9 785907 890527 >